

The entire page is framed by a wide, dark border. This border is composed of a repeating pattern of stylized, four-lobed floral or foliate motifs, each enclosed within a square frame. The motifs are arranged in a grid-like fashion along the top, bottom, and side edges of the page.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО

ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРА
СОВРЕМЕННОСТЬ

17

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

№ 170

Герой-казанец Козьма Крючковъ.

Герой-казанец, первый получивший за эту войну Георгиевскій Крестъ. Крючковъ, съ 3-ми товарищами напал на разбѣдъ нѣмецкихъ уланъ, въ количествѣ 27 человекъ, съ офицеромъ, который, кромѣ 3-хъ ускорившихъ, всѣхъ уничтожилъ, при чемъ лично Крючковъ убилъ 11 уланъ и получилъ 16 ранъ. Теперь вновь отправился на войну.

О подвигѣ казака Крючкова знаетъ вся Россія. Доблестный сынъ тихого Дона поддержалъ воинскую славу русскаго казачества, однимъ именемъ своимъ нагнавшимъ страхъ на враговъ Россіи. Подвигъ Крючкова будетъ записанъ въ лѣтописяхъ русской арміи наравнѣ съ старыми быльями о герояхъ-казакахъ.

Лит. Изд. 1917 г. Издатель А. В. Бородинъ, в. 11. Москва. Дроздовъ, д. 4. Тиражъ 500 экз.

Козьма Фирсович Крючков

Редакционная коллегия:
В.И. Осипов — главный редактор
Е.И. Соколова —
 ответственная секретарь

© «Старообрядчество: история, культура, современность».

© Авторы статей.

© В.И. Осипов

При использовании материала сборника «Старообрядчество: история, культура, современность» ссылка на сборник обязательна.

Контакты:
 8-910-518-05-97
 8-915-048-56-53

e-mail: osipov-borovsk@yandex.ru

Сайт «Музей истории и культуры старообрядчества» —
[http:// oldbelievers.com](http://oldbelievers.com)

**Старообрядчество:
 история, культура,
 современность**

Выпуск 17

**Москва
 2018**

СТАРООБРЯДЧЕСТВО:

история, культура, современность

№ 17

Перекрестов Р.И.

Взаимоотношения между старообрядцами, революционерами и государством на разных этапах революционного движения XIX–XX вв.

на примерах из Стародубья 4

Боченков В.В.

«Передайте мамаше, как приятно умирать за Царя и Родину». (Воинские некрологи и заметки о солдатах на страницах старообрядческой периодики в годы Первой Мировой войны) 9

Осипов В.И.

Гражданские и церковные «преступления» боровских старообрядцев в XIX–начале XX вв. 33

Михайлов С.С.

Из истории старообрядческого храма в селе Люберцы в первой половине XX столетия 40

Островский А.Б.

Лестовки русских старообрядцев (обзор собрания Российского этнографического музея) 45

Чувьюров А.А.

Памятники деревянной резной пластики с Голгофским крестом в культуре коми старообрядцев-беспоповцев Печорского Приуралья 50

Афанасьев А.В., Афанасьев Ю.В.

Меднолитая пластика Усть-Цильмы 58

Красилин М.М.

Убранство старообрядческих Евангелий 63

Мейкин М.

Особые люди — ключеведы 69

Дроздов М.С.

Воспоминания о «нулевой» конференции по старообрядчеству (К истории первой конференции «Старообрядчество: история и культура». Боровск. 6-8 декабря 1990 г.) 83

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 72-82

*Сборник подготовлен в рамках деятельности
 Комиссии по исследованию старообрядчества
 при Международном комитете славистов.*

Р.И. ПЕРЕКРЕСТОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТАРООБРЯДЦАМИ, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ И ГОСУДАРСТВОМ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ XIX–XX ВВ. НА ПРИМЕРАХ ИЗ СТАРОДУБЬЯ

На территории современной Брянщины очагами успешной предпринимательской деятельности старообрядцев, духовности и развитой культуры быта были город Новозыбков, посады: Клинцы, Злынка, Воронок, Елеонка и другие, основанные старообрядцами. Торговые связи старообрядцев этих поселений простирались до Москвы, Петербурга, Одессы, Киева, Ростова-на-Дону, Варшавы, Гданьска, Риги и до Китая.

При столь активной предпринимательской деятельности трудно поверить, что старообрядцы в своей стране были лишены многих гражданских прав и религиозных свобод. Унизительное для старообрядцев «беглопоповство» (переманивание священников из господствующей Церкви) удалось изжить после приобретения святителя (в 1846 г.), который рукоположил для старообрядцев три чина иерархии (дьяконский, священнический, епископский). Однако этот поступок старообрядцев был расценен правительством как попытка усиления раскола Церкви, началось полицейское преследование старообрядческих иерархов, аресты и заточение в тюрьмы. Но и после отмены преследования священства Белокриницкого поставления в 1858 г. священство Белокриницкого поставления осталось не признанным правительством и Церковью, по-прежнему старообрядцам не разрешали выдвигаться на выборные должности, занимать ответственные посты, строить храмы, создавать монастыри, открыто совершать обряды, устанавливать крест над моленной, издавать газеты, журналы, книги, устраивать училища для детей.

Именно в это время на многомиллионное старообрядческое население страны обратили внимание либеральные деятели русского зарубежья. Либералам из окружения Герцена казалось, что старообрядцы, лишённые гражданских прав и религиозных свобод, с не признанным священством пребывают в активной оппозиции к царскому самодержавному строю и неизбежно должны поддерживать планы либералов по переустройству существующего в России миропорядка.

М.А. Бакунин, например, писал в газете «Колокол»: «Раскол двинул вперед социальное воспитание народа, дал ему тайную, могущественную политическую организацию старообрядцев, сплотил его в силу. Раскол подымет народ во имя свободы на спасение России». А беспоповское представление о якобы уже наступившем «последнем антихристовом времени» М.А. Бакунин представил читателю как «грозное политическое предупреждение, исходящее из уст старообрядцев в адрес царского правительства» (1).

Планы либералов сделать старообрядцев

своими союзниками, «пятой колонной» в борьбе против царского самодержавия, оказались иллюзией. Старообрядцы, зачитывавшиеся изданиями «Колокола», после встречи с В.И. Кельсиевым, уполномоченным вести переговоры от лица лондонских революционеров, поняли самую суть русских либералов. Исчерпывающую характеристику кружку Герцена дал инок Павел Белокриницкий: «Цель лондонских революционеров — через разрушение Церкви достигнуть разрушения государства. Тогда они добрались бы до нас; мы им нужны только для достижения своей цели. И мы порешили — лучше терпеть от никониан всякое гонение, нежели согласиться с безбожниками и тем, через разрушение власти, готовить путь антихристу» (2).

Тогда же, по просьбе старообрядцев, Ксенос (Илларион Кабанов), готовивший митрополиту Кириллу Белокриницкому текст послания старообрядцам, включил в него слова осуждения революционеров, назвав их «злокозненными безбожниками, гнездящимися в Лондоне, возмущающими своими писаниями европейские державы и рассеивающими плетельное учение всенечестивейшего Вольтера — стремившегося до конца истребить веру Христа Бога» (3).

Спустя сорок лет подобными либеральными иллюзиями страдали первые социал-демократы. На II съезде РСДРП в 1903 г. В.Д. Бонч-Бруевич в докладе «Раскол и сектантство в России» предложил социал-демократам сотрудничать с религиозными инакомыслящими. Съезд в резолюциях отметил, что «сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей», что членам РСДРП надо «вести работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии». С этой целью В.Д. Бонч-Бруевич издавал в 1904 г. в Женеве листок для сектантов «Рассвет». Позднее РСДРП отказалась от этой мысли (4).

На самом деле революционные события начала 1900-х годов с призывами к свержению царя вызвали протест в рядах старообрядцев. Неприятие старообрядцами взглядов социалистов подогревали сами же агитаторы, оскорбляя их своим воинствующим атеизмом.

В «деле о запасном младшем госпитальном слуге Александре Петровиче Васильеве и других, обвиняемых в государственном преступлении (1899–1904 гг.)» говорится, что «литейщик А.П. Васильев прибыл в посад Клинцы из Петербурга в 1899 г. для приискания работы, поступил на завод Ляхова и остался в Клинцах. Петербуржец выделялся по своему умственному

развитию из среды своих товарищей фабричных рабочих старообрядцев, он был знаком с русской литературой и обсуждал такие социальные вопросы, о которых клинцовским рабочим старообрядцам ранее не приходилось слышать. Скоро Васильев в разговорах стал оскорблять религиозные чувства рабочих, насмехаясь над их верой и кощунствуя над христианской религией Распевал во время гуляний песню «Отречемся от старого мира» (5).

Религиозное мировоззрение старообрядцев поповского согласия не вмещало мысли о выступлении против царской власти, данной Богом. Заповеданная апостолами Петром и Павлом установка молиться за власть предрешающих, за царя, за воинство, соблюдалась старообрядцами поповского согласия свято и беспрекословно с XVIII в. Старообрядцы столетиями терпеливо сносили репрессии, казни, унижение, добиваясь гражданских прав мирными средствами. Старообрядцы неоднократно ставили перед правительством вопрос о наделении их религиозными свободами хотя бы в том объеме, которым пользовались в России исповедания инославные и даже иноверные (право открывать церковно-приходские школы, устраивать общественные моленные). Терпение старообрядцев, стойкое стояние за веру, служившее для многих православных христиан образцом религиозной нравственности, успешная предпринимательская и щедрая благотворительная деятельность старообрядцев укрепляли в общественном сознании уважительное отношение и сочувствие к старообрядцам. В обществе и в правительстве давно созрело понимание того, что власть обязана изменить отношение к старообрядчеству.

Крестьянские волнения начала 1900-х годов, кризис в экономике, растущее общественное недовольство политикой правительства подвигли царское правительство на поиск пути преодоления кризиса. В деле замирения общества правительство поставило на первое место две задачи: решение аграрного вопроса и предоставление религиозной свободы представителям существующих в России конфессий.

26 февраля 1903 г. был опубликован Манифест о намерениях правительства начать преобразования: «увеличить государственные кредиты на укрепление и развитие благосостояния дворянства и крестьянства», «облегчить отдельным крестьянам способы выхода из общины», «отменить стеснительную круговую поруку», «расширить деятельность Крестьянского банка»... Для старообрядцев главное было сказано в конце Манифеста: «усиление влияния православной церкви при разрешении свободы вероисповедания». А поскольку правительство уже через две недели, 12 марта 1903 г., законодательно отменило круговую поруку, то обещания, объявленные Манифестом, вселяли надежду на скорое получение старообрядцами свободы вероисповедания.

Об интересе старообрядцев к назревающим правительственным решениям видно из письма епископа самарского Порфирия (воспитанника Клинцовского Красноборского Предтечиева монастыря), написавшего 24 марта 1903 г. клинцовскому протоиерею Федору Разуваеву

следующие строки: «Нам (в Самаре) из Санкт-Петербурга слышно, что о свободе старообрядцев будет решение и разъяснение в будущем, т.е. в 1904 году, 26 февраля. Нужно поприлежнее молитву возсылать Господу Богу, дабы Господь Царя положил по сердцу сотворити с нами милость На днях нашего протоиерея увидел один единоведец и начал говорить: вам теперь объявлена свобода, будете ставить на моленных кресты» (6).

Заявленное в Манифесте обещание свободы вероисповедания оживило религиозную жизнь внутри старообрядческих епархий и повлияло на отношение старообрядцев к происходящим в стране революционным выступлениям. Старообрядцы, чтобы дожидаться и получить из рук правительства желанную религиозную свободу, старались не скомпрометировать себя сотрудничеством с революционерами.

В «Политическом обзоре за 1903 г.», подготовленном в Черниговском Жандармском управлении, отмечалось, что возникшие в Клинцах волнения жителей против незаконной вырубki леса «дали благоприятную почву для социал-демократов. В Клинцах образовался с.-д. кружок и начал подстрекать местное население, указывая ему на произвол Правительства. Но до сих пор мало чего добился» «Старообрядцы, — продолжает «Политический обзор», — по праву могут считаться верноподданной частью населения и до сих пор осуждают пропаганду за требование свергнуть самодержавие» (7).

В посаде Клинцы конфликты рабочих с фабричной администрацией возникали почти ежегодно, но улаживались «домашними способами». Революционные выступления рабочих в Клинцах в начале XX в. прошли путь от стихийных, неорганизованных выступлений с требованием мелких экономических уступок к организованным выступлениям под руководством социал-демократов и эсеров с подключением политических требований. На первой стадии революционного движения, когда лозунги забастовщиков содержали чисто экономические требования, рабочие старообрядцы активно включались в борьбу, выступали против незаконных штрафов, за справедливую оплату труда, за более короткий рабочий день. Эти требования не противоречили религиозным представлениям старообрядцев о Божественной справедливости, попираемой фабрикантами и чиновниками «слугами антихриста», а также не противоречили представлениям о царе как помазаннике Божиим и о незыблемости власти, данной ему от Бога.

Решимость бороться за права трудящихся забастовщики черпали в молитвенном общении с Богом. Участник выступлений клинцовских рабочих Андриан Тимофеевич Бакшин вспоминал: «В 1905 г. бастующие фабричные рабочие собирались на беспоповском кладбище на Лысой горе. В стволе одной сосны был вделан образок Николая Угодника. Старушка перед образом затепливала лампадку два раза в день. Было предложено рабочим подходить к образу Николая Угодника и давать присягу: не начинать работу до тех пор, пока

фабриканты не удовлетворяют наши требования. Все мы положили по три поклона и дали слово бороться до полной победы всех рабочих» (8).

Когда в устах вожаков забастовки зазвучали призывы к свержению царя, старообрядцы стали уклоняться от забастовок. Одним из «уклонистов» был старообрядец Сергей Карташев, участвовавший в экономических выступлениях рабочих 1903 — 1904 гг., но начавший избегать их, как только к руководству забастовками пришли социалисты.

В архиве Клиновского краеведческого музея хранится документ следующего содержания: «Справка. Мы, участники забастовки рабочих Клиновских фабрик 1905—1906 гг., заявляем, что старообрядец ткач Стодольской фабрики Карташев Сергей никакого участия в забастовках рабочих фабрик не принимал. Наоборот, когда мы его приглашали на митинг на Лысой горе, он говорил, что лучше пойдет на рыбалку. Забирал удочки и уходил на р. Унечу». Подписали: «Член стачечного комитета от Стодольской фабрики — Бакшин А.Т. (есть подпись). Столяр фабрики Баксанта Балакин Савва (есть подпись). 19.07. 1961 г. г. Клины» (9).

Старообрядческое население Северной Черниговщины (нынче Западная Брянщина) — Клинов, Ардони, Новозыбкова, Злынки, Климова, Елеонки, Воронка, Новомлынки, Перевоза, Митьковки, Святска — не было однородным. К началу XX в. старообрядцы расслоились на консервативную часть — беспоповцев и на умеренно консервативную — поповцев, представленных рядом согласий — Диаконовым, Белокрыницким и Беглопоповским. Особняком стояли единоверцы — бывшие старообрядцы поповского и беспоповского согласий, присоединившиеся к господствующей Церкви на правах единоверия и принявшие в свои храмы священников, не прошедших «исправы» в старообрядческом монастыре с обязательным отречением от «никонианских ересей».

По свидетельству клинчанина старообрядца М.Т. Степанова, беспоповская часть старообрядческого населения слово «демократ» истолковывала как «демон» — «демонакрат» (10).

Молодежь из семей беспоповцев и из семей поповцев трудно было вовлечь в работу социал-демократических кружков. В то же время молодежь из семей единоверцев активно включалась в революционную работу. В старообрядческих селениях, где единоверцев было много: в Клинцах, Новозыбкове, Злынке, Елеонке, Воронке и др., революционные кружки, устраиваемые зачастую социал-демократами евреями, вбирали в себя выходцев из семей единоверцев.

Директор Стародубского краеведческого музея В.М. Путь писал, что в 1904—1905 гг. «Стародубская городская соц.-демокр. организация поддерживала связи с 18-ю сельскими пунктами Стародубского уезда» (11). Из 18 селений Стародубского уезда социал-демократы нашли единомышленников во всех старообрядческих посадах уезда: Елеонка, Воронок и в селениях с малым числом старообрядческого населения: Новомлынка, Понуровка, Курковичи, но не среди старообрядцев, а среди единоверцев.

Известный в Полесской (Гомельской) социал-демократической организации Михаил Иванович Сычѳв (1883—1918) был из единоверческой семьи посада Злынки. Сначала Сычѳв примкнул к эсерам, затем перешел к социал-демократам. В посаде Клины в революцию ушла молодежь в основном из семей прихожан единоверческих храмов. Нашими исследованиями выявлено, что прихожанами клиновской Вознесенской единоверческой церкви были социал-демократы Боблаков, Ляхов, Слатин, Глинкин, Ломанов, Карташев, Долгов, Пирогов, Подласов, Махоткин, Бакшин, Жуков, Степанов, Татаринов — все они еще в начале 1900-х годов вступили в кружки социал-демократов или эсеров и стали атеистами.

К примеру, «Матвей Васильевич Махоткин в 1905 г. делал в Клинцах бомбы для террористов, бежал от ареста в США, вернулся на родину в 1924 г.; Иван Слатин был одним из вожаков клиновских социал-демократов и членом Полесского комитета в 1905 г.; Иван Антонович Ляхов, тоже из единоверцев, литейщик, социал-демократ, член стачечного комитета в 1905 г.; Павел Подласов, эсер, террорист, присоединился к большевикам в 1917 г.; Иван Волков из семьи уставщика клиновской Троицкой единоверческой церкви, при Советской власти стал секретарем Брянского Горкома партии» (12).

Из прихожан старообрядческой Покрово-Никольской церкви нам удалось установить имена трех старообрядцев, участников революционных событий начала 1900-х годов: столяра Ивана Васильевича Смирнова, его брата Василия Васильевича Смирнова ткача фабрики Барышников (проходили по делу А.П. Васильева из Петербурга) (13) и Павла Церковского.

Молодежь из единоверческих семей, в отличие от семей старообрядческих, была восприимчивей и к антирелигиозной агитации. А.Т. Бакшин, единовец, в 1906 г. решительно порвал с религией и сделал это вызывающе, в присутствии большого числа прихожан Вознесенского единоверческого храма во время молебна. Бакшин с гордостью вспоминал, как «увел с собой Жукова Василия Степановича, Степанова Михея Григорьевича, Татаринова Григория Никифоровича. Мы не пожелали присутствовать при служении молебна за спасение царя-батюшки. Вслед уходящим из храма единоверческий священник Иоанн Пантелеевич Чередников с амвона произнес: „Православные! У нас есть крамольники. Они не пожелали молиться за царя Николая...“ Мы же признали это провокацией» (14).

Религиозные свободы, обещанные царским Манифестом 26 февраля 1903 г., были объявлены только через два года Указом 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Указ объявлял о даровании свободы богослужения, образования, гражданских прав духовным лицам, даровании статуса общин. Благодарные старообрядцы на Освященном Соборе в Хвалынске на Черемшане 23 августа 1905 г. постановили «сделать распоряжение по епархиям, чтобы священники ежегодно в

день 17 апреля в память дарованной нам свободы вероисповедания служили божественную литургию и благодарственный о здравии Его Величества молебен, равно и в другие Царские дни» (15).

Революционные волнения 1905 г. возбудили и политизировали Российское общество настолько, что старообрядцы поповского согласия не могли оставаться сторонними наблюдателями происходившей политической поляризации общества. В августе 1905 г. после окончания разрешенных полицией официальных заседаний VI Всероссийского съезда старообрядцев, приемлющих священство (2-5 августа 1905 г., Нижний Новгород), участники съезда провели частные собрания для обсуждения «положения старообрядчества в связи с Указом 17 апреля и общим современным положением». В обсуждении принимали участие ведущие начетчики: братья Василий и Федор Ефимовичи Мельниковы, И.К. Перетрухин, Н.Д. Зенин, И.И. Захаров, Василий Григорьевич Усов и др. Следует отметить, что братья Василий и Федор Мельниковы и братья Василий и Иван Усовы — воспитанники Новозыбковско-Клинцовской старообрядческой епархии, занимавшие в течение нескольких десятилетий ведущую роль в духовной жизни старообрядцев Белокриницкого согласия (Рогожского кладбища).

В итоге была выработана развернутая политическая программа и вынесено решение принять участие в выборах в Государственную Думу. В итоговое заявление был занесен призыв к старообрядцам — требовать от царя и правительства выборов в Учредительное собрание, гражданских свобод, проведения социально-экономических и политических реформ и лозунг: «Старообрядцы всех согласий, объединяйтесь на борьбу за право и свободу совести!» (16).

В том же 1905 г. Царским Манифестом 17 октября было объявлено о введении в стране законодательной Думы, о проведении выборов в Думу, а также объявлено о даровании «населению незабываемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Численность старообрядцев в эти годы составляла 2206621 человек всех согласий. Манифест был опубликован в разгар Всероссийской политической стачки, сопровождавшейся повсеместно всплесками насилия, погромами, восстаниями. Старообрядцы в противоправных действиях, в том числе в погромах, не участвовали, о чем было доложено начетчиком Д.С. Варакиным Совету Всероссийского съезда старообрядцев: «Благодарение Богу, в этих беспорядках не участвовали старообрядцы». Совет Всероссийского старообрядческого съезда 11 декабря 1905 г. постановил: разъяснять населению старообрядцев точный смысл Высочайшего Манифеста...» (17).

Манифесты 1905 г. при всем их демократическом содержании не решили главного вопроса во взаимоотношении государства со старообрядцами — не была признана законной старообрядческая иерархия, государство по-

прежнему считало религиозную деятельность старообрядцев незаконной, а также не возвращены старообрядцам изъятые из храмов книги и иконы.

Ф.Е. Мельников писал: «Через год, 17 октября 1906 г., последовал Высочайший Указ правительствующему Сенату о порядке образования и действия старообрядческих общин. В этом законе правительство старательно избегало даже одного упоминания о существовании старообрядческой иерархии принцип церковности не был введен в закон. И в этом отношении старообрядцы получали теперь даже меньше прав и признания, чем существующие в России исповедания инославные и даже иноверные» (18).

Манифест 17 октября 1905 г. и последовавший вскоре закон о выборах в Государственную Думу поставил перед старообрядцами вопрос: примыкать к какой-либо партии или выступать самостоятельно. Уже были попытки со стороны черносотенцев привлечь в свои ряды старообрядцев. С марксистскими партиями союз старообрядцев был немыслим, поскольку в программах этих партий были неприемлемые для старообрядцев требования: безбожие, свержение самодержавия, национализация земли и упразднение частной собственности. А Союз Русского народа (СРН) видел в старообрядцах раскольников, отношения с которыми можно строить только при условии присоединения их к господствующей Церкви на правах единоверия. В Уставе Союза русского народа (7 авг. 1906 г.), в пункте 3 второго отдела «II Программа» говорилось: «Русский народ — народ православный, а потому Православной Христианской Церкви, которая должна быть восстановлена на началах соборности и состоять из православно верующих, единоверцев и воссоединенных с ними на одинаковых правах старообрядцев». Пункт 3-й программы СРН сулил старообрядцам равные права при условии их воссоединения с господствующей церковью. Журнал «Церковь» писал: «...странно видеть старообрядцев в числе членов этого «Союза». Ведь по программе они должны будут защищать никонианское православие» (19).

Естественно, что единоверцам программный взгляд СРН на роль Церкви показался привлекательным. Клинцовский единоверческий священник Иоанн Чередников, миссионерская деятельность которого была направлена на вовлечение старообрядцев в единоверческую Церковь, то есть на соединение старообрядцев с господствующей Православной Церковью на правах единоверия, вступил в Союз Русского Народа и был выдвинут однопартийцами на выборы во Вторую Государственную Думу. Но вскоре Чередников разочаровался в своем политическом выборе и вышел из партии СРН.

«Несмотря на принимаемые съездами решения и предостережения в печати, старообрядцы на местах действовали по своему усмотрению и согласно гражданским убеждениям. В III Государственную Думу прошли шесть депутатов-старообрядцев, среди них депутат из Московской губернии выступал как октябрист, а депутат от Бессарабской губ. был

представлен от «Союза русского народа» (20). Но очень скоро старообрядец пожелал выйти из СРН.

В IV Государственную Думу (1912 г.) вошло только два старообрядца: беглопоповец из Могилевской губ. и поморец из Витебской губ., оба октябристы (21).

В 1917 г. самоотречение царя от власти старообрядцы восприняли как неизбежность и поддержали политику Временного правительства. 14 июля 1917 г. был опубликован Закон «О свободе совести». Из ссылки вернулись отказники от военной службы и пропагандисты православных вероучений. Были сняты запреты на пропаганду вероучения. Свободно, без согласования с полицией, собирались съезды. В течение девяти месяцев старообрядцы жили в условиях подлинной религиозной свободы. В конце августа 1917 г. в Москве собрался Всероссийский съезд старообрядцев всех согласий. Съезд высказался за демократическую республику и радикальную программу решения земельного вопроса.

Летом 1917 г. старообрядцы России, в том числе и Стародубья, приняли участие в выборах органов местного самоуправления. В выборах впервые участвовали женщины. Журналист газеты «Бюллетень Клиновского Совета р. и с. д.» не без иронии описывал, как вели себя в избирательном участке женщины-старообрядки: «10 сентября 1917 г. в посаде Злынке прошли выборы гласных в Городское Самоуправление. Чинно приступили граждане и гражданки посада впервые к выполнению своего гражданского долга. Многие женщины старообрядки, извлекая тщательно завернутые в серенькие платочки конверты и подавая их к урне, что-то тихо шептали и никак не хотели без разрешения приходского батюшки называть своих имен» (22).

А 4 августа 1917 г. в Клиновцах на Районной конференции Российской социал-демократической рабочей партии делегат от Новозыбковской с.-д. организации тов. Лейбнер говорил о слабости социал-демократов г. Новозыбкова. При выборах в Городскую Думу блок РСДРП с «Бундом» провел только 4-х гласных. А победили на выборах старообрядцы» (23).

С 26 по 28 ноября 1917 г. в Клиновцах проводились выборы в Учредительное собрание, в которых старообрядцы приняли участие в составе объединения под названием «Старообрядческое Всеобщее Согласие». Среди 15 партий и объединений, участвовавших в выборах и имевших 5721 голос, признанные действительными», старообрядцы получили 548 голосов (24). Такой результат отразил, с одной стороны малочисленность старообрядческой общины в посаде, а с другой стороны — активность старообрядцев.

Большевистский переворот старообрядцы встретили настороженно. Воинствующий атеизм вождей большевистской партии предвещал новые гонения на Церковь. Вскоре последовал Декрет СНК от 20 января 1918 г. о свободе совести, церковных и религиозных обществах (Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви), который запрещал церковным общинам владеть имуществом

и пользоваться состоянием юридического лица. Глава старообрядцев Белокриницкого согласия заявил, что «Более тяжелого для Церкви Христовой закона не могли придумать даже самые жестокие враги религии и христианства».

Наступали тяжкие времена разрушения Церкви государством, бесправия и гонений верующих, каких Церковь не знала со времен гонения первых христиан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Колокол» Изд. АН СССР. М., 1962. Вып.V. С.1022.
2. Перекрестов Р.И. Ксенос. Клиновцы, 2013. Кн.1. С.427-436.
3. Перекрестов Р.И. Из истории взаимоотношений старообрядцев с кружком А.И. Герцена // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.14. М., 2012. С.28-35.
4. Критический словарь русской революции. СПб., 2014. С.433.
5. ЦГАОР СССР. Ф.3. Оп.1904. Д.109. Прилож. Л.3-9об. // Копия в арх. Клиновского краеведческого музея (ККМ).
6. Переписка клиновских епископов. Рукопись. Л.43. // Архив автора.
7. Дроздов И.Г. Аграрные волнения и карательные экспедиции в Черниговской губернии в годы Первой Русской революции 1905—1906 гг. По неопубликованным данным бывшего Черниговского Губернского Жандармского Управления, а также по другим архивным материалам) М.—Л., 1925. С.15-16.
8. Бакшин А.Т. Воспоминания клиновского рабочего. 1905—1917 гг. // Частный архив И.Я. Афанасьева. Москва.
9. Справка // Архив ККМ. Папка А.Т. Бакшина.
10. Свидетельство из Воспоминаний Степанова Михаила Трофимовича // Архив ККМ.
11. Пусь В.М. Революция 1905—1907 гг. в Стародубском крае. // <http://korobko71.livejournal.com/30914.html>
12. Афанасьев И.Я. и др. Воспоминания клиновских большевиков // Архив ККМ.
13. ЦГАОР СССР. Ф.3. Оп.1904. Д.109. Прилож. Л.3-9об. // Копия в арх. ККМ.
14. Бакшин А.Т. Воспоминания // Частный архив И.Я. Афанасьева. Москва.
15. Постановления Освященных соборов. Б.-м., б.-г. С.49.
16. Протоколы частного собрания старообрядцев после VI Всероссийского съезда старообрядцев 2-5 августа 1905 г. в Н. Новгороде // Старообрядец. 1906. №6. С.694-717; №7. С.814-834. С.824.
17. Ершова О.П. Старообрядчество и власть. Гл.2 Участие старообрядцев в политической и общественной жизни России. Ч.1. // <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/137-1-0-1257>
18. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообр.) церкви. Барнаул, 1999. С.403-404.
19. О «Союзе русского народа» // Церковь. 1908. №40. С.355-356.
20. Старообрядцы — члены 3-й Государственной Думы // Церковь. 1908. №16. С.583.
21. Клюкина Ю.В. Старообрядцы и политические партии (1905—1917). С.328.
22. «Бюллетень Клиновск. Сов. р. и с. д.» №1 от 27.09. 1917 г.
23. «Известия Клиновск. Район. Сов. р. и с. д.» №2. от 17.08.1917 г.
24. «Бюллетень Клиновск. Сов. р. и с. д. №10. от 6.12. 1917 г.

В.В. БОЧЕНКОВ

**«ПЕРЕДАЙТЕ МАМАШЕ, КАК ПРИЯТНО УМИРАТЬ ЗА ЦАРЯ И РОДИНУ»
(ВОИНСКИЕ НЕКРОЛОГИ И ЗАМЕТКИ О СОЛДАТАХ НА СТРАНИЦАХ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ
ПЕРИОДИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)**

С началом Первой мировой войны в старообрядческой периодике появился особый жанр – воинский некролог и заметки о солдатах, находящихся в армии. Наша задача – поддержать память об ушедших людях, именно о тех, кто попал на страницы журналов. Характерной особенностью публикаций, обзор которых сделан в статье, является то, что все эти имена было кому сообщить в журналы, кто-то потрудился написать корреспонденцию, предоставить фотографию. О подавляющем большинстве воинов-старообрядцев мы не знаем ничего.

Вопрос увековечения памяти погибших поднимался на страницах дореволюционной старообрядческой периодики. Один из авторов журнала «Старообрядческая мысль» в неподписанной заметке говорил об инициативе ржевских старообрядцев построить храм в древнерусском стиле в память погибших героев, украсив стены их именами (1). Другой корреспондент «Слова Церкви» писал об издании брошюры, где были бы указаны имена старообрядцев, участников войны (2). Эти идеи возникли к концу 1916 г., когда уже достаточно напилось жертв, слез и горя. Последующие политические события в России не дали этому осуществиться. Да и возможно ли было учесть всех. Впрочем, идея храма-памятника, пусть без имен на стенах, мне кажется, заслуживает внимания, тем более что после Первой мировой была в XX в. еще и Вторая.

Ратная тема широка, она затрагивает не только участие старообрядцев в боевых действиях, позицию старообрядческих промышленников (Рябушинские, Д.В. Сироткин и др.), она касается не только отдельных выступлений старообрядческих организаций и частных лиц, захвата вражескими войсками Белокрыницкого монастыря (3), организации лазарета на Рогожском кладбище в Москве и других местах (4), вопросов о присвоении старообрядцам офицерского звания, что поначалу делалось «со скрипом», о не совсем законном призыве на воинскую службу духовных лиц (5). Это еще и вопрос о командируемых на фронт старообрядческих священниках (6). Нельзя обойти стороной старообрядческую периодику, уделявшую военным событиям огромное внимание. Ведь война касалась всех. Журналы «Слово Церкви», «Старообрядческая мысль», «Щит веры», «Уральский старообрядец», издававшийся в Екатеринбурге старообрядцами часовенного согласия, регулярно публиковали обзоры, что происходит на фронтах. В старообрядческой

периодике появлялись отклики на политические события, статьи, в которых поднималась тема исторических взаимоотношений России и Германии, русских и немцев (это чувствуется, например, по опубликованной в 1916 г. книге И.А. Кириллова «Правда старой веры», которая, глава за главой, печаталась на страницах журнала). Сюда входят и сообщения о молебнах о даровании победы и, разумеется, небольшие заметки, посвященные конкретным людям, совершившим подвиг, получившим ранения, погибшим.

Гонимая за общим, нельзя забывать частную судьбу. Ведь историю делали эти самые люди.

Начнем с некрологов. Я вполне солидарен с современным исследователем в том, что это специфический биографический жанр, что некролог всегда привязан к смерти человека, «он должен сообщить обществу о ней (и, соответственно, появляется вскоре после смерти), подвести итог жизни человека (раньше его путь был не завершен), основное внимание уделяя социально полезным аспектам его деятельности (посты, награды) и избегая негативных оценок. Уже самим фактом помещения некролога его персонаж признается социально значимым и важным» (7).

Особенность воинских некрологов из старообрядческой периодики в том, что для их публикации было совершенно неважно, совершил ли тот или иной человек подвиг, отличился ли в боях или нет, важно уже само по себе, что он надел солдатскую форму, он защищает родину, отечество, что он старообрядец и его дело обладает большой социальной значимостью, находится ли он в тылу или на передовой. Каждую заметку за редким исключением сопровождал фотоснимок. Проще указать, где его нет, чем наоборот. Это тоже было отличительной чертой публикаций. Каждый некролог содержал биографические сведения, пусть краткие и пунктирные: место рождения, учеба, сообщение о времени призыва на фронт, участие или неучастие в боях (пребывание в резерве), ранения, награды, обстоятельства гибели. То же касается отдельных заметок, посвященных конкретным лицам, не погибшим. Старообрядческий воинский некролог не всегда привязан к дате недавней гибели. Порой сообщение о погибшем бойце появляется спустя год, а то и больше. Как правило, подписи под некрологом нет (что традиционно для дореволюционной России), в большинстве случаев то же относится к заметкам о том или ином человеке, взявшем оружие, одевшем форму. «Набор ценностей», за которые сражается и погибает солдат-старообрядец, традиционен: вера, родина, отечество, царь. Они упоминаются

в некрологах и заметках не всегда. Последний концепт следует подчеркнуть особо. В 1917 г. он по известным причинам исчезает (даже если солдат погиб в 1916-м). Из личностных качеств некролог подчеркивает храбрость, самопожертвование, отсутствие вредных привычек, верность долгу и христианские добродетели: участие в годы мирной жизни в деятельности старообрядческих общин, посещение богослужений, умение читать и петь на клиросе, молитвенный настрой. Автор некролога считает необходимым особо оговорить, если умирающий в лазарете человек попросил позвать священника, успел исповедаться и причаститься. Иногда, если тело было доставлено на родину, сообщается о совершении заупокойных служб. Принадлежность к старообрядческой Церкви Белокриницкой иерархии оговаривается в «Слове Церкви» и «Старообрядческой мысли» не всегда и, если не указано иного (сообщения о старообрядцах-беспоповцах в «поповских» журналах есть, но редки), то следует считать того или иного воина белокриницким старообрядцем.

Оговоримся, что журнал «Церковь» осенью 1914 г. прекратил выход. За публикацию неподписанной статьи «Под гром пушек» (1914. №38. С.877–878), принадлежащей, по всей видимости, Ф.Е. Мельникову и повествующей о присоединении живущих в Галиции униатов к господствующей в России церкви «под страхом расстрела и грохота пушечных выстрелов», редактор журнала И.П. Федоров был привлечен к суду, а сам журнал закрыт (следующий номер, 39-й, был последним). В ноябре ему на смену пришел журнал «Слово Церкви», и в шести номерах, что вышли до конца года, появилось два некролога, в первом и втором, и заметка из трех предложений «Родственник Крюкова». В №3 от 7 декабря журнал поместил объявление: «Редакция почтительнейше просит присылать ей сведения о павших в бою старообрядцах, о их геройских подвигах и краткие биографические описания этих лиц. Весьма желательно получить и их портреты, которые будут помещаемы в нашем журнале» (8).

1. Публикации в журнале «Слово Церкви»

1.1. Некрологи.

1. А.А. Русаков // Слово Церкви. 1914. №1. С.19. Некролог сообщает о похоронах прапорщика Александра Александровича Русакова, состоявшихся на Рогожском кладбище. Москвич, воспитанник Императорского Московского коммерческого училища, он участвовал еще в Русско-японской войне, получил ордена свв. Станислава и Анны третьей степени с мечами за храбрость, личное дворянство. В августе 1914 г. в бою под Томашевом (ныне Томашув-Любельский, Польша) был ранен шрапнелью в ногу. Короткое время провел в госпитале, и уже 1 сентября снова отправился на фронт. В бою под Радомом (город в Польше) за одну из деревень был ранен в сердце, как сказано в заметке, и там же похоронен

товарищем-офицером. Впоследствии тело было перевезено в Москву.

2. К.А. Рязанов // Слово Церкви. 1914. №2. С.50–51. Штабс-капитан К.А. Рязанов был убит в ходе боев в Восточной Пруссии. Инициалы не расшифровываются. Москвич, окончивший Московское реальное училище, он поступил вольноопределяющимся в один из полков Московского гарнизона. В звании прапорщика был назначен в селение Дешлагар (ныне Сергокала) в Дагестане, участвовал в Русско-японской войне. Награжден орденом святой Анны. «Отличался работоспособностью, честностью и милым, добрым характером». «По словам очевидцев, жутко и красиво было видеть, как он, окровавленный, продолжал командовать своей ротой, затем, крикнув: „Братцы, спасайтесь!“, остался на поле битвы. Тело его не найдено».

3. В.Д. Бушков // Слово Церкви. 1915. №4. С.99. Военный фельдшер Василий Дмитриевич Бушков был убит в бою под Краковом. Родился в крестьянской старообрядческой семье поморского согласия в селе Русский Турек Уржумского уезда Вятской губ. «Он честно и мужественно исполнил свой святой долг, положив свою душу за Царя и родину. Да наградит его Господь по своей милости и благоволению».

4. П.Я. Смирнов // Слово Церкви. 1915. №6. С.145. Инициалы погибшего не раскрыты. Прапорщик, уроженец Богородска, старообрядец, он погиб в возрасте 25 лет в ночном бою при деревне Августове (кроме названия о ней больше никаких данных). До войны окончил институт инженеров путей сообщения. Был награжден Георгием 4-й степени за храбрость.

5. П.И. Калинин // Слово Церкви. 1915. №10. С.243. Заметка была опубликована рядом с некрологом С.Ю. Витте. В ней сообщалось, что «казак-старообрядец Петр Иванович Калинин, состоящий на сверхсрочной военной службе, подхорунжий, убит в бою на австрийском фронте. Петр Иванович происходил из старообрядческой семьи, Донской области, хутора Калача, Голубинской станицы. В 1914 г. был произведен в чин подхорунжего». Был награжден Георгием трех степеней (у него не было только первого) «за славные успехи в бою». Ему было 27 лет, он нес службу в Пятой донской казачьей батарее. Это все, что касается биографических сведений.

6. М.Е. Баландин // Слово Церкви. 1915. №13. С.315. Прапорщик Мина Евстратович Баландин был тяжело ранен 2 декабря 1914 г. в руку и живот и тотчас отправлен в госпиталь. Место, где он находился, в некрологе заменено многоточием. 5 декабря он умер. Заметка сообщает некоторые биографические сведения. М.Е. Баландин был родом из крестьянской семьи села Городище Славяносербского уезда Екатеринославской губ. (ныне самопровозглашенная Луганская Народная Республика). Отслужив действительную военную службу, перешел на сверхсрочную, получил чин фельдфебеля, а затем подпрапорщика. После мобилизации был произведен в прапорщики.

Н.А. Анисимов

Н.И. Максимов

Д.И. Яковлев

П.З. Поярков

Командовал третьей ротой, название полка опять заменили многоточием. «Он честно и мужественно исполнил свой святой долг, положив свою душу за Царя и родину». Далее в некрологе следует выписка из Творений св. Иоанна Златоуста, подтверждающая, что вселенский учитель видит христианское достоинство военной службы в самопожертвовании за царя.

7. Богородск Московской губ. // Слово Церкви. 1915. №14. С.339–340. Заметка рассказывает об умершем от ран рядовом 42-го Сибирского стрелкового полка А.Г. Григорьеве, не раскрывая его инициалов. «Покойный происходил из крестьян Ковенской губ. В числе других раненых был доставлен с германского фронта в один из лазаретов в г. Богородск, где и нашел себе место вечного упокоения. Как бы предчувствуя приближение смерти, покойный, по прибытии в лазарет, на Страстной неделе, прежде всего осведомился, есть ли в Богородске старообрядческий священник и, получив утвердительный ответ, пригласил его. Прибывший о. настоятель храма священник Мефодий Леонов напутствовал умирающего в вечную жизнь и приобщил Св. Таин». Погребение состоялось 24 марта в храме св. пророка Захарии. Заметка сообщает также о смерти члена Совета Богородско-Глуховской общины Д.И. Стулова. Ее сопровождает фотография «старообрядца-артиллериста» Н.П. Латышева, награжденного Георгием четвертой степени, но о нем самом ничего не сообщается.

8. Погребение воина // Слово Церкви. 1915. №27. С.629. Заметка рассказывает об умершем в лазарете для больных при Лопанской фабрике в Павловском посаде рядовом Григории Семеновиче Заворотнове. Упомянуто, что он был уроженцем посада Шелома Черниговской губ. (в заметке название указано с ошибкой). Перед смертью его напутствовал здешний старообрядческий священник о. Стефан. «Хозяйка фабрики Ольга Яковлевна Лабзина и Василий Никифорович Грязнов, хотя сами и не старообрядцы, приняли живое участие в похоронах воина-старообрядца». Далее достаточно подробно повествуется, как с их помощью были организованы похороны.

Сайт «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.» (<http://gwar.mil.ru/>) уточняет отчество Г.С. Заворотнова – Симонович. Он был рядовым 29 Сибирского пехотного полка. Ранен он был 16 апреля, в лазарет прибыл из московского распределительного госпиталя 31 мая (9), а скончался, согласно журнальной заметке, 1 июня, то есть на следующий день.

9. Петр Макарович Анненков // Слово Церкви. 1915. №33. С.773. Некролог предельно краток. «15 февраля 1915 года в бою на Карпатских горах убит рядовой воин Петр Макарович Анненков, 23 лет, старообрядец, приемлющий священство Белокриницкой иерархии; покойный происходил из крестьян Курской губернии и Курского уезда, Чаплыгинской волости, деревни Зиборова. Да наградит Господь его по Своей милости и благоволению, и да будет ему вечная

память». На странице 772 был помещен его фотоснимок.

10. Прапорщик А.И. Петров // Слово Церкви. 1915. №36. С.845. Такой же краткий некролог, как и предыдущий. «31 августа на Рогожском кладбище состоялось погребение павшего в бою против неприятеля прапорщика А.И. Петрова. Покойный – москвич. Образование получил на Комиссаровском техническом училище. Был несколько лет директором московской фабрики „Петров и Щеголев“. Затем уехал за границу для завершения своего образования, где и пробыл один год. С началом войны он был призван в качестве прапорщика запаса и был убит в бою 18 августа». Инициалы не раскрыты, фотоснимка нет. Тот же самый некролог, с тем же заголовком и с тем же текстом был опубликован в другом журнале: Старообрядческая мысль. 1915. №12. С.1152.

11. Михаил Яковлевич Манацков // Слово Церкви. 1915. №37. С.869. Этот некролог пространней. Он опубликован спустя год с небольшим после смерти сотника 29 казачьего войска Донского полка М.Я. Манацкова, погибшего 18 августа 1914 г. от вражеской пули, попавшей прямо в висок. Он родился в 1889 г. «в строго религиозной старообрядческой семье». Уже в шесть лет научился читать и писать, под руководством дедушки освоил Псалтырь, Часовник, каноны. Был принят в военно-юнкерское казачье училище в Новочеркасске. В 1910 г. его окончил. «По производстве в офицеры представлено ему было выбрать себе полк и место. Он выбрал полк №12, г. Радзивилов, пограничный с Австрией». Был «хорошим нравственным гражданином и твердым христианином. Один раз начальник заметил ему об отсутствии его в церкви, он в ответе сказал: „Я не сын вашей церкви, я сын старообрядческой Церкви, приемлющей священство Белокриницкой иерархии“, на это начальник ответил: „Тогда вы предложите всем своим старообрядцам и ходите в свою церковь“. Вслед за тем генерал Каледин заметил: „Если ты, братец, твердо исполняешь свою веру, то ты будешь тверд и верен царю и отечеству“. Покойный не знал ни клубов, ни карт, ни табаку, а о водке и понятия не имел. Его всегда назначали на самые опасные посты» В 1914 г. он получил за отличную службу орден Святого Саввы. «Эта заслуга дается очень редко молодым офицерам». М.Я. Манацков был убит в ходе разведки. Сайт «Памяти героев Великой войны» уточняет место гибели воина: при деревне Котлице (название в выложенной здесь карточке офицерской картотеки указано в именительном падеже) (10). Дата гибели совпадает. В некрологе говорится, что он был погребен боевыми товарищами в деревне Коклица Холмской губ. Очевидно, это одно и то же место.

12. А.Н. Попов // Слово Церкви. 1915. №42. С.975. Подзаголовок заметки: «Из письма командира». То редкое исключение, когда биографические сведения совершенно отсутствуют, так как автор не мог их знать. На него указывает подзаголовок. «Сим уведомляю вас, что Александр Никитич Попов сегодня, 27 июля, в 2 часа дня,

убит пулею на позиции. Отличный был солдат и толковый человек». При убитом оказалась книжка с адресом, что и дало возможность командиру написать это письмо. «Как убит Попов — это просто судьба. Случилось при мне». Все подробности. На фотоснимке — солдат, жена и ребенок. Возможно, она была выслана вместе с письмом, а потом с ним же передана в редакцию журнала.

13. Прапорщик Н.С. Зайцев // Слово Церкви. 1916. №3. С.65. Заметка о погибшем, чьи инициалы не раскрыты, содержит краткие биографические сведения. Н.С. Зайцев окончил высшее начальное училище, в 1909 г. прошел старообрядческие учительские курсы на Рогожском, на военную службу ушел вольноопределяющимся 1 разряда, три года прослужил простым солдатом. Закончил школу прапорщиков. Был активным членом старообрядческой общины в г. Меленки Владимирской губ. Погиб 16 октября 1915 г. в бою под П. Населенный пункт обозначен только одной этой буквой.

В другой заметке, из «Старообрядческой мысли», упомянуто, что он был родом из купеческой семьи. «В лице Н.С. рота потеряла одного из опытных руководителей, на себе прошедшего весь солдатский режим. Жалеют погибшую молодую душу и местные старообрядцы г. Меленок. Он был одним из ревнителей храма. Постоянно пел, читал и заведовал хозяйственной и уставной частью в храме». См.: Прапорщик Н.С. Зайцев // Старообрядческая мысль. 1916. №1. С.68–69. Сразу после заметки следует любительское стихотворение «На память воину герою» А.В. Зайцева.

14. Д.И. Яковлев // Слово Церкви. 1916. №9. С.211–212. У человека, которому посвящен некролог, долгий воинский путь. Дмитрий Иванович Яковлев был казаком станицы Ермоловской Терского войска Кизляро-Гребенского генерала Еромолова полка. Погиб в 26 лет. «Служил сначала в конвое Его Величества в Петрограде, а после принимал участие в походе на Персию в 1912 г. В настоящую кампанию он находился в составе родного своего полка на юго-западном фронте в Галиции, где в качестве охотника (добровольца. — В.Б.) разведчика неоднократно участвовал в смелых поисках в расположении неприятельских войск и в перестрелках в окопах был легко ранен в руку и ногу, но остался в строю. В памятном сражении 24–25 августа прошлого (1915. — В.Б.) года у селения Хмелевки под Трембовлем (Трембовля, ныне город в Тернопольской обл., Украина. — В.Б.), когда № корпус, в состав которого входила Терская казачья дивизия, нанес поражение австро-германским войскам, казаки были посланы преследовать обратившегося в бегство неприятеля. Во время этого-то преследования, увлекшись им с прочими товарищами и зарубив на глазах у них шесть человек германцев, покойный наскочил на спрятанный на опушке леса неприятельский пулемет и хотел захватить его. Но пулемет прострелил ему обе ноги и разрывными пулями причинил тяжкие раны в области таза и живота с раздроблением костей и

вырыванием внутренностей, отчего герой пал на месте и, подобранный товарищами, был погребен в г. Трембовле».

15. Федор Кириллович Фонарев // Слово Церкви. 1916. №10. С.237–238. Заметка посвящена воину, скончавшемуся от ран в лазарете торговцев Охотного ряда в Москве 13 февраля 1916 г. Погребение было совершено в храме Рогожского кладбища (не указано, в каком) и там же он был похоронен. Ф.К. Фонарев был родом из крестьян д. Малые Карты Сарапульского уезда Вятской губ. Автор заметки попытался далее показать, какие тесные отношения существуют между старообрядческими пастырями и их духовными детьми, и привел письмо священника Евстратия Шарова, адресованное почившему. Тот выражает радость, что солдат посетил храмы Рогожского кладбища, наставляет не забывать святыни, надеяться на Бога, желает победы. «При таких отношениях пастырей к пасомым и при таких патриотических пожеланиях и наставлениях, несомненно, победит Россия проклятого кайзера и сокрушит его кроважадную звериную пасть, пролившую столько неповинной крови». Фотоснимка нет.

16. Павел Зиновьевич Поярков // Слово Церкви. 1916. №16. С.382. Заметка не сообщает воинских частей, где служил погибший. П.З. Поярков был призван 19 июля 1914 г., с августа постоянно находился в боях. Других заслуг, как следует из заметки, у него не было. «25 сентября 1915 года, будучи послан из окопов по служебным делам и возвращаясь в тот же день в окопы, не дойдя всего 2–3 шагов до окопов, был убит наповал вражеской пулей». Где это случилось, не указано, как и других подробностей. Далее приводятся строки из письма командира полка, сообщившего родителям о смерти сына.

17. Н.И. Максимов // Слово Церкви. 1916. №18. С.420. В этой заметке речь идет о беспоповце, члене московской старообрядческой общины Преображенского кладбища Николае Ивановиче Максимове. Он родился 9 марта 1891 года. «По окончании торговой школы общества купеческих приказчиков служил в товариществе мануфактур Викула Морозова до 1911 года. С 1911 по 1913 г. отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся в Самогитском гренадерском полку. В начале войны был мобилизован и, после производства в чин прапорщика, отправлен в действующую армию. За удачную атаку и взятие неприятельского окопа при д. Малая Менцына был представлен к ордену Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Убит разрывной пулей, когда, будучи окружен неприятелем, пробивался к своим с остатками роты. Тело покойного осталось на поле сражения, занятом неприятелем». На этом заметка завершается.

18. Штабс-капитан Ф.И. Семенов // Слово Церкви. 1916. №24. С.533. Федор Иванович Семенов охарактеризован в некрологе как «глубоко верующий и религиозный старообрядец Ижевской общины Белокриницкой иерархии».

Он родился в 1884 г. Некоторое время работал чертежником в механической мастерской при ижевском оружейном и сталелитейном заводах. В 1905 г. успешно окончил Казанское военное училище, служил в Симферополе в 51-м Его Императорского величества наследника цесаревича полку. С началом войны был определен в охрану черноморского берега. В конце 1914 г. переведен на германский фронт, «куда ехал, известив родных словами самодовольства: „наконец-то желание мое исполнилось“». В боях был ранен в голову и щеку, но от лечения отказался, ограничился перевязками. Погиб 2 мая 1915 г., о чем указывает и сам запоздалый некролог: «Прошел уже год с 2 мая сего года (номер вышел 12 июня 1916. — **В.Б.**), как штабс-капитан **Ф.И. Семенов** положил свою голову за други своя, за веру, Царя и отечество в славной контр-атаке против германцев, о которой характеризует солдат-пулеметчик из его роты: „<...> В роковой день, 2 мая, перед вечером начальник наш Федор Иванович был назначен батальонным командиром. К вечеру немцы усиленно начали насаждать на наши окопы. Не выдержал наш начальник своего ретивого закаленного в боях сердца, видя, что товарищи и братья направо и налево тают, выхватил шашку, выскочил с окопа, за ним — вся седьмая рота, и бросился открыто на врага, численностью в несколько раз больше, и назад отважный начальник не вернулся, положив за родину свою голову в рукопашном бою“».

19. **И.Е. Власов** // Слово Церкви. 1916. №28. С.605—606. Некролог посвящен погибшему 26 мая подпоручику Ивану Евдокимовичу Власову. Он родился в Петрограде, образование получил в коммерческом училище Тимофеева, прослушал статистические курсы и поступил вольноопределяющимся в авиационную роту. Сразу же после объявления мобилизации — на фронте. Воевал под Инстербургом, Гумбиненом, Кенигсбергом, в других местах. После короткой передышки в Вильно он здесь же поступил в юнкерское училище и через четыре месяца был произведен в прапорщики (1 мая 1915 г.). Из Вильно был отправлен в Одессу в запасной батальон. С конца августа снова на позициях, в разведке. «Однажды он произвел ночное нападение и забрал несколько австрийцев в плен, за что был награжден св. Анной 4-й степени. Он часто находился под огнем, у него была прострелена фуражка, шинель, валенок, но самого Бог все время хранил. Но в последнее наступление на австрийском фронте в Волини был убит в 10 часов утра, на третьем австрийском заграждении, пуль в правое плечо, пуля отскочила рикошетом в сердце и вышла в левый бок выше пояса. Спустя 15 минут Иван Евдокимович скончался, успев сказать несколько слов санитарам: „Передайте мамаше, как приятно умирать за Царя и Родину“». Убитого вынес с поля боя его денщик Анисим Ковалевский, пройдя вместе с телом около трех верст. Его похоронили в деревни Майничи близ станции Полицы. Впоследствии, прибыв в Петербург, денщик заказал здесь другой гроб и вместе с ним

отправился к месту гибели командира, чтобы потом перезахоронить его на Громовском кладбище.

20. **Яков Самуилович Судариков** // Слово Церкви. 1916. №33. С.694. Родился в 1881 г. в Бронницком уезде Московской губ., в здешнем городском училище получил образование, с отличием окончив его. Семь лет работал в транспортной конторе «Кавказ и Меркурий» в Москве, затем поступил на службу в товарищество мануфактур **П.М. Рябушинского** на фабрику в вышнем Волочке, а через год — в банкирский дом братьев **Рябушинских** в Москве. В 1911 г. был назначен доверенным Петроградского отделения московского банка. Изучал состояние банковского дела в европейских странах, побывал в Лондоне, где, осваивая английский язык, намеревался поступить на службу в один из банков. Из-за объявления войны вернулся в Москву, 30 декабря 1914 г. был призван на службу. Состоял каптенармусом, поступил в школу прапорщиков в Киеве и, получив звание, прибыл в назначенный ему полк. «Командовал ротой сапер и был так любим ими, что, будучи смертельно ранен ручной бомбой в ночь на 20 июня (*надо понимать, 1916 г.* — **В.Б.**) был вынесен своими солдатами с поля сражения и отправлен в ближайший лазарет, где и скончался 20 июня в 3 часа дня».

21. **Л.В. Быстров** // Слово Церкви. 1916. №39. С.806. Гибели старообрядческого деятеля и писателя Луки Вонифатиевича Быстрова посвящен особый, третий, раздел этой статьи, см. далее.

22. Военный летчик прапорщик **В.А. Шарапов** // Слово Церкви. 1916. №40. С.820. Некролог рассказывает о сыне члена совета Харьковской старообрядческой общины **Василие Андреевиче Шарапове**. Он учился в Политехническом институте в Петрограде, но на третьем курсе с благословения родителей оставил занятия и поступил добровольцем в Саратовскую авиационную школу. «Без страха и боязни он смотрел на сложные и ответственные задачи военной авиации и всегда с сияющей улыбкой делился впечатлениями о своеобразной красоте надземного пространства». За боевые отличия был награжден двумя Георгиевскими крестами. Погиб в воздушном бою 24 августа 1916 г. от пули. Был торжественно погребен в Харькове 29 августа после заупокойной литургии. Далее заметка подробно описывает, как проходили похороны, фотоснимка при ней нет.

23. Подпоручик **С.П. Агапов** // Слово Церкви. 1916. №42. С.861—862. Цитируется полученное с фронта родителями погибшего сообщение, что командир роты, подпоручик **Стефан Петрович Агапов** «в геройской атаке полка пал смертью храбрых в два часа дня. Тело осталось на территории врага». Убитый был сыном кинешемского купца **П.Е. Агапова**. Окончил местное реальное училище, два года, 1911 г. и 1912 г., жил в Германии, изучая керамическое искусство. В России, когда началась война, окончил школу прапорщиков в Москве и затем с маршевой ротой отправился в Варшаву, отсюда, после нескольких

сражений, на Юго-Западный фронт. Погиб 27 мая 1916 г. Был награжден орденами святой Анны и Станислава. «В предшествующих боях у С.П. были прострелены фуражка, шинель, брюки и сапоги, в роковое же число пуля попала в самое сердце».

24. Киев // Слово Церкви. 1916. №47. С.948. Заметка имеет подзаголовок «От нашего корреспондента». В ней говорится: «17 октября здесь совершенно погребение убиенного на поле брани прапорщика, сына известного киевского миллионера Н.П. Попова. Над гробом воина недавно переведенным сюда священником о. Николою Прониным было произнесено следующее слово». Далее следует текст этой надгробной речи. Корреспондент (предполагаю, что им и был сам Никола Пронин) забыл указать имя погибшего.

25. Н.Н. Попов // Слово Церкви. 1916. №52. С.1044. Этот некролог — продолжение заметки, присланной из Киева. Здесь говорится: «20 сентября героически скончался прапорщик Николай Николаевич Попов. Сын коммерции советника Николая Парфеновича Попова, он родился 9 декабря 1898 г. Образование получил в киевской частной гимназии, по окончании 6 классов поступил по своему желанию юнкером в Киевское Николаевское военное училище», в мае вышел оттуда прапорщиком. Далее вместо воинских частей, где он служил, следуют длинные многоточия. 19 сентября 1916 г. на галицийском фронте он получил тяжелую рану в живот. Далее сообщается, как проходили в Киеве его похороны, на которых, кроме прочих приглашенных, присутствовал старообрядец, генерал, бывший профессор военной академии В.И. Баскаков.

26. Н.А. Анисимов — воин-старообрядец // Слово Церкви. 1917. №4. С.85—86. Эта заметка, сопровождаемая фотоснимком, дает краткие биографические сведения о погибшем воине. Назарий Андреевич Анисимов родился в д. Игнатовой Богородского уезда Московской губернии, в мае 1915 г. был призван в лейб-гвардии Преображенский полк. Выдержав надлежащий экзамен, занимал должность учителя (сейчас бы, наверное, сказали — инструктора) новобранцев, затем, летом 1916 г., был направлен в действующую армию, сразу в окопы. 7 сентября 1916 г. был ранен во время атаки шрапнелью в руку и правую ногу, которую пришлось ампутировать. «27 ноября, причащенный св. Таин старообрядческим священником г. Киева о. Поликарпом Мясниковым, Назарий Андреевич скончался в присутствии своей матери и сестры. 20 ноября тело Назария Андреевича было перенесено из госпиталя в старообрядческий храм во имя Вознесения Господня на Почаевской улице», а затем, после отпевания, предано земле на старообрядческом кладбище. Погибшему был 21 год.

27. Воин-старообрядец В.М. Плеханов // Слово Церкви. 1917. №12. С.218. Традиционная схема некролога: краткие биографические данные с указанием на старообрядческое происхождение и такое же краткое описание последнего подвига. Михай Васильевич Плеханов был родом из

мещан посада Чуровичи Новозыбковского уезда Черниговской губернии. В 1912 г. принят на военную службу и назначен в 113-й Старорусский пехотный полк, находившийся в Либаве Курляндской губернии. Он был грамотным, обладал крепким здоровьем. Окончив учебную команду полка, произведен в младшие унтер-офицеры и назначен отделенным командиром роты. С началом войны выступил на позиции в направлении Кенигсберга. Командовал взводом, был к этому времени уже старшим унтер-офицером. «Много пришлось ему испытать в походной жизни; но полного сил и энергии, воодушевленного сознанием долга перед родиной молодого воина тянуло к самым передовым позициям, чтобы сразиться с коварными врагами». В боях у Мазурских озер М.В. Плеханов был неоднократно ранен, но оставался в строю. «Для отбития высоты, занятой неприятелем с 20 на 21 ноября 1914 г. взвод Михея Васильевича вместе с ротой пошел в штыки на неприятеля. Увлекая своих товарищей дружной борьбой с врагами, герой Михай Васильевич и сам попал в самый горячий момент боя. Прах героя похоронен в братской могиле на той же высоте, где он храбро сражался; убит был Михай Васильевич на 23 году жизни». Далее приводится сообщение, направленное командиром 14 роты Старорусского полка родителям погибшего. Очевидно, эту заметку, появившуюся в печати спустя два с лишним года после гибели В.М. Плеханова, инициировал кто-то из их близких, если не они сами.

28. Воин-старообрядец В.А. Балакин // Слово Церкви. 1917. №14. С.266. Сопровождаемая фотоснимком заметка довольно кратка: «Василий Александрович Балакин, гражданин г. Кузнецка Саратовской губернии, ополченец 1-го разряда призыва 1912 г. В 1914 г. был призван в ряды войск и зачислен в 203 дружину. Вместе со своей дружиною В.А. был отправлен в Одессу, где поступил в учебную команду. Сдал экзамен, и перед отправлением в действующую армию был произведен в старшего унтер-офицера. 27 апреля 1915 г., участвуя в бою при австрийской д. Буяны, Василий Александрович был сражен неприятельской пулей. В.А. было всего 24 года». Ни особого подвига, ни награды. Тем не менее, спустя два года после гибели воина журнал публикует некролог, чтобы почтить его память.

29. Воин-старообрядец Д.Г. Каймачников // Слово Церкви. 1917. №16. С.299—300. Этот рассказ довольно подробен. Сотник Дорофей Григорьевич Каймачников происходил из казачьей семьи станицы Цымлянской Области Войска Донского. Родился он 29 мая 1893 года, «исконный старообрядец Белокриницкой иерархии». В станичном храме с восьми лет служил в качестве свещеносца при священнике Андронике Захарове. Обладал хорошим голосом, пел и читал на клиросе. В двенадцать лет поступил в реальное училище в станице Нижне-Чирской, окончил с отличием, в 1912 году был принят в Политехнический институт по горно-инженерному делу в Новочеркасске.

Через два года перевелся в военно-юнкерское училище. Война уже шла. 1 декабря 1914 года был произведен в прапорщики и затем командирован в Донской казачий полк №8. В феврале 1915 года участвовал в боях с немцами под Праснышем и Станиславом в Польше (т.н. Праснышская операция). За храбрость награжден орденом Станислава третьей степени с мечами и бантом. 11 сентября того же года произведен в хорунжие и в том же месяце контужен, лечился до начала ноября в Царскосельском лазарете и вернулся в полк. За участие в очередном сражении получил орден святой Анны третьей степени. 12 июня 1916 г. произведен в сотники. Находясь вместе с полком на отдыхе в Петрограде, познакомился на Громовском кладбище с епископом Геронтием (Лакомкиным). 12 ноября был убит в бою с «немцами-болгарами» в Румынии, куда перебросили его полк из Петрограда. 21 ноября погребен с воинскими почестями близ станции Будешти. Тело нельзя было вывезти из-за отступления российских войск из Бухареста.

30. Воин-старообрядец И.Ф. Новиков // Слово Церкви. 1917. №19. С.358. Очередная краткая заметка, появившаяся в печати спустя два года после гибели. «Иван Филиппович Новиков из крестьян Московской губ., Богородского уезда, деревни Ожерелок, ратник 2 разряда, единственный сын религиозной семьи, был знатоком и любителем старообрядческого церковного пения. Служил на высокой должности в старообрядческой фирме бр. Балакины. Был призван на службу в 1915 году». 23 мая его произвели в фельдфебели, а на следующий день он погиб при взятии местечка Язловец в Галиции, сраженный неприятельской пулей. Там же, в Галиции, был и похоронен. «Покойному было 23 года».

31. Воин-старообрядец Ф.А. Куроедов // Слово Церкви. 1917. №20. С. 372. Краткость этого некролога позволяет привести его полностью. «Федор Абрамович Куроедов — старообрядец Калужской губ., Тихоновской вол., села Дворцы, 26 лет. Был призван в ряды войск в сентябре 1914 года и был зачислен в пехотный полк. Участвовал во многих сражениях против германцев. Полк, в котором состоял Ф.А., долгое время удерживал позиции у г. Лык, а впоследствии был переведен на Рижский фронт. Здесь, 5 декабря 1916 года, Ф.А. был убит в сражении с неприятелем». Журнальный номер с фотоснимком вышел в мае следующего года.

32. Поручик С.А. Карелин // Слово Церкви. 1917. №23. С.437. Погибший был родом из мещан Мариуполя. После гимназии поступил в Одесское юнкерское пехотное училище. 1 сентября 1915 г. произведен в чин прапорщика. После двух месяцев службы в Бендерской крепости приступил к командованию первой ротой 50 Белостокского пехотного полка «и выступил на передовые позиции Юго-Западного фронта». Был награжден орденом св. Станислава с мечами и бантом, произведен в чин подпоручика, затем, за участие в боях за Почаев, Броды (Украина), в поручика. 24

июля 1916 г. в сражении при деревне Тростянец на р. Серет был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь в Киев, где и скончался 13 августа. Ему шел 21 год. С воинскими почестями погребен в Таганроге.

33. Прапорщик Никон Тимофеевич Лазарев // Слово Церкви. 1917. №26. С.535—536. Погибший родился 27 марта 1897 г. в крестьянской семье в с. Теликовка Самарской губ. В девять лет служил свещеносцем при храме в городе Оренбурге, умел читать и петь на клиросе. В тринадцать лет поступил в оренбургское городское высшее училище, а потом, «в виду несостоятельности продолжать учение» (очевидно, из-за нехватки средств, так как один курс он успешно закончил), перешел на службу в оренбургскую казенную палату. В 1915 г. добровольцем записался в 104-й пехотный запасной полк, в августе был отправлен во Вторую Петергофскую школу прапорщиков. В прапорщики был произведен уже 15 ноября и спустя несколько месяцев с маршевой ротой отправился на фронт. 7 июля 1916 г. был ранен и контужен в боях близ реки Стоход (ныне Волынская обл. Украины). Был награжден орденом св. Анны. 2 сентября вернулся в строй, а 9 ноября «был убит в сражении с австро-германцами и погребен в деревне Королевке Бродского уезда с военными почестями».

34. Воин-старообрядец Ф.Г. Савельев // Слово Церкви. 1917. №37. С.632. Федор Семенович Савельев был сыном дьякона, родился во Ржеве. В 1915 г. окончил в Москве школу прапорщиков, два года находился на передовых позициях. Был дважды ранен. Имел награды: ордена Анны и Станислава третьей и четвертой степени. Работал в отделении московского банка. Был убит в возрасте 23 лет 23 июня 1917 г. в бою с австрийцами, похоронен в деревне Жураки в Галиции.

35. Прапорщик Ф.В. Зайцев // Слово Церкви. 1917. №38. С.645. Умерший, Федор Васильевич Зайцев, был родом из мещан города Меленки Владимирской губ. Принимал активное участие в деятельности местной старообрядческой общины. Окончив местную гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Будучи студентом, осенью 1916 г. добровольцем поступил в студенческий батальон в Царицыне, затем был командирован в студенческую школу прапорщиков в Иркутске. Из-за сломанной ноги, которая болела при сильных нагрузках, не был отправлен на фронт, а определен в Казань, где заведовал III столом Казанского интендантского окружного управления. Во время вспышки дизентерии заразился и умер 18 июля 1917 г. на 22 году жизни. Похоронен в Казани. Чин погребения отслужил здешний священник Алексей Калягин. Заметка, судя по всему, написана его родным братом, старообрядческим публицистом А.В. Зайцевым.

1.2. Заметки о воинах.

36. Первый Георгиевский кавалер —

старообрядец // Церковь. 1914. №33. С.776. Заметка рассказывает о казаке-старообрядце, который первым был награжден в этой войне Георгиевским крестом. Используются ссылки на публикации в газетах «Новое время» и «Русское слово». Козьма Фирсович Крючков, донской казак хутора Нижне-Калмыкова, стал легендой. С другими тремя товарищами, бывшими с ним в одном разъезде, атаковал из засады два германских кавалерийских дозора. Как сообщала тогдашняя пресса, в этом бою лично уничтожил 11 немцев, получил 16 резаных ран. Портрет К.Ф. Крюčkова был опубликован в №35 «Церкви» отдельно от заметки, без текстового сопровождения.

Однако данные газетных и журнальных сообщений расходятся с документами. Отряд, в котором находился К.Ф. Крючков, действительно проявил храбрость и дерзость, в результате нападения было уничтожено двое неприятельских кавалеристов, один из них на счету К.Ф. Крюčkова, получившего множество поверхностных ран. Он сумел вырвать пику у одного из немцев и оборонялся ею. Согласно статуту, за этот подвиг он должен был быть награжден Георгиевской медалью за храбрость, которую позже получили его товарищи, но не крестом (и вряд ли это был тогда единственный случай подобной «путаницы»). Их поступок стал против воли самих казаков частью пропагандистской кампании, которая, конечно, несколько не умаляет их личной храбрости, проявленной тогда. Портреты К.Ф. Крюčkова во множестве печатались на плакатах и открытках, в периодике, самому бою было посвящено несколько рисунков-лубков, призванных показать, как надо сражаться. См.: «Вырвались от противника и прибили порезанные и раненые»: Документы РГВИА о подвиге первого Георгиевского кавалера Великой войны К.Ф. Крюčkова / Вступит. статья, подготовка текста, комментарии С.Г. Нелиповича // Отечественные архивы. 2014. №5. С.74–83; Бондаренко В.В. Герои Первой мировой. М., 2013 (2-е изд. — 2014) (Серия «Жизнь замечательных людей»).

К.Ф. Крючков погиб в августе 1919 г., сражаясь на стороне белых.

37. Родственник Крюčkова // Слово Церкви. 1914. №3. С.82. Заметка состоит из трех предложений: «В Двинск доставлен казак Кампов, получивший в боях 14 ран. За свои военные подвиги Кампов получил два Георгия: 4-й и 3-й степеней. Кампов — старообрядец, двоюродный брат прославленного Кузьмы Крюčkова». Имя его не указывается.

38. Новые подвиги старообрядца Козьмы Крюčkова // Слово Церкви. 1915. №2. С.54. «Нужно было произвести разведку относительно расположения германских войск. Крючков и еще человек 10 вызвались произвести эту разведку. Подъехали к деревушке М., в которой расположился отряд человек в 20 германцев-кавалеристов. Недолго думая, они ворвались в деревню, половину перебили, остальных забрали в плен и у них нашли ценные документы

относительно расположения германских войск». В последующих боях Козьма Крючков получил еще несколько ран. Заметка сообщает, что он «имеет все четыре степени ордена св. Георгия (полный бант), получает 50 руб. ежемесячного жалованья и пользуется большим уважением среди солдат, офицеров и генералов». Основанием для заметки послужил рассказ неназванного артиллериста К., эвакуированного с театра военных действий.

39. Братья Крючковы // Слово Церкви. 1915. №4. С.99. Со ссылкой на газетные публикации, заметка сообщает о том, что «в Киев доставлен тяжело раненый, лишившийся обеих ног, украшенный несколькими Георгиевскими крестами Онуфрий Крючков, двоюродный брат известного Крюčkова, и тоже старообрядец». Он участвовал в одном бою вместе с братом. «Австрийцев было 17, казаков пять. Австрийцы отступили, однако». «Легко отделался только герой Козьма Крючков», его брат «шашками превращен был в окровавленный кусок мяса», лошадь под ним убита.

40. Народные учителя-старообрядцы на войне // Слово Церкви. 1915. №14. С.339. Заметка рассказывает об учителе старообрядческой земской школы из Калужской губ. Федоре Александровиче Московцеве. «В штыковом бою в окопе около Лодзи, когда немцы были в знаменитом „мешке“, он 19 ноября с.г. был ранен немецкой пулей в обе руки». «С.г.» означает «сего года», но четырнадцатый номер журнала вышел в начале апреля. Значит, речь идет о 1914 г., заметка «задержалась» или перепутан месяц. Когда Ф.А. Московцев шел на перевязочный пункт, «то пулями и шрапнелью шинель его вся была изрешечена, на теле оказались ранения». Он был отправлен в лазарет в Москву. В сентябре 1915 г. Ф.А. Московцев принимал участие в работе Четырнадцатого Всероссийского съезда старообрядцев и Освященного Собора.

Далее автор заметки нападает на иконоан. «Синодом господствующей в России церкви разослано предложение принять меры епархиальным училищным советам к тому, чтобы учителя, призванные к исполнению воинского долга и сделавшиеся жертвой войны, особо чтились. Предлагается помянуть их имена на общей молитве, а также иметь в школьных помещениях их портреты. Старообрядцы также должны бы почитать своих героев. Как стойко защищали они нас от нападков казенных миссионеров, не боясь никаких преследований, как они энергично насаждали просвещение в народе, — так, не считаясь с материальными интересами жизни и ее прелестями, они готовы положить живот свой, и кладут на алтарь отечества, за ближних и родную страну».

Федор Московцев родился в 1882 г. в селе Семенск (Семенское) Пронского уезда Рязанской губ. В 1900-х годах познакомился с протоиереем Алексеем Старковым и около двух месяцев жил вместе с ним в с. Спас-Клепики. Общался, учился, вступил в Союз старообрядческих начетчиков. В период с 1 мая 1907 г. по 8

июля 1908 г., как указывал он в своем докладе Третьему съезду старообрядческих начетчиков, провел восемь официально объявленных о бесед в родном Семенске с миссионерами П. Сухановым и В. Бормашовым, а также с беспоповцами, и около десяти частных (11). Потом поселился в Мосальском уезде Калужской губернии, где был открыт приход, стал учителем. Потом война.

В 1930-х годах работал агентом снабжения артели им. Ворошилова с. Алгасово Тамбовской обл. Будучи арестован по обвинению в контрреволюционной агитации, осужден 9 сентября 1937 г. тройкой УНКВД по Воронежской обл. к расстрелу (12).

41. Г.Д. Манежев // Слово Церкви. 1915. №16. С.388–389. Заметка сообщает о том, что 14 марта в бою на Прусском фронте был тяжело ранен шрапнелью в ногу Григорий Дмитриевич Манежев. Сайт «Памяти героев Великой войны» дополняет, что он был прапорщиком 103 пехотного Петрозаводского полка, ранен 13 марта 1915 г. в бою близ деревни Веселово (губерния не указана) (13). Согласно другой карточке («на выбывших»), в июле того же 1915 г. прапорщик Манежев лечился в Симферополе (14). В журнальной заметке также указано, что в мирное время он был банковским служащим, все свободное время посвящал живописи, «в которой достиг серьезных успехов», умел писать крюковой нотацией и любил петь. На время публикации заметки он находился в лазарете в Петрограде.

42. Иван Яковлевич Гаврилов // Слово Церкви. 1915. №25. С. 586–587. Герой этой заметки, которая не обошлась без едкой критики господствующей церкви, был руководителем старообрядческой общины в городе Меленки Владимирской губ. «Благодаря его энергии было много случаев обращения в старообрядчество никониан и беспоповцев. Миссионеры господствующей церкви его ненавидели и все время причиняли ему оскорбления не столько словами, сколько полицейскими протоколами. Но вот объявлена война, миссионеры по-прежнему получают казенное жалование, тунеядствуют и ведут человеконенавистническую полемику с родными русскими по крови братьями, а старообрядческие начетчики вместе с передовым сознательным обществом и русским народом понесли тяготы этой ужасной войны. И.Я. Гаврилов еще недавно, в феврале месяце с.г., был призван, и 6 мая с.г. уже ранен в ногу и руку в бою под *(следует многоточие. — В.Б.)* с австро-германцами. В настоящее время он находится на излечении в одном из лазаретов в г. Кременчуге Полтавской губ. и в недалеком будущем надеется вновь встретиться грудью с неприятелем».

43. Раненый герой-старообрядец // Слово Церкви. 1915. №45. С.1030. Житель хутора Севастьянова Милютинской станицы Донской области Иван Яковлевич Фролов служил в 45 Донском казачьем полку, был ранен в бедро шрапнелью навывлет. К моменту публикации заметки находился в лазарете братьев Рябушинских

на Петровском шоссе в Москве. Награжден Георгиевским крестом четвертой степени и медалью «За храбрость». Он сын «известного в Милютинской станице старообрядца Якова Ивановича Фролова». «Теперь большой выздоравливает. Первый вопрос, с которым он обращается обыкновенно к доктору, это: „Скоро ли выпишите меня из лазарета?“ Казачья удаль не дает покоя казаку: она его двигает снова туда, где несутся стоны и где так героически сражаются донцы». Фотоснимок размещен на странице 1029.

44. Севастополь // Слово Церкви. 1915. №46. С.1046. Небольшая статья посвящена устройству прихода в этом городе, необходимости иметь здесь постоянного священника. Фамилии не упоминаются, на фотоснимке изображена группа людей в матросской форме и гражданской одежде. Автор — местный житель Ефрем Шитко. Та же фотография с подписью «Группа севастопольских певцов-старообрядцев» опубликована в журнале «Старообрядческая мысль» за 1915 год (№11. С.1047). В Севастополе существовал молитвенный дом, несмотря на то, что старообрядцев здесь было семей шесть или семь, однако в годы войны его значимость, по мнению автора, особенно возросла: в севастопольском гарнизоне служило, по его указанию, 200–250 старообрядцев, в большинстве своем моряков. См. также №75.

45. Прапорщик-старообрядец // Слово Церкви. 1915. №47. С. 1067. Заметка о воине Дмитрие Сальникове из Мосальского уезда Калужской губ. Выходец из крестьянской семьи, он поступил в Политехнический институт в Петрограде «Он просит разрешения вступить в ряды армии в чине прапорщика. Ему разрешают после долгих мытарств. И он тут же отправляется в действующую армию, где полтора месяца без отдыха пробыл в бою. Командовал ротой, назначение которой — прорывать провололочные заграждения. При дер[евне] Б. он взял около 500 немцев *(так в тексте, но что-то много, может быть, ошибка, один ноль лишний. — В.Б.)*, зарядные ящики, 2 пулеметных ящ[ика], 12 лошадей. В другой раз чуть было не взяли роту в плен, но Сальников сумел не только спасти свою роту, но и взять Б., находившуюся в руках австрийцев. Наконец, прапорщик Сальников был ранен, ему перебило ногу и контузило в голову. Он был отправлен в Петроград в офицерский лазарет» и представлен к Георгию. Офицеры-старообрядцы оправдали свое звание, заключает автор.

46. В.И. Агеев // Слово Церкви. 1915. №48. С.1084. Заметка о Владимире Ивановиче Агееве, награжденном Георгиевским крестом четвертой степени. Он воспитанник Пензенского землемерного училища. Оставил его в ноябре 1914 г. и добровольцем отправился на фронт. Долго был в резервных частях и, тяготясь этим, самовольно отправился на позиции, «в босяцком костюме», спрятав воинскую форму. В Киеве выкупался в Днепре, разыскал воинскую часть, отправляющуюся на фронт, одел форму и попросил зачислить его в состав этого не указанного в замет-

ке подразделения. Был принят и уже через месяц заслужил Георгия. Подпись под заметкой — Z.

47. А.Г. Белов // Слово Церкви. 1916. №2. С.41–42. «Прапорщик кавалергардского Ея Величества государыни императрицы Марии Федоровны полка Алексей Григорьевич Белов, старообрядец, приемлющий священство Белокриницкой иерархии, из кр[естьян] Нижегородской губ., Семеновского уезда, Рожновской вол. деревни Большое Сукино. Участвовал во многих сражениях, ранен 18 раз. 4 раза был на излечении в госпиталях. За боевые подвиги награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней и имеет две Георгиевские медали за храбрость. Георгия 4-й степени получил 24 ноября 1914 г. под Петроковым за разведку, где в числе 5 человек пробрался в тыл неприятеля и выследил расположение неприятельских орудий, из которых немцы больше месяца били по нашим целям. Георгия 3 ст[епени] получил 23 марта 1915 г. за атаку у Морганноля, в которой участвовал в числе 15 человек, а немцев было 83 человека, из которых 23 немца были изрублены, 13 ранены, а 19 взято в плен. Георгия 2 ст[епени] (золотой) получил 22 июня м[инувшего] г[ода] за разведку у местечка Вникшты, где в тылу неприятеля узнал его расположение. Георгия 1-й ст[епени] (золотой) получил за дело 23 и 24 сентября м[инувшего] г[ода] у Дрисвят, где 23 сентября, командуя отрядом из 27 человек, забрал патронный ящик, в котором оказалось 32000 ружейных патронов, а 24 сентября ходил в атаку в пешем строю и во главе с вверенной командой занял один из домов, где были немцы, и затем нанес поражение немцам с фланга, чем ускорено было занятие немецких окопов».

48. Казак И.В. Попов // Слово Церкви. 1916. №3. С.65. Заметка сообщала, что этот «воин-старообрядец числится в 32-й сотне Оренбургского казачьего полка. Находится в военных действиях с первых дней войны. Житель Оренбургской губернии, Корельской станицы, поселка Погорельского, 32 лет». И.В. Попов был до призыва головощиком в старообрядческом храме и учителем знаменного пения. Награжден серебряной медалью за храбрость. Заметку сопровождает фотоснимок.

49. С.Е. Игрушин // Слово Церкви. 1916. №13. С.305. Герой заметки старший унтер-офицер 2-го стрелкового Царскосельского полка Семен Ермолаевич Игрушин был родом из крестьян села Городища Екатеринославской губ. Награжден тремя Георгиевскими крестами и тремя Георгиевскими медалями за храбрость. Два первых Георгиевских креста получил еще в 1914 г. за успешно проведенную разведку и командование ротой вместо выбывшего в бою командира. Георгия 2-й степени — 30 августа 1915 г. «за геройский подвиг при отражении неприятельских атак, при чем спасал при себе пулемет до конца». Одна из медалей была ему дана за храбрость при переправе через реку Скраду, коротко рассказано о других подвигах, но без упоминания конкретных мест. Фотоснимок отсутствует. Он был опубликован

в следующем, четырнадцатом номере (С.331). К моменту публикации С.Е. Игрушин находился на родине в отпуске. Рискну предположить, что автором этой заметки мог быть священник Ф.Ф. Слесарев, будущий архиепископ Флавиан Московский, регулярно присылавший из Городищ в журнал свои корреспонденции.

50. Илья Иванович Пылаев // Слово Церкви. 1916. №23. С.510. В заметке указано, что ее герой — костромич, на войне с первых дней, «за 22 месяца свылся со всеми военными обстоятельствами: окопами, ямами, с жизнью на открытом воздухе, под дождем и снегом, с походами и сражениями. Он участвовал в походе на Карпаты, прошел всю Галицию, участвовал почти во всех сражениях своей армии». Командовал и ротой, и батальоном. Представлен в штабс-капитаны. Получил несколько наград, в том числе орден Владимира с мечами и бантом, английский орден (военный офицерский крест), «присланный на всю дивизию для вручения достойнейшему герою ея». «Илья Иванович ни разу не был откомандирован ни в обоз, ни в лазарет, он неизменно находится на позиции», ни разу не заболел. Журнал особо подчеркивал, что И.И. Пылаев и на фронте стремится получить и прочесть «Слово Церкви».

51. Прапорщики // Слово Церкви. 1916. №25. С.549. Заметка подписана псевдонимом N. Автор рассказывает о двух прапорщиках. Прежде всего — о личной встрече в Москве с Саввой Петровым из Мосальска. Он был «мобилизован еще в начале войны; долгое время был на фронте рядовым. Потом был командирован в г. Псков в школу прапорщиков». Оттуда снова отправился на фронт. В Москве на Рогожском Савва (отчество не указывается) Петров признался автору: «Я теперь только понял и почувствовал непреодолимое желание и потребность в молитве церковной в своем старообрядческом храме». «По выражению его лица и тону его голоса я почувствовал в нем действительно какой-то переворот душевный. Это тем более важно, что он теперь на фронте, пред лицом смерти. Искренняя вера в такие моменты поможет ему много». Второй прапорщик, Н.П. Игнатьев, «формально не старообрядец», но «в душе сильно сочувствует старообрядцам». «Неоднократно он проявлял любовь к ним в бытность свою учителем в старообрядческой земской школе с. Устоши Мосальского уезда. Он учительствовал в одной школе с учителем-начетчиком Ф.А. Московцевым. Игнатьев помогал последнему в устройстве церковно-общественной жизни местных старообрядцев, в устройстве чтений и привлечении на эти чтения населения». О каких-либо их подвигах не сообщается, но автор искренне желает: «Пусть оба прапорщика вернутся на свою родину героями. Они потом будут полезны старообрядцам и всему русскому обществу». Заметка сопровождается двумя фотографиями.

Сайт «Герои войны» указывает прапорщика 484-го Бирского полка Савву Фаддеевича Петрова. Он был контужен 5 июля 1916 г. (15). Заметка,

где его отчество не указано, появилась 19 июня. На сайте «Открытый список» (база данных жертв политических репрессий в СССР) имеются сведения о священнике Савве Фаддеевиче Петрове, который родился под Мосальском в деревне Ляды 2 января 1885 г., окончил в прошлом школу прапорщиков ополчения, жил в Мосальске (ул. Ленина 32). 22 октября 1929 г. он был арестован как «активный участник нелегальной контрреволюционной церковническо-кулацкой повстанческой организации», 21 августа 1930 г. осужден Коллегией ОГПУ на три года. До вынесения приговора находился в заключении в Мещовске (16). О том, что это священник именно старообрядческий, указывает пометка, что он из крестьянской семьи. Другое дело, что следовательно мог перепутать священника и церковного служителя (уставщика). Речь идет о том же самом прапорщике, но говорить о его последующем рукоположении в сан пока рано, это нужно подтвердить.

52. Воин-старообрядец И.В. Бабин // Слово Церкви. 1916. №26. С.566–567. В заметке указано, что он младший унтер-офицер, «старообрядец, приемлющий священство Белокриницкой иерархии», родом из крестьян села Золотаревки Александрийского уезда Херсонской губ. Награжден двумя Георгиевскими крестами и серебряной медалью «За храбрость». Награды достались ему за подвиги, совершенные в ходе разведки, в боях против превосходящих сил врага, в августе и октябре 1914 г. Во второй раз ему и товарищам приходилось под обстрелом подлезать под неприятельские заграждения. Чтобы установить связь с другим своим отрядом, Бабин ползком продвигался каждые три сажени по полчаса. Одного из разведчиков ранило. Оставлять товарища без помощи, конечно, было невозможно, и Бабин с другом, лежа, выкопали окоп под кустом, перевязали раненого и положили его туда до своего возвращения, а сами поползли к назначенной части. «Когда увидели их прибывшими к назначенной части, объясняли это просто чудом». Доставив донесение, И.В. Бабин с боевым другом захватили раненого и дотащили к своим. Благодаря своевременно доставленному сообщению состоялось согласованное наступление, и «германцы сильно были покатены». В другом бою И.В. Бабин был контужен, у лошади, на которой он сидел, оторвало голову. Он был отправлен на родину для поправки, затем вернулся в часть.

53. Воин-старообрядец // Слово Церкви. 1916. №27. С.586–587. Речь в статье идет о человеке удивительной судьбы — Иларионе Давыдовиче Яганове. Он родился в 1891 г. В журнале не уточняется где, но мне встречалась станица Бударинская Уральского казачьего войска. Расходятся данные относительно года рождения. В других источниках указывается 23 марта 1890 г. (см. ссылку далее) В 1912 г. поступил на военную службу в 3-й Уральский казачий полк. Учился военному делу, имел награды. Так, за отличную учебу ему подарили серебряные часы с

императорским портретом и надписью. 28 апреля 1914 г. Яганова произвели в старшие унтер-офицеры (урядники). Сразу после объявления о мобилизации он отправился на войну в район Вислы. В его задачу входила организация боевой разведки. В одном из сражений пулей у него с головы сбило фуражку, в другом был ранен его родной брат Павел. Статья подробно рассказывает о том, как Яганов воевал, и завершается словами, которые остается повторить и нам: «Были и многие другие подвиги, но разве обо всех перескажешь».

Иларион Яганов был награжден несколькими Георгиевскими крестами. В Гражданскую войну он воевал на стороне белых. В 1919 г. стал подесаулом. Участвовал в последнем походе Уральского Войска, когда после взятия Красной армией Гурьева в январе 1920 г. казаки во главе с атаманом В.С. Толстовым направились на соединение с войсками Деникина. Из пятнадцатитысячного отряда к форту Александровскому вышли только 2 тысячи обмороженных, измученных голодом уставших людей, преодолевших 1200 километров. Поход к этому времени утратил смысл, поскольку Белое движение на юге России потерпело поражение. Осенью 1925 г. в составе Терско-Астраханского казачьего полка И.Д. Яганов оказался в Болгарии, оттуда уехал во Францию. Он умер 31 марта 1960 г. в звании есаула и похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в Париже (17).

54. Прапорщик Яков Александрович Хамкин // Слово Церкви. 1916. №40. С.820. Это даже не заметка, а подпись из трех предложений под фотоснимком: «Уроженец города Шадринска, старообрядец. 16 декабря 1915 г. в бою на Галицийском фронте был ранен и контужен. В настоящее время находится в лазарете Царскосельского дворца». На портале «Памяти героев Великой войны» выложены карточки на прапорщика Якова Хамкина, который служил в 12-м Финляндском стрелковом полку, в сентябре 1915 г. поступил в лазарет в Ессентуках с диагнозом «колит после операции аппендицита, невращения, малокровие», потом был ранен 16 декабря 1915 г. (как и в заметке) у д. Злотники. Если бы не указание на один и тот же полк, можно бы было предположить, что речь идет о разных людях: один болен, другой ранен, всякие бывают совпадения, даже при таких не особенно часто встречающихся фамилиях и именах. Точное название второго лазарета не указывается, к Царскосельскому лазарету №17 был на некоторое время прикомандирован С.А. Есенин.

55. Подхорунжий М.И. Пастухов // Слово Церкви. 1916. №43. С.877–878. Эта небольшая статья написана священником Иоанном Афанасьевым, он рассказывает о казаке хутора Рычкова Верхне-Чирской станицы Донской области Мокее Ивановиче Пастухове. Он нигде не учился, кроме как дома, с детства пел и читал на клиросе, «не опускал ни одной церковной службы, пока не достиг возраста призыва на военную службу». Стал командиром взвода. В 1909 году старшим урядником вышел в запас. Был избран

поселковым атаманом. Через некоторое время принял предложение вернуться на сверхсрочную военную службу. Выдержал экзамен на подхорунжего. Когда началась Первая мировая, стал полным Георгиевским кавалером. Великий князь Борис Владимирович подарил казаку золотые часы с портретом за отличие в ратном деле.

56. П.А. Сорокин // Слово Церкви. 1916. №45. С.910. Это короткая заметка, сопровождаемая фотографией: «Старообрядец П.А. Сорокин из д. Щелканово Калужской губ. был мобилизован, и в бою, будучи за старшего в разведке, своевременно донес о наступающем неприятеле. В это время был ранен П.А. в ногу разрывной пулей, но продолжал наблюдать за передвижением врага, чем содействовал успеху. За это он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. По излечении ран в лазарете Сорокин снова отбыл на фронт. Дай Бог, чтобы таких защитников нашей дорогой родины было побольше». Это все. Ни места боя, ни биографических данных, не говоря уж о названии подразделения, где П.А. Сорокин служил. Инициалы тоже не расшифрованы.

57. Воспитанники института — прапорщики // Слово Церкви. 1916. №47. С.948. В заметке, сопровождаемой двумя групповыми фотоснимками (второй размещен на С.947), говорится, что почти весь состав первого выпуска воспитанников Московского старообрядческого института поступил в мае 1916 г. в Алексеевское училище, 1 октября они были произведены в прапорщики. Сфотографировались перед отправкой в назначенные им войсковые части за трапезой по поводу получения званий и расставания. Фамилии не указываются.

58. Кузьма Крючков // Слово Церкви. 1916. №48. С.964. Краткая заметка со ссылкой на газету «Русское слово» сообщает о присвоении первому Георгиевскому кавалеру войны звания прапорщика. Рядом размещена заметка о фронтовом священнике Андрее Попове, он сфотографирован вместе с псаломщиком, редактором «Старообрядческом мысли» В.Е. Макаровым.

59. Подхорунжий Д.Г. Чертихин // Слово Церкви. 1916. №50. С.996. Воин-казак Дионисий Георгиевич Чертихин родился на хуторе Зеленовском станицы Пятиизбянской Области Войска Донского. С детства помогал священнику при храме, освоил чтение и пение на клиросе. Еще до начала войны был призван в 4-й Донской казачий полк, окончил учебную команду, был произведен в урядники, затем в вахмистры. Затем вернулся на родину и стал инструктировать молодых казаков. Так продолжалось десять лет. С объявлением войны он снова ушел на фронт, стал Георгиевским кавалером (сколько именно он получил орденов, не оговаривается).

60. Воин-старообрядец А.А. Финогеев // Слово Церкви. 1917. №8. С.157. Герой короткой заметки с фотоснимком родился в д. Ведерки Костромской губернии и уезда. С первых дней войны был мобилизован в армию, в артиллерию. «Он много раз находился в боях, но все Бог хранил». 14

ноября 1914 г. награжден Георгиевской медалью 4-й степени. Впоследствии освоил шоферское дело и был назначен в автомобильный парк. Названия воинских частей, где он служил, даны одними буквами или заменены многоточиями.

61. К.П. Жулидов // Слово Церкви. 1917. №9. С.172–173. Заметка написана священником Феофилактом Слесаревым, будущим архиепископом Флавианом Московским. Он сообщает о своем земляке, подпоручике Козьме Памфиловиче Жулидове, уроженце села Городище Екатеринославской губернии. Он имеет несколько наград. «География 4-й степени получил за геройский подвиг на позициях при отбитии австрийских атак, а 26 августа 1914 г. произведен в чин прапорщика; Георгиевские медали получил за храбрость в трехдневных боях» на р. Стрыпе (на Украине, левый приток Днестра). Был ранен. Лечился три с половиной месяца. 14 декабря 1914 г. опять вернулся в строй. Вторично был ранен в Карпатах, в бедро правой ноги навилет. 15 марта 1915 г. награжден орденом святой Анны 4-й степени». Произведен в чин подпоручика. 17 июля 1915 г. снова вернулся в действующую армию, пролечившись четыре месяца. Принял командование нестроевой ротой. 12 августа был контужен разрывом снаряда и «эвакуирован вглубь России». В строй вернулся только 11 ноября 1916 г. (18).

62. Неожиданная радость воина // Слово Церкви. 1917. №10–11. С.191. Автором заметки является «воин-старообрядец А.П. Лукичев». Он сообщает, что, прослужив два года в кавказской действующей армии, почти все время на передовых позициях, был командирован накануне Богоявления в штаб батальона. Ему не хотелось, уж лучше провести бы этот праздник на передовой, а тут надо ехать в глухую тыловую деревушку. Но так совпало, что именно сюда, и в то же время, прибыл старообрядческий священник Кирик Мушнин. Отпросившись у начальства, автор заметки посетил праздничное богослужение и не замедлил поделиться своей радостью с журналом.

63. Юные герои-старообрядцы // Слово Церкви. 1917. №30. С.542. Заметка, не лишенная патетического тона, посвящена четырем выпускникам Московского старообрядческого института, которые добровольцами пошли на фронт. Это И.С. Коновалов, Г.Г. Рубцов, М.П. Агафонов, И.Х. Фирсов. Ее сопровождают фотографии и стихотворение «На память юным героям», подписанное псевдонимом Г. К-въ. Каких-либо подвигов они еще не успели совершить. Их решение — уже подвиг. «Вы — герои, достойные звания гражданина свободной России!», так определяет их автор в последних строках.

64. Воин-старообрядец Г.Д. Гагарин // Слово Церкви. 1917. №38. С.645–646. Григорий Дмитриевич Гагарин был из мещан г. Сухиничи Калужской губ. Призван 19 июля 1914 г. как запасной унтер-офицер и зачислен в 1-й Сумской полк. Награжден Георгиевскими

крестами четвертой и третьей степеней за успешно проведенные разведывательные операции. Около года пробыл в партизанском отряде. Ранен ни разу не был. «В сем 1917 году Г.Дм. изъявил желание вступить в батальон смерти (*особое ударное подразделение*. — В.Б.), в котором состоит и по сие время, горя желанием изгнать врага из нашего дорогого отечества».

65. Штабс-капитан А.И. Широков // Слово Церкви. 1917. №43. С.714–715. Эта заметка с очередным рассказом о старообрядце, находящемся на фронте, появилась после продолжительного перерыва. Поводом послужило, очевидно, недавнее производство А.И. Широкова, чьи инициалы не расшифрованы, в штабс-капитаны. Он родился в коренной старообрядческой семье, азбуку, Часовник и Псалтырь изучил дома. Окончил среднее техническое училище, потом определился в Чугуевское военное училище и был после его окончания произведен в подпоручики, назначен в 63-й пехотный полк, находившийся в Белостоке. После войны полк выступил в восточную Пруссию, и А.И. Широков «участвовал во многих боях с неприятелем», был представлен к наградам — орденам св. Анны и Станислава, в 1915 г. произведен в поручики. Заметку сопровождает короткий рассказ о его отце — И.К. Широкове — с портретом. Он не участвует в боевых действиях, но несет «различные обязанности по служению старообрядчеству», живет в Клинцах.

66. Воины — старообрядческие уставщики // Слово Церкви. 1917. №44. С.731. Короткая заметка сообщает об уставщиках Иване Афанасьевиче Батушине и Михаиле Григорьевиче Попове. Первый служил в станице Григориопольской Кубанской области, а второй — в Феодосиевском монастыре в Терской области. Они были мобилизованы 1 ноября 1915 г. Были назначены в пешие дружины, потом, 1 октября 1916 года, определены в один полк, наименование которого опущено. «Извели окопную жизнь и все ее трудности». Поскольку оба хорошо знали переплетное дело, их перевели в штаб полка, одного в строевую, другого в хозяйственную канцелярию.

67. Усердный исполнитель воинского долга // Слово Церкви. №45–47. С.757–758. Это уже не заметка, а целая статья. Она посвящена черноризцу Николе, в миру Николай Ипполитович Блинов. Так он представлен. Он родился в 1878 г. в крестьянской семье в д. Юрьево Ушицкого уезда Ярославской губернии. Семья была новообрядческой. Занимался хлебопашеством и торговлей. В Японскую войну был в армии фельдшером. Огромное влияние на него оказало знакомство со старообрядческими деятелями: епископом Антонием (Паромовым) Пермским, священноиноком Амфилохием (Журавлевым), впоследствии епископом, и другими. Он читал полемические книги. В 1908 г. ушел в Вознесенский монастырь в Шамарах. Отец Н.И. Блинова впоследствии принял старообрядческое иночество с наречением имени Иоасаф и

подвизался в Ново-Архангельском скиту в Томской губернии. Сам же черноризец Никола решил подвизаться в уединенном месте «неведомо для других в горах Кавказа». Он поселился близ Туапсе, потом в силу разных причин (климат, болезнь, «суровые нравы окрестных жителей») вернулся в Сибирь, где поселился в конце концов в том же Ново-Архангельском скиту. Здесь он был избран экономом. В 1914 г. по мобилизации был призван на фронт и зачислен фельдшером в 28-й Сибирский стрелковый полк. О принятии им иночества в статье не говорится, имени он по существу не менял, в сан рукоположен не был и, по-видимому, просто жил по иноческим требованиям. За войну был награжден двумя Георгиевскими медалями с надписью «За храбрость» и серебряной медалью с надписью «За усердие» на станиславской ленте. «Конечно, его не радуют эти мирские награды; он от всей души желал бы подвизаться в тихой святой обители, но, как видим, и подвиги на бранном поле по оказанию помощи нуждающимся в ней доблестным воинам также горячо жгут его святую душу».

Сайт «Открытый список» со ссылкой на «Книгу памяти Томской области» подсказывает, что к 28 марта 1933 г. Н.И. Блинов проживал в пос. Коршан Колпашевского района Томской обл. и был в этот день арестован по обвинению в участии в «контрреволюционной монархической повстанческой организации церковников». 22 августа 1933 г. его приговорили к пяти годам. В ноябре 1959 г. реабилитировали (19).

68. Воин-старообрядец Ф.А. Смирнов // Слово Церкви. 1917. №49. С.788. Федор Андреевич Смирнов был призван сразу же после начала войны в 1914 г. и определен в 125-й запасной батальон для обучения новобранцев. Его отметили, произвели в младшие унтер-офицеры. В июне 1916 г. он пожелал отправиться в действующую армию. Руководство не хотело отпускать его, он был нужен, но в конечном счете уступило. «И Ф.А. отправился в свой родной 4-й гвардейский стрелковый полк, в котором находился на действительной службе, и 16 июля участвовал уже в бою против австро-германцев на р. Стоходе. Федор Андреевич геройски ходил в атаки на врагов, не щадя своей жизни, и примером увлекал свой взвод не менее геройски разить врагов». Его наградили Георгиевским крестом четвертой степени. 1 сентября 1916 г., выполняя задания во что бы то ни стало удерживать окопы, был контужен, но не оставил поле боя. Заметил обходной маневр врага и, не имея приказа отступать, оборонял свой участок до последнего, пока не вынужден был сдаться в плен. Вскоре, 5 октября, вместе с другими шестью солдатами совершил побег. «За славный подвиг Ф.А. был представлен к награде Георгием 3-й степени и Георгиевской медалью 4-й степени». «Во время революции в России Ф.А. первый выступил в своем полку с речью к товарищам солдатам, убеждая их крепко стоять за свободу и в то же время геройски выполнять свой долг перед отечеством, отражая врагов его». В

этом абзаце имеется в виду февральская революция 1917 г. На момент публикации заметки, а это самое начало декабря того же года, Ф.А. Смирнов находился в запасном полку.

1.3. Фотоснимки, не сопровождаемые текстом

В журнале «Слово Церкви» изредка публиковались фотографии воинов, не сопровождаемые никаким текстом. Так, в сорок девятом номере за 1915 г. был помещен снимок прапорщика запасного полка начетчика Ивана Алексеевича Лукина. В качестве апологета он выступил в середине 1900-х годов, в 1904 г. присутствовал и выступал на Пятом Всероссийском съезде старообрядцев в Нижнем Новгороде, публиковался нечасто, но активно выступал на беседах с миссионерами в Донской области. Его фотоснимок служит иллюстрацией к очередному обзору военных действий, в котором ничего об И.А. Лукине не говорится.

В номере 25 журнала «Слово Церкви» за 1916 г., помимо снимка И.Я. Гаврилова (№35 данной статьи), опубликованы фотографии унтер-офицеров Федора Титовича Щербакова и Ивана Степановича Жукова, удостоенных Георгия четвертой степени. О них самих также ничего не сообщается. Отдельные фотографии публикуются и далее. В №28 журнала за тот же год (С.652) помещен фотоснимок группы воинов, среди которых находится, как указывает подпись, старообрядец Е.Е. Пряхин, получивший за бои 11–13 октября 1915 г. Георгия 4-й степени. Инициалы его не расшифрованы, звание в подписи под снимком не указано. В следующем номере (№29. С.675) помещен фотоснимок Еф. Фед. (так указаны инициалы) Чеченова с подписью из четырех коротких предложений. Он был уроженцем с. Брыни Калужской губ. Участвовал в сражениях с самого начала войны. Дважды был ранен. Награжден тремя Георгиевскими крестами (4-й, 3-й и 2-й степени), произведен в подпрапорщики. Этот краткий текст с фотоснимком помещен без заголовка. В №33 (С.771) появилась фотография члена Государственной думы старообрядца поморского согласия Степана Родионовича Кириллова. Он был награжден Георгиевской медалью 4-й степени «за самоотверженный и тяжелый труд в Карпатах, где под сильным огнем противника, исполняя обязанности уполномоченного 30-го передового санитарно-питательного отряда Всероссийского национального союза выносил на руках тяжелораненых из Венгерской долины чрез горный перевал». Так гласила подпись. На предплечье левой руки изображенного на снимке бородача повязка с красным крестом. Ладонью он придерживает, как будто поправляя, эфес сабли.

«Обзор военных действий» в №51 за 1916 г. (С.1019) сопровождается фотографией, где изображена группа старообрядцев, 9 человек. Все — георгиевские кавалеры. Подпись уточняет, что фельдфебель И.Р. Доляжков, сидящий на

снимке слева, имеет четыре Георгия. На снимке совсем молодой паренек в фуражке набекрень с шашкой между колен и наградами на гимнастерке. Других фамилий нет.

В журнале «Слово Церкви» было опубликовано несколько фотоснимков, отображающих деятельность на фронте священника Алексея Журавлева (скорее всего, им самим и присланных в редакцию). На них он изображен среди солдат, часто это довольно большие группы.

Под конец хотелось бы упомянуть об одной публикации, которую сопровождает сразу несколько фотографий. Формально она не вписывается в данный раздел. Это небольшая корреспонденция из Двинска, где говорится об открытии лазарета (при участии С.Р. Кириллова): Церковь. 1914. №38. С.890. Фотоснимки, относящиеся к заметке, здесь размещены на нескольких страницах. На одном из них — группа старообрядок-санитарок. Это одна из немногих, если не единственная фотография, посвященная участию женщин в войне. Заметок, посвященных персонально женщинам, в журналах, которые мы анализируем, нет.

2. Публикации из журнала «Старообрядческая мысль» и другой периодики

2.1. Некрологи.

69. Георгий Артемьевич Глебов // Старообрядческая мысль. 1915. №7. С.649–650. Заметка рассказывает о прапорщике, скончавшемся от ран, полученных в бою за город Пуля, в лазарете в Москве. У него была прострелена левая рука, бок, задет позвоночник. Столкновение с противником произошло 20 апреля, 25 мая привезенный в столицу раненый попросил к себе старообрядческого священника. Его причастили. На следующий день он умер. «28 мая было совершено погребение усопшего в храме св. пророка Илии, что у Тверской заставы. В тот же день тело покойного перевезено по железной дороге на родину — Московской губ. Богородского уезда Ильинской вол[ости] в деревню Поймы для предания земле».

70. Подпоручик И.К. Осипов // Старообрядческая мысль. 1916. №6. С.417. Краткость этой заметки позволяет привести ее полностью, инициалы погибшего не расшифровываются: «Сын священника с. Безопасного о. К. Осипова. Пал смертью храбрых за родину и царя на Рижском фронте. Спеша в окопы своей роты из землянки батальонного, чтобы отбить атаку немцев, он вместо ходов сообщения, желая сократить путь, бежал по открытому полю, что и погубило его. В окоп он упал уже мертвым. У о. Константина осталось еще два сына. Оба капитаны».

71. Л.В. Быстров // Старообрядческая мысль. 1916. №11–12. С.742–744. См. также №21. Погибшему посвящен отдельный раздел статьи далее.

2.2. Разные заметки.

72. Первый Георгиевский кавалер —

старообрядец // Старообрядческая мысль. 1914. №8. С.785–786. Заметка о Козьме Фирсовиче Крючкове с краткими биографическими сведениями: родился в 1888 г. на хуторе Нижне-Калмыцком Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского, грамоте учился дома, в полку служит четвертый год. «Не силен, но очень гибок, увертлив и настойчив. Всегда был первым во всех играх, требовавших ловкости». «Среди хуторян Крючковы пользуются репутацией домовитых и религиозных хозяев». Через номер журнал вернулся к прославленному герою, опубликовав заметку «Благодарность отцу Крючкова» (1914. №10. С.973): «Атаман войска Донского Покотило объявил свою сердечную благодарность отцу Кузьмы Крючкова за хорошее воспитание сына и произвел его в урядники. Эта награда произвела большое впечатление среди всего казачества. Особенно этим гордится станица, где родился герой-казак». Впоследствии журнал не раз обращался к имени К.Ф. Крючкова: [Зенин Н.Д.] Козьмы Крючковы и евреи — герои войны // Старообрядческая мысль. 1915. №2. С.124–136 (подпись — Гостилковский); см. также №73, 74.

73. Новый подвиг старообрядца-казака Козьмы Крючкова // Старообрядческая мысль. 1915. №3. С.290–291. «Нужно было произвести разведку относительно расположения германских войск. Крючков и еще человек 10 вызвались произвести эту разведку. Подъехали к деревушке М., в которой расположился отряд человек в 20 германцев-кавалеристов. Недолго думая, они ворвались в деревню, половину перебили, остальных забрали в плен и у них нашли ценные документы относительно расположения германских войск. Затем он участвовал в больших сражениях, получил три раны, из которых в бок самая опасная. Крючков в настоящее время имеет все четыре ордена св. Георгия (полный бант), получает 50 рублей ежемесячного жалования и пользуется большим уважением среди солдат, офицеров и генералов». Дальше повествует о том, как тяжело ему нести это бремя славы.

74. Новый герой — Крючков // Старообрядческая мысль. 1915. №5–6. С.548. Речь идет о брате К.Ф. Крючкова Иване. «Он спас во время боя полковника и получил за это Георгиевский крест 4-й степени». Следующую награду, крест третьей степени — получил за успешную разведку в тылу врага. Впоследствии попал в плен, но сумел организовать побег целой группы таких же пленных, пятьдесят человек. За это был представлен к Георгиевскому кресту второй степени.

75. Ефрем Иванович Шитко // Старообрядческая мысль. 1915. №5–6. С.548. Герой короткой заметки был штабным писарем, но добровольно бросил эту службу, стал разведчиком. В одном из боев был ранен разрывной пулей. Награжден Георгиевской медалью «За храбрость». Представлен к Георгиевскому кресту. На время публикации проходил лечение в Киеве. Изредка писал для журнала. Был одним из инициаторов создания старообрядческого прихода в Севас-

тополе. См. его статьи: Севастополь. Церковь. 1914. №33. С.776–778; О старообрядцах гор. Севастополя // Старообрядческая мысль. 1915. №11. С.1947–1050.

76. Алексей Варнавьевич Зенин // Старообрядческая мысль. 1915. №5–6. С.548–549. Сын родного брата Н.Д. Зенина. «Прапорщик из студентов Петроградского политехникума. Контужен во время боя в Карпатах. Во время наступления в деле с австрийцами, руководя нижними чинами, выбил противника штыками из окопов и занял их, после чего пушки неприятеля начали засыпать снарядами занятые окопы. Пришлось прятаться и из-за скал наблюдать за ходом боя. Пять снарядов разорвалось над его головою, и лишь один сорвал только у него фуражку с головы. Потом снаряд тяжелой пушки ударил в скалу над ним и взорвался. Он был оглушен, а скала, осыпавшись, погребла его под собою. К счастью, неприятель был прогнан, а его откопали и привели в чувство». Впоследствии А.В. Зенин участвовал в боях по взятию Сенявы (город в Польше).

77. Штабс-капитан И.В. Казаков // Старообрядческая мысль. 1915. №11. С.1044–1045. С первых строк заметка оговаривает, что тот, кому она посвящена, старообрядец беспоповец и один из авторов журнала. Иван Васильевич Казаков — уроженец деревни Наченье Нижегородской губ. После сельской школы и сельскохозяйственного училища имени Ф.В. Чицова поступил в виленское пехотное юнкерское училище. Участвовал в нескольких боях. «Особенно жестокий бой пришлось ему выдержать в составе отряда, сдерживавшего натиск противника после катастрофы с армией Самсонова в Мазурских озерах около крепости Летцен. Прошлой зимой И.В. побывал на р[еке] Бзуре (в Польше. — В.Б.), а в феврале уже ходил в атаку под Гродно, где был контужен снарядом. В настоящее время И.В. увольняется от службы по болезни».

78. С.П. Аржаников // Старообрядческая мысль. 1915. №11. С.1045. Даже не заметка, а подпись под фотоснимком, где изображен человек в гражданской одежде, с галстуком, из трех предложений: «Старообрядец из Ростова-на-Дону. Вступил в ряды защитников родины добровольцем. Ранен в Галиции, в Карпатах». Инициалы не расшифровываются.

79. В плену у немцев // Старообрядческая мысль. 1915. №12. С.1155–1156. Небольшая статья, написанная от лица солдата — Семена К. Местность, где он попал в плен, где именно шел бой, не названа, как и воинская часть, но судя по другим упоминаемым топонимам, это нынешняя Белоруссия (Красноселицы) и Польша (Прасныш, Млава, Белосток и др.). Солдат рассказывает о грубом обращении, о том, как пленных принуждали работать, кое-как кормили и т.п. В плен он попал в июле, бежал в начале сентября. В бегах провел девять дней, пока не вышел с товарищем к русским позициям. Рассказчик награжден орденом св. Георгия четвертой степени, «а за смелый

побег из плена представлен также к награде». Ему предоставили отпуск, чтобы он мог отдохнуть дома. «Теперь я отпущен на 28 суток отдохнуть под родной кров к дорогой семье. А потом — смело вперед, за Веру, Царя и Отечество».

80. Письма с войны // Старообрядческая мысль. 1916. №1. С.70–71. Автор — воин-старообрядец И.С. Жуков (см. упоминание о нем в разделе, посвященном фотографиям). Он рассказывает о фронтовых буднях. Журнал опубликовал также его портрет и дал краткую подпись с биографическими данными. Он из с. Осташева Бронницкого уезда Московской губ. Призван 21 июля 1914 г. Награжден двумя Георгиевскими медалями и крестами. В том же номере на С.73 опубликовано другое его письмо. Изредка он продолжал публиковаться в журнале и далее.

81. Братья Шведовы // Старообрядческая мысль. 1916. №2. С.117–118. «Сергей и Семен Сергеевичи Шведовы происходят из крестьян Московской губ., Бронницкого уезда, села Борщева. Призваны в ряды войск по мобилизации с начала войны рядовыми воинами, а затем были произведены в прапорщики. Сергей (старший) после контузии назначен обозным командиром, которым и состоит по сие время. Семен (младший) за отличие в боях под Чарторийском (*Вольнская обл., Украина. — В.Б.*) получил орден Станислава и чин подпоручика. Был несколько раз контужен, но и доселе остался в строю».

82. Прапорщик Р.М. Кошечкин // Старообрядческая мысль. 1916. №2. С.118. Инициалы в этой заметке не раскрыты. Был уроженцем Хвалынского уезда Саратовской губ. Служил при церкви уставщиком, был учителем в с. Кузнецов Бронницкого уезда Московской губ. и селе Сосновая Маза под Хвалынском. В августе 1915 г. поступил в школу прапорщиков в Киеве. Был младшим офицером в запасном батальоне под Харьковом. 20 декабря 1915 г. отправился на Западный фронт. Сотрудничал в старообрядческой периодике, и заметка примечательна тем, что раскрывает его псевдоним — Р. Горев. А инициалы можно уточнить по другой заметке, где повествуется об организации им духовного концерта в старообрядческом училище в с. Сосновая Маза 30 января 1915 г. — Родион Мартынович (см.: Лопухов Стефан. Село Сосновая Маза Хвалынского уезда Саратовской губ. // Старообрядческая мысль. 1915. №4. С.393–394).

83. С.И. Кузнецов // Старообрядческая мысль. 1916. №2. С.119. Семен Иларионович Кузнецов происходил из крестьян д. Ковакса Арзамасского уезда Нижегородской губ. До военной службы был причетником у епископа Иннокентия (Усова) и чтецом у слепого начетчика А.А. Селезнева. Награжден Георгием 4-й степени (к моменту публикации заметки). Это всё. Однако у С.И. Кузнецова сложилась удивительная судьба. В 1917 г. он служил в охране Николая II, после революции вернулся в Нижний Новгород,

где был арестован вместо епископа Иннокентия (Усова), потом скитался по России — Сибирь, Минусинск, Тува, был осужден и приговорен в 25 годам лагерей, все перенес и упокоился в 1981 г., когда ему не так уж много оставалось до девяноста лет. Подробнее: Урушев Д.А. Русское старообрядчество: традиции, история, культура. М., 2016. С. 304–307.

84. Н.Д. Зенин // Старообрядческая мысль. 1916. №3. С.223. Речь идет о редакторе журнала. «В настоящее время Н.Д. находится в действующей армии, куда отбыл на службу всероссийского земского союза, несущего большую ответственную работу всесторонней помощи нашей армии. Н.Д. Зенин работает в ближайшем тылу на фронте 2-й армии». Журнал дал фотоснимок Никифора Дмитриевича.

85. Прапорщик Иван Евсеевич Макаров // Старообрядческая мысль. 1916. №4. С.284. Родной брат редактора журнала, старообрядческого публициста В.Е. Макарова. Уроженец Вольска. Был торговым служащим, мечтал о должности учителя, но помешала война. Пройдя курс ускоренного обучения нижних чинов, был причислен к учебной команде, а затем — в кадр нижних чинов 150-го запасного пехотного батальона. В декабре 1915 г. сдал экзамен на вольноопределяющегося и поступил в Третью саратовскую школу прапорщиков. Окончил и снова был назначен в запасной батальон. Никаких подвигов, только тыл и учеба.

86. Награда старообрядческого военного священника // Старообрядческая мысль. 1916. №5. С.342–343. Я оговаривался, что тему старообрядческого духовенства на фронте намерен не затрагивать, но здесь хочется сделать исключение. Речь идет о награждении орденом святой Анны с мечами священника Алексея Ивановича Журавлева. Один журнал, «Старообрядческая мысль», воспринял это событие однозначно положительно. Другой, «Слово Церкви», тоже посвятил ему отдельную заметку, опубликованную позже: Награжденный орденом старообрядческий священник // Слово Церкви. 1916. №29. С.622. Она состоит из двух частей: собственно заметки о награждении и комментария к ней, который в 2 раза больше. «Такое событие в старообрядчестве, явление довольно редкое, а может быть, для духовенства и первое, — подчеркивал журнал. — Означенный орден с мечами жалуются только за боевые подвиги или за самоотверженную отвагу, когда то лицо подверглось опасности для собственной жизни, как, например, о. Алексей 8 раз был в сфере неприятельского огня». Вместе с тем в комментарии ему дается негативная оценка. «В то же время долг совести повелевает нам высказать наши опасения, как бы такие награды не повели к обмирщению, к огосударствлению духовных лиц старообрядческой Церкви. Священник Журавлев, украсивший свою грудь орденом, стал уже меньше походить на истинного пастыря Церкви Христовой. Он стал уже немножко военным — вооружен мечами. Думается, что и пастырская

**Старообрядческий священник о. Алексей Журавлев
с группой певцов старообрядцев в действующей армии.**

душа его стала от этого менее апостольской. Военные награды, как бы ценны они ни были, не от духовного мира, им не место в благодатном царстве Христа». Эта мысль развивается и далее. Два издания прямо противоположным образом оценили это присвоение награды.

О действиях Алексея Журавлева на фронте рассказывалось на страницах старообрядческой периодики неоднократно в небольших заметках. В шестом номере «Старообрядческой мысли» он опубликовал одно из своих выступлений перед солдатами с заголовком «За что воюет русский воин», и это не единственная его публикация.

87. Наши руководители на фронте // Старообрядческая мысль. 1916. №7–8. С.509. Здесь опубликован фотоснимок с краткой подписью-заметкой. На нем изображены руководитель и владелец книгоиздательства «Знаменное пение» Л.Ф. Калашников, издатели «Старообрядческой мысли» В.Е. Макаров и Н.Д. Зенин, редактор «Слова Церкви» Н.И. Уфимцев. «Фотография сделана в мае сего года (т.е. 1916 г. — В.Б.) при случайном съезде этих лиц с фронта по делам службы в один из ближайших тыловых центров».

88. Наши герои // Старообрядческая мысль. 1916. №7–8. С.509–510. Рассказ о двух солдатах: Евдокиме Глебова и Филиппе Членове. Первый — из д. Давыдовской Богородского уезда Московской губ., «награжден орденом св. Георгия 4-й степени за смелую разведку у высоты „Фердинандов

нос“». Его звание — ефрейтор. Второй из деревни Губинской Покровского уезда тоже Московской губ. Он кавалер ордена св. Георгия 4-й и 3-й степеней, медали на Георгиевской ленте и других наград. «Как разведчик много выказал смелости, смысленности и неутомимости. Не раз целыми днями работал у немцев в тылу, терял товарищей, коней, но сам благополучно уходил».

89. Поручик С.С. Бутиков // Старообрядческая мысль. 1916. №11–12. С.761. После шести классов егорьевской мужской гимназии (ныне Егорьевск в Московской обл.) герой заметки поступил в Алексеевское военное училище. 1 сентября 1915 г. произведен в прапорщики и отправился на фронт. Летом 1916 г. участвовал в боях под Барановичами (Белоруссия), был ранен. За боевые отличия представлен к званию штабс-капитана, награжден орденами Станислава 3-й степени с мечами и бантом, второй степени с мечами, Анны 3-й степени с мечами и бантом. Ныне снова в боях, как сообщает заметка, не расшифровывая инициалов.

90. Ефрейтор * пех[отного] полка Григорий Тимофеевич Коротков // Старообрядческая мысль. 1916. №11–12. С.762. Герой заметки — телеграфист, родом из крестьян д. Мосягино Богородского уезда Московской губернии. Награжден орденами святого Георгия 4-й и 3-й степеней «за энергичные действия при установке телефонной связи под огнем неприятеля. В особенности отличился

быстрою установкой телефонной связи во время внезапного нападения германцев при Шавлях». Это все. Бывший уездный город Шавли ныне носит название Шауляй и находится в Литве.

2.3. Публикации в других журналах.

91. Чудо иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мир Ликийских чудотворца, како избавити от смерти осколком немецкой шрапнели рядов[ого] Николая Крохина // Уральский старообрядец. 1915. №1. С.32–35. Николай Игнатьевич Крохин, живший в Екатеринбурге, отправился на фронт с 335-м Анапским полком. В 1914 г. ему было 31 год. Отец солдата, Игнатий Селиверстович, был служителем в екатеринбургском Никольском храме (часовенного согласия). Он благословил сына перед отправкой в войска медной иконой святителя Николы. Солдат завернул ее в лист бумаги, на котором его жена написала девятый псалом («Живыи в помощи вышняго»). Он все время хранил эту икону в холщовом мешочке на груди. 15 октября 1914 г. полк Крохина перешел границу и вступил в Восточную Пруссию. В одном из боев, для которого солдат вырыл небольшой окопчик, он получил шесть ран. «Слыша или, скорее, чувствуя летящий на себя снаряд, Крохин едва успел поднять голову из окопа, чтобы осенить себя крестным знаменем, творя молитвы, каясь во грехах, как молния, мелькнула перед ним вся его прежняя жизнь. <...> В следующий момент впереди Крохина на расстоянии не более двух аршин последовал оглушительный взрыв. Шрапнель разорвалась, и из образовавшейся на земле воронки взвилось облако пыли и земли, и полетели со свистом во все стороны раскаленные чугунные осколки, один из них угодил в медную икону и пробил ее в двух местах, сплющил и частью сплавил медь, лик святителя остался неповрежденным. Святая икона с осколком впиалась в тело, но не пробила грудь и спасла Крохина от смерти. Кругом раздались стоны и крики. В момент удара Крохин, падая, схватился рукой за грудь, ожег себе пальцы, другим осколком в тот же момент у него вырвало кусок мяса из бедра. Если бы Крохин не поднял головы, чтобы сотворить крестного знамения, осколок шрапнели неминуемо попал бы ему в голову и раскроил ее пополам, так как окоп, в котором лежал Крохин, был очень неглубокий». При всем этом, чувствуя, что еще может стрелять, солдат взялся за винтовку, но в этот миг в кисть его руки попала пуля, и винтовка вылетела. До перевязочного пункта он сумел добраться сам. Осколок шрапнели из иконы вытащил врач. Через несколько дней раненого перевезли на разрушенную железнодорожную станцию в Сувалки (Польша), оттуда санитарным поездом в Вильно. Температура к этому времени у него поднялась под сорок. 26 октября доставили в Петроград. 16 декабря после медицинского осмотра специальная комиссия разрешила Крохину отправиться в Екатеринбург домой, куда он приехал 25 декабря и сразу с вокзала отправился в храм. Кроме анонимной статьи о нем, журнал

поместил два фотоснимка. На одном Н.И. Крохин сидит обнаженным по пояс, чтобы виден был шрам на груди от шрапнели, на другом — поврежденная осколком медная икона.

Дальнейшая судьба Н.И. Крохина не прослеживается, но упоминание о нем я обнаружил на сайте «Skorbin.com», который посвящен памяти усопших, кладбищам и всему, что с этой сферой связано. Чудом выживший солдат умер в 1956 г., похоронен вместе с отцом на Михайловском кладбище Екатеринбурга. В качестве даты рождения указан 1883 г. Все сходится: в 1914 г. на время призыва ему исполнилось 31 год (20). На фотоснимке — большой синий крест из железа с табличкой, где перечислены имена похороненных.

92. Прапорщик Вл. Ив. Дронин // Щит веры. 1916. №7. С.340–341. Это единственный воинский некролог в журнале, который издавал в Саратове старообрядец поморец В.З. Яксанов. Погибший окончил Петровское высшее начальное училище и бухгалтерские курсы в Саратове. Служил счетоводом в разных организациях. «Расцвет молодой жизни провел в тесном кругу своих двоюродных братьев И.З. и А.И. Яксановых (оба тоже на войне). Любил слушать церковное пение, посещал богослужение Свято-Троицкого храма. Служил в последнее время на Кавказе». Погиб в бою с турками при штурме высоты 2980. Журнал поместил фотоснимок воина.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Лука Вонифатьевич Быстров

Старообрядческий писатель и публицист, знаток церковного пения Лука Вонифатьевич Быстров (1885–1916) был племянником саратовского старообрядческого писателя и публициста С.И. Быстрова, родился в семье старообрядческого священника Вонифатия Быстрова. Занимал должность уставщика в приходе отца, а затем работал в одном из хуторов Области Войска Донского учителем. Преодолевая крайнюю нужду, сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, в Москву приехал в 1913 г., уже будучи женат, с четырьмя детьми. С 1909 г. стал активно печататься в старообрядческой периодике. Пробовал свои силы в литературном творчестве. В 1912 г. при поддержке журнала «Старообрядческая мысль» издал «Учебник знаменного пения». Преподавал церковное пение в Московском старообрядческом институте и на курсах при Братстве Честного и Животворящего Креста Господня, здесь же читал лекции, принимал близкое участие в организации старообрядческого культурно-просветительского общества, в последние годы участвовал во Всероссийских съездах старообрядцев, где был членом комиссии по народному образованию.

В 1915 г. из-за войны оставил на третьем курсе университет и поступил в Александровское военное училище, откуда был выпущен в начале 1916 г. в чине прапорщика. Журнал «Слово

Церкви» в 1916 г. дважды опубликовал его фотоснимок во весь рост: стройный юноша с шашкой у левого бока, гимнастерка подпоясана ремнем, сапоги по колено, фуражка с кокардой. Он стоит у приспущенного занавеса и смотрит немного в сторону. В первый раз снимок появился, когда журнал сообщал, что его произвели в прапорщики (см.: Л.В. Быстров // Слово Церкви. 1916. №20. С.461). Он был сопровожден короткой заметкой. Второй раз, когда нужно было опубликовать некролог в траурной рамке (см. №21). Расширенный некролог был также опубликован в «Старообрядческой мысли» (№71).

Последний свой рассказ Л.В. Быстров прислал в редакцию с фронта, он увидел свет в тридцать втором номере. Он посвящен войне. Писатель погиб 26 августа 1916 г. в ходе атаки, его обнаружили убитым во вражеских окопах. Некролог в «Старообрядческой мысли» называет это место: деревня Гнилич. Возможно, оно неточно, портал «Памяти героев Великой войны» указывает чуть иначе — Гнильче. Здесь же уточняется воинская часть: 10-й Туркестанский стрелковый полк.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки удалось выявить одно письмо Л.В. Быстрова, адресованное книговеду и библиографу Николаю Александровичу Рубакину. Не буду его комментировать, оно само за себя скажет.

1.

Л.В. Быстров. Письмо Н.А. Рубакину.

Редактору отдела самообразования господину Н.А. Рубакину.

Пользуясь Вашим горячим призывом к читателям, я обращаюсь к Вам с своей просьбой и прошу ответить на интересующие меня вопросы. Сначала напишу Вам, кто я есть.

Я учитель приходского училища, крестьянин, живу среди казаков в хуторе. Мне 24 года; я женат; жалованья (25 р.) достаёт, но лишних денег нет ни копейки.

Много у меня было желаний за прожитые мною сознательные годы. Сначала мне хотелось быть учителем, и я стал им, добился почти собственными силами, самоучкой. Я думал: «Лишь бы исполнилось это желание, лишь бы стать учителем, тогда мне ничего не надо, нечего добиваться». Но оказалось совсем не то. Потом мне страстно захотелось выдержать экзамен на аттестат зрелости или, по крайней мере, поступить в учительский институт. И я стал готовиться, заниматься... Занимаюсь и до сих пор. Только вот беда — живу я далеко от города, и не у кого мне попросить совета, помощи. А помощь знающего человека очень нужна. По учебникам учиться одному без репетитора не так-то легко. Многого не понимаешь, сидишь подолгу над какой-нибудь непонятной теоремой, задачей, а время проходит.

Все мои желания, мечты имеют в будущем одну исходную точку. Для этой точки я и учителем стал, для нее я и в университет, и в институт хотел

поступить. Цель эта — сделаться хоть маленьким писателем, служить этим народу и оставить о себе хоть маленькую память в людях. Я не знаю, может быть, это желание мое тщеславно, недостойно звания человека, но что поделаешь, без этого для меня и жизнь не жизнь, а пустая игрушка, и жить нет смысла. Вот моя главная идея.

Недавно мое мнение изменилось. Почему, не знаю. Может быть, эта перемена вызвана ленью, может быть, вызвана она невозможностью добраться до университета. Я пришел к такому заключению: если моя цель в жизни — сделаться писателем, так для чего же мне алгебра и другие науки, не относящиеся к достижению этой цели. Не лучше ли прямо приняться за изучение тех предметов, которые имеют прямое отношение к моей идее?

Нужно сказать, что я уже много бумаги исписал своими сочинениями. Некоторые, и даже большинство из них напечатаны. (Я хотел было послать вам один из написанных мною рассказов, чтобы вы могли судить о моих сочинительских способностях, но раздумал. Если это необходимо, скажите, и я пришлю).

Я старообрядец. Пишу больше из жизни староверов. И печатают мои рукописи в московских старообр[ядческих] журналах: «Церковь» и «Старообрядч[еская] мысль».

Итак, моя просьба к Вам заключается в следующем. Как лучше достигнуть мне своей цели? Что учить, читать? Сейчас я читаю классиков. Знаю грамматику русскую, хотя и не в совершенстве. Учил психологию по учебнику Челпанова, сейчас учу логику, его же.

Так вот, правильно ли мною выбран путь? Вы видите, по необходимости я хочу обойти все ученые заведения и идти своей дорогой при помощи личных своих сил, при помощи самообразования. Я знаю, что это не так производительно, как поступить и учиться в университете, но мне иначе нельзя.

Я хотел было послать в Ваш журнал для напечатания очерк современного старообрядчества или маленький рассказец, характеризующий жизнь старообрядца. Но все никак не осмелюсь.

С нетерпением жду Вашего ответа. Прилагаю две семикоп[еечных] марки и печатный адрес, по которому я получаю Ваш журнал.

Л. Быстров, учитель.

3 марта 1911 г.

ОР РГБ. Ф.358. №212. Л. 1—3.

2.

Библиография опубликованных сочинений Л.В. Быстрова в старообрядческой периодике

Данная библиография включает выявленные на данный момент публикации Л.В. Быстрова в старообрядческой периодике. Многие из них подписаны, некоторые атрибутированы благодаря легко разгадываемому криптонуиму (Л.Б., Л. Б-вь), авторство нескольких рассказов позволи-

ла установить сохранившаяся в Отделе рукописей РГБ подшивка журнала «Слово Церкви» за 1915 г. с гонорарной разметкой, где расшифровывается псевдоним «Б. Истрин». В последний раздел библиографии включены художественные произведения короткой формы, увидевшие свет на страницах старообрядческих журналов, как и оговорено выше, однако было бы справедливым предположить, что Л.В. Быстров публиковался не только в них.

Остается также надеяться, что публикуемая далее библиография статей и рассказов Л.В.Быстрова посодействует изданию в свет отдельного тома его сочинений, который когда-нибудь да выйдет и станет должным памятником погибшему.

Отдельные издания.

Учебник знаменного пения : В 3 частях. : Для старообрядческих школ. Киев : Знаменное пение. 1911.

Статьи о пении.

Как учить старообрядческому пению // Церковное пение. 1909. №2. С.43–48.

Что мешает объединить пение? // Церковное пение. 1909. №8. С.207–211.

К памяти пр[епоподобного] Романа-певца // Церковное пение. 1909. №9–10. С.251–253.

Об улучшении пения // Церковное пение. 1909. №11. С. 281–286.

Забитый распев // Церковное пение. 1909. №11. С.286–291.

Хоровое пение // Старообрядческая мысль. 1910. №4. Церковное пение. С.62–74.

Бас и тенор // Старообрядческая мысль. 1910. №7. Церковное пение. С.109–119.

К уставщикам и певцам // Старообрядческая мысль. 1911. №2. Церковное пение. С.26–29.

Азбука крюкового пения // Старообрядческая мысль. № 7. Церковное пение. С.91–106; №9. С.107–122; №11. С.123–138; №12. С.139–154.

К вопросу о певческих книгах // Старообрядческая мысль. Церковное пение. 1912. №5–6. С.616–618.

Учебник пения [Уточнения в учебник знаменного пения] // Старообрядческая мысль. 1912. №12. С.1123–1124.

О крюках знаменного распева // Старообрядческая мысль. 1914. №2. Церковное пение. С.9–16; №3. С.17–35.

Вечер духовных песнопений // Старообрядческая мысль. 1914. №3. Церковное пение. С. 35–37.

Публицистика.

Хут[ор] Ковылинский н/Д // Слово правды. 1907. №27 от 1 апреля. С.3.

Длиннополый полицейский // Слово правды. 1907. №33 от 22 апреля. С.3.

Будущие патриархи господствующей церкви // Слово правды. 1907. №39 от 13 мая. С.3–4.

Служители мамоны // Слово правды. 1907. №48 от 14 июня С.3.

За крест // Слово правды. 1907. №58 от 19 июля. С.4.

К чему мы стремимся? // Слово правды. 1907. №80 от 4 октября. С.4.

О казенном содержании нашего духовенства // Старообрядцы. 1908. №4–6. С.472–474.

Приезд архиепископа // Церковь. 1908. №24. С.850.

Миссионерский подлог // Церковь. 1908. №32.

С.1098–1099.

На борьбу с пьянством // Старообрядческая мысль. 1911. №5. С.385–387.

Где же вы, сильные? // Церковь. 1911. №15. С.355–358.

К Собору // Старообрядческая мысль. 1912. №9. С.860–863.

В защиту грамматики // Церковь. 1912. №2. С.42–43

Самообман // Церковь. 1912. №15. С.366–367.

Мое слово // Старая Русь. 1912. №15–16–17. С.280–283.

Открытое письмо Р. Гореву // Старообрядческая мысль. 1914. №5. С.475–477.

Начальные старообрядческие школы до и после начала XX столетия // Старообрядческая мысль. 1914. №6. С.579–587; №7. С.664–674. С этой статьей, подготовленной в качестве доклада, Л.В. Быстров выступал 1 декабря 1913 г. на чтениях, организованных братством Честного Креста в Москве, см.: Чтения в братстве // Церковь. 1913. №48. С.1159; №49. С.1185.

К соборьям // Старообрядческая мысль. 1915. №8. С.703–709. Отклик: Кириллов И.А. Странная статья // Там же. №10. С.936–939.

Рассказы.

Сами мы виноваты // Церковное пение. 1909. №9–10. С.259–265.

Страх перед свободой // Церковь. 1909. №15. С.516–518.

Былые невзгоды // Старообрядческая мысль. 1911. №1. С.46–49; №12. С.1013–1015.

Владыка // Церковь. 1911. №51. С.1329–1332; №52. С.1354–1357.

Доля горькая // Старообрядческая мысль. 1912. №2. С.158–164; №3. С.252–255.

Повесть старого леса // Церковь. 1912. №51. С.1227–1231; №52. С.1248–1251.

Три чуда // Церковь. 1914. №1. С.13–14.

На закате дней // Слово Церкви. 1914. №5. С.139–143. Подпись – Б. Истрин.

Огнем и мечом // Старообрядческая мысль. 1915. №2. С.147–153. Подпись – Б. Истрин.

«Старые орлы» // Слово Церкви. 1915. №38. С.888 – 890. Подпись – Б. Истрин.

Складень // Слово Церкви. 1916. №3. С.59–61.

Ночью // Слово Церкви. 1916. №32. С. 675–677.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Публикуемые ниже рассказ митрополита Макария (Лобова) Белокриницкого был записан корреспондентом газеты «Биржевые ведомости» во время его пребывания в Петрограде. В 1915 г. он принимал участие в работе Освященного Собора в Москве и выборах нового Московского архиепископа, которого тогда, по соборному решению, решено было при благоприятных обстоятельствах возвести в митрополиты.

На первом заседании Освященного Собора 25 августа 1915 года Макарий, избранный почетным председателем, высказал решительный отказ занять Московский митрополичий престол: «Если откроется путь к моей пастве, я должен немедленно ехать туда. И если даже, чего не дай Бог, сожгут все, я буду оплакивать, как Иеремия, сидя на пепелище». 30 августа 1915 года он принял участие

в возведении епископа Мелетия (Картушина) Саратовского и Астраханского в сан архиепископа Московского. Вскоре выехал в Белую Криницу, освобожденную от австрийских войск, проведя в России в общей сложности около года. В 1917 г. он подвергся здесь избиению со стороны уже российских солдат, о чем рассказывал журнал «Слово Церкви» (см. №2 данного Приложения).

1.

Белокриницкий митрополит Макарий о своих мытарствах в Буковине

Вчера в 9 час. утра прибыл в Петроград старообрядческий митрополит Макарий. Владыка в начале поста вынужден был уехать из Буковины вследствие жестокого гонения на него и преследований со стороны австрийских властей.

По выезде из Буковины владыка 3 дня пробыл в Киеве, а затем около четырех недель жил в Москве. Петроград митрополит Макарий решил посетить благодаря настойчивым просьбам здешних старообрядцев, пожелавших видеть владыку.

Митрополит остановился у местного старообрядческого епископа владыки Геронтия на Громовском кладбище.

Чувствует митрополит в настоящее время себя плохо, его здоровье значительно ослабело после перенесенных потрясений и страданий, нравственных и физических. Он осунулся, похудел, лицо у него измученное, глаза скорбные.

Когда я приехал на Громовское кладбище, владыка спал, утомившись после дороги. Епископ Геронтий мне сказал, что владыка, прибыв с вокзала, осмотрел храм и, поговорив очень недолго, отправился почивать, чувствует себя нездоровым, слабым и уставшим. Но во время нашей беседы владыка проснулся и вышел ко мне.

О своих мытарствах в Буковине он рассказал следующее.

Село, в котором он жил, Белая Криница, два раза переходило из рук в руки. Когда русские продвинулись к реке Середе, протекающей в семи верстах от Криницы, под гром наших орудий австрийцы стали производить обыски у старообрядцев, живущих в Белой Кринице и соседних селах. Обыск был также сделан и у митрополита Макария.

5 октября (1914 г. — В.Б.) его арестовали и под усиленным конвоем направили в город Рад-оуц.

Митрополит приехал туда к вечеру. На ночь его поместили в австрийские казармы. Ему велели ложиться спать на полу на грязной соломе, рядом с ним улеглись два вахмистра, а у окна был поставлен часовой.

Наутро владыку повели на допрос к коменданту города. Митрополита обвиняли в том, что он якобы скрывал на монастырской колокольне русских, преимущественно казаков, и в подстрекательстве старообрядцев против австрийцев.

Комендант обошелся с митрополитом весьма

грубо, кричал на него, топал ногами и грозил непрерывно:

— Сейчас вас расстреляю!.. Старообрядцев всех вырежу!... Белую Криницу да и другие старообрядческие села сожгу!..

После допроса владыку, опять-таки под усиленным конвоем, привезли в какой-то пустой, сырой, холодный дом и заперли в нетопленной комнате, поставив у дверей стражу. Здесь продержали его трое суток, причем владыка питался только черствым хлебом, переданным ему одним старообрядцем.

На четвертый день владыке объявили:

— Будет второй допрос... Собирайтесь немедленно.

Солдаты его грубо вывели на улицу, велели сесть на простую телегу, привезли на казарменный двор и оставили под открытым небом на телеге на несколько часов. Эти часы владыке особенно памятливы.

Его окружила толпа австрийцев, солдат и всякой гольтыбы, среди которой находились и мужчины, и женщины, и дети. Толпа всячески издевалась над митрополитом. Владыке плевали в лицо, замахивались на него палками и кнутовищами и дико вопили:

— Иуда!.. Предатель!.. Фарисей!..

После вторичного допроса комендант заявил:

— Ну, теперь мы москалей побили, а потому даю вам свободу.

Митрополит Макарий был отпущен, но в покое его не оставили. В монастыре постоянно производились обыски австрийцами. Солдаты врываются в монастырь толпой с дикими криками:

— Где москалей?.. Подайте нам москалей!..

Москалей искали всюду: и в покоях у владыки, и в келиях, и в монастырских церквях, и на колокольне.

Монахов толкали, владыке говорили грубости и, потрясая оружием, вопили:

— Где москалей? Где москалей?

Австрийские власти митрополита Макария подозревали не только в укрывательстве русских. На него взводили еще целый ряд всяческих обвинений, часто удивительно нелепых. Например, говорили, что он по ночам сигнализирует русским фонарем с колокольни...

Перед вторичным отступлением русских из Буковины черновицкий губернатор Евреинов посоветовал митрополиту Макарию оставить Буковину и предложил ехать в Россию вместе с ним.

Владыка принял этот совет и уехал.

В Петрограде он пробудет несколько дней, а отсюда отправляется обратно в Москву, где предполагает остаться до конца войны.

— Впрочем, быть может, уеду и раньше, — сказал он в заключение. — Когда австрийцев подалеже загонят.

В. Унковский.

(Биржевые ведомости. Вечерний вып. 1915. №14727 от 14 марта. С.4).

2.

Зверство русских солдат.

Нам доставлено следующее сообщение о насилии, совершенном русскими солдатами над высокопреосвященным Макарием, митрополитом Белокриницким.

— При отступлении русских войск из Буковины, — сообщает очевидец, солдат N пехотного полка Г.М., — я обратил внимание на отмеченное на военной карте селение Белая Криница. У меня явилось желание увидеть главу русских старообрядцев — митрополита Макария, ибо я знал прежде сего, что здесь находится старообрядческий митрополит. Я попросил подпоручика Г.Ш-ва разрешить мне посетить Белокриницкий монастырь. Подпоручик Ш-в, узнав цель моего посещения названного монастыря, и сам пожелал видеть митрополита Макария, и мы вдвоем поехали по направлению к Белой Кринице. Въехав в селение, мы нашли его совершенно пустынным: не было видно ни одной живой души. Вдали виднелась церковь, и мы, полагая, что это и есть Белокриницкий монастырь, поехали по направлению к церкви. Подъехали. Видим ограду. Действительно, это был монастырь. Направо от церкви стоит двухэтажное здание. Все двери этого здания оказались незапертыми, и мы, осматривая комнату за комнатой, в одной из них увидели убеленного сединами старца в монашеской одежде. Вид у него был крайне угнетенный. Под одним глазом был синий кровоподтек, а на голове несколько ран. Мы сказали, что нам хотелось бы видеть митрополита Макария. Старец дал нам уклончивый ответ. Распростившись, мы пошли обратно в селение Белую Криницу. Проходя селением, встретили старичка, по виду русского, старообрядца, и попросили его напоить нас чаем. Во время чаепития мы расспрашивали его о митрополите Макарии, при чем сказали, что были в монастыре, но, к сожалению, не нашли там митрополита. Старичок, угощавший нас чаем, уверял нас, что митрополит Макарий находится сейчас в монастыре, и предложил мне пойти туда с ним и повидать владыку митрополита. Я согласился. Придя в монастырь и подойдя к дверям той кельи, в которой мы видели избитого и израненного монаха, старичок проговорил молитву Иисусову. В ответ послышалось из кельи «Аминь». Я и проводник вошли в келью, и я увидел снова того же монаха-старца, которого видел и при первом посещении монастыря. Проводник мне сказал: «Вот наш владыка митрополит Макарий». Я спросил митрополита, почему же он не назвал себя, когда мы приходили сюда с подпоручиком Ш-вым. Митрополит ответил: «Видите, я весь избит. Очень тяжело и прискорбно было мне называть себя перед вами. Так меня обезобразили свои же русские братья-солдаты». При этом владыка митрополит рассказал, при каких обстоятельствах учинили над ним такое насилие солдаты стоявшей близ части войска — русского полка. Солдаты забрались в женский монастырь, находящийся

недалеко от резиденции митрополита — мужского монастыря, и начали там насильствовать инокинь. Оттуда прибежали к митрополиту и со слезами просили заступиться за инокинь. Владыка пошел в женский монастырь и стал уговаривать солдат прекратить надругательства над беззащитными инокинями. Тогда солдаты набросились на владыку митрополита и стали наносить ему побои. Били по голове и по лицу, сбили с ног и продолжали избивание лежащего сапогами. Расправившись с владыкой, избив его так сильно, что он едва мог подняться на ноги, люди-звери начали грабить имущество монастыря: угнали коров, забрали кур, растащили и все другое имущество. Также разграбили и имущество мужского монастыря. На просьбу владыки митрополита оставить хотя лошадей, чтобы он имел возможность выехать из Белой Криницы, со стороны солдат раздавалась только самая мерзкая площадная брань.

Рассказывая все это, владыка обливался слезами.

Когда владыка митрополит закончил свое печальное повествование, я предложил владыке поехать с нами в Россию. Владыка решительно отказался; уповав на милость Божию, он решил остаться в разграбленном своими братьями — русскими — монастыре, хотя здесь русские солдаты оставили его даже без куска хлеба.

Слушая рассказ владыки митрополита, у меня сжималось горло от спазм, глаза затуманивало от слез. Я еще попробовал убедить владыку поехать в Россию, но он остался непреклонен в своем решении остаться в монастыре. Я выразил свое сожаление и, простившись со страдальцем-владыкой, покинул Белокриницкий монастырь.

Примечание редакции. Сообщивший настоящие сведения о насилии над митрополитом Макарием — не старообрядец, а принадлежит к новообрядческой церкви. На случай помещения этого сообщения в журнале «Слово Церкви» он просил, по некоторым соображениям, полностью имени его не выставлять, не указывать также и название полка, в котором он состоит. Исполняя это желание Г. М-ва, редакция весьма благодарна ему за присланное сообщение.

Кроме сообщения со стороны Г. М-ва о постигшем высокопреосвященного митрополита Макария несчастье, редакцией получены такие же сообщения об этом и от своих братьев-старообрядцев, бежавших из Белой Криницы. Но редакция предпочла поместить на страницах «Слова Церкви» сообщение именно нестарообрядца как свидетеля постороннего, а потому и более беспристрастного.

Помещая это сообщение, с душевным прискорбием задаемся вопросом: неужели так низко пали русские некогда доблестные воины? Остановитесь, братья! Станьте людьми, пока еще не поздно.

Без подписи.

(Слово Церкви. 1917. №40–41. С.682–683).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Памяти павших героев // Старообрядческая мысль. 1916. №11–12. С.762.
2. Памяти героев // Слово Церкви. 1916. №44. С.895.
3. См. об этом в нашей статье: Макарий (Лобов Михаил) // Православная энциклопедия. М., 2016. Т.XLII. С.507–508.
4. См.: Помощь раненым // Церковь. 1914. №35. С.820; Братский лазарет // Там же; На Рогожском кладбище // Там же. 1914. №36. С.843; Двинск // Там же. №38. С.888; Киев // Там же. С.889; г. Боровск Калужской губ. // Там же. С.889–890; Лазарет Тверской общины // Слово Церкви. 1914. №2. С.50; Старообрядческие лазареты // Старообрядческая мысль. 1914. №10. С.972–973; Лазарет Д.П. Рябушинского // Там же. 1915. №1. С.71. Приводится далеко не полный список публикаций.
5. Старообрядческое духовенство и военная мобилизация // Церковь. 1914. №31. С.738. Подпись – В. М-въ; Старообрядческий игумен, призванный на войну // Слово Церкви. 1914. №3. С.80; Освобождение от военной службы // Старообрядческая мысль. 1914. №12. С.1189; Призыв на военную службу старообрядческого игумена // Там же; Освобождение священника из армии // Там же. 1915. №1. С.71; Освобождение старообрядческого священника от военной службы // Там же. №3. С.289–290; За права священства // Там же. 1915. №4. С.379; Освобождение от военной службы старообрядческого священника // Старообрядческая мысль. 1915. №8. С.745.
6. Список старообрядческих священников на фронтах см.: Старообрядческая мысль. 1916. №11–12. С.759; Слово Церкви. 1916. №52. С.1043.
7. Рейтблат А.И. Некролог как биографический жанр // Рейтблат А.И. Писать поперек М., 2014. С.195.
8. От редакции // Слово Церкви. 1914. №3. С.83.
9. Памяти героев Великой войны. [Портал]. URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/1681394/>
10. Памяти героев Великой войны. [Портал]. URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/2204392/>
11. Доклад Ф.А. Московцева Третьему съезду Союза старообрядческих начетчиков // Протоколы Третьего съезда старообрядческих начетчиков в Нижнем Новгороде 7–11 августа 1908 года. М., 1908. С.80–81.
12. Рязанский мартиролог. [Сайт]. URL: <http://stopgulag.org/object/62585674?lc=ru>
13. Памяти героев Великой войны. [Портал]. URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/2204347/>
14. Памяти героев Великой войны. [Портал]. URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/454798/>
15. Памяти героев Великой войны. [Портал]. URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/2243580/>
16. «Открытый лист» [Сайт]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Петров_Савва_Фаддеевич_\(1885\)](https://ru.openlist.wiki/Петров_Савва_Фаддеевич_(1885))
17. Грезин И.И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. М., 2009. Сер. «Российский некрополь». Вып.9. С.562.
18. К.П. Жулидов упоминается в журнале и далее, в заметке «С. Городище Екатеринбург. губ.»: Слово Церкви. 1917. №34–35. С.603–604.
19. «Открытый лист» [Сайт]. URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%91%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%98%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B8-%D1%87_\(1878\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%91%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%98%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B8-%D1%87_(1878))
20. «Скорбим.com». [Сайт]. URL: http://skorbim.com/%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB/%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%B8%D0%BD_%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%B8%D0%B3%D0%

В.И. ОСИПОВ

**ГРАЖДАНСКИЕ И ЦЕРКОВНЫЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ»
БОРОВСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.**

На протяжении всего XIX в. численность населения г. Боровска и уезда растёт, в том числе и старообрядческого. Это не может вызывать беспокойства правительства Российской империи и Синода. Многие авторы утверждали, что в процентном отношении старообрядцы оставляли 70% от всего городского населения [1, с.47; 2, с.76; 16, с.169]. Попробуем разобраться с этим вопросом.

Количество старообрядцев в 1819 г. составляло 2644 человек (Таблица 1). К 1857 г. количество старообрядцев официально сократилось на 278 человек. В 1861 и 1862 гг. происходит резкое сокращение численности старообрядцев (на 1094 человек и 1060 человек) по сравнению с 1819 г., составляя, соответственно, 1550 и 1584 человек. Но уже в 1868 г. официальная статистика фиксирует в Боровском уезде 2914 старообрядцев, а через год их количество возрастает на 349 человек (3263 человек). В 1897 г. численность старообрядцев уже составляет 4650 человек, а через пять лет количество старообрядцев резко возрастает почти в два раза и составляет 8446 человек.

Медленный рост количества старообрядцев в первой половине XIX в. вызван репрессивной политикой Николая I к старообрядцам, которые скрывали от официальных властей своё вероисповедание. Во второй половине XIX в. происходит количественный рост боровских старообрядцев. Интересно отметить, что на протяжении всего XIX в. количество старообрядцев, проживающих в городе, увеличивается с 639 человек (1819 г.) до 7225 человек (1903 г.), а численность старообрядцев, проживающих в уезде, наоборот, изменяется волнообразно: 1819 г. — 2005, 1857 г. — 1372, 1869 г. — 1655, 1897 г. — 940, 1903 г. — 1221 человек. Такие колебания можно объяснить тем, что в Боровском уезде часть сельского населения уходила на отхожие промыслы или на заработки в Москву, а поэтому было трудно произвести точный официальный подсчёт старообрядцев по духовному и гражданскому ведомству.

Начиная со второй половины XIX в. численность населения в Боровском уезде сократилось на 11322 человек (17,5%), в то время как численность старообрядцев увеличилась на 2284 человека (96,5%) (Таблица 2). Если в 1857 г. в Боровском уезде проживало 3,66% старообрядцев от всего населения (64613 человек), то в 1897 г. их было уже 8,7%. Причём показатель сельского населения медленно идёт на уменьшение с 2,47% (1857 г.) до 2,1% (1897 г.), а численность старообрядческого населения в Боровске возрастает с 10,97% (1857 г.) до 44,1% (1897 г.).

Конечно, рост числа старообрядцев в Боровске не мог не вызывать отрицательную реакцию как синодальной церкви, так и государственных чиновников. На это счёт сохранилось много высказываний, как первых, так и вторых. Но на этом мы останавливаться не будем. Несмотря на все их усилия, старообрядчество в Боровске крепло и набирало силу, что привело к его расцвету в первые два десятилетия XX в.

На протяжении XIX в. на территории Боровска и уезда проживало от 10 до 17% старообрядцев от общего количества старообрядческого населения Калужской губернии. Если соотношение старообрядцев, проживающих в сельской местности, уменьшалось с 15,6% в 1819 г. до 2,6% в 1897 г., то соотношение городского населения было практически стабильно — около 40% — и только к концу столетия увеличилось до 57,9%. [Анализ произведёт на основании таблицы №2 и таблицы №3. См.: 17, с.36, 37].

Самым страшным временем для боровских старообрядцев была николаевская эпоха, когда государство путём репрессий стремилось полностью искоренить старообрядчество (таблица 3) [3, с.472, 473, 605-607].

Согласно сведениям, собранным офицерами генерального штаба, в Калужской губернии в 1857 г. насчитывалось 19358 последователей старообрядческих толков [18, с.3]. Кроме административных мер, применяемых к старообрядцам, как видно из отчёта калужского губернатора в 1857 г. употреблялись те же меры, что и в предыдущие годы, а именно:

1) священникам предписывалось следить в своих приходах за точным исправлением населением всех треб 2) «заблуждающихся» вразумляли через собеседования с ними в «духе кротости евангельской». Для этого некоторые раскольники «были поручаемы местным благочинным, а другие были отсылаемы в духовные правления и консисторию, для предписанных законом форменных увещаний; сверх того, были посылаемы по местам особые миссионеры» [18, с.7].

Государство сверху спускало указания о пресечении роста численности старообрядцев. Однако эти распоряжения редко выполнялись: уездное начальство, приходские священники и монастырские власти должны были считаться с населением, их окружавшим. В секретном письме от 19 мая 1856 г. епископ Калужский и Боровский Геннадий к калужскому губернатору пишет о том, что по время Страстной недели и Светлой седмицы боровские старообрядцы составляли многолюдные «сборища» для отправления церковных служб в домах

Таблица 2. Таблица 2. Численность старообрядцев Боровского уезда в XIX – начале XX вв.

Год	Боровский уезд (чел.)			Источник
	Город	Уезд	Итого	
1819	639	2005	2644	Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.32. Оп.19. Д.1204. Л.1, 12–17. 28–47, 225
1820	702	2044	2746	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1216. Л.2. Л.17–27, 64–80, 129, 192, 217.
1821	763	2044	2807	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1217. Л.43, 143–173
1823	777	2972	3749	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1307. Л.238–239.
1826	1009	1327	2336	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1442. Л.120–129.
1833	1238	1560	2798	ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1662. Л.53, 95–96.
1857	994	1372	2366	Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Калужская губерния. Ч.1. Спб., 1864. С.267–270, 278–281.
1861	933	617	1550	ГАКО. Ф.32. Оп.13. Д.896.
1862	925	659	1584	ГАКО. Ф.32. Оп.1. Д.313. Л.700; Д.248. Л.121–122.
1868	1535	1379	2914	Калужские епархиальные ведомости. 1968. № Ведомость 23; ПК на 1869 г. Калуга, 1869. Отд.2 «Б».
1869	1608	1655	3263	ПК на 1870 г. Вып.2.С.17–23.
1897	3710	940	4650	Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Тетр. 1. Спб., 1901; Тетр.2. Спб., 1903.
1903	7225	1221	8446	ГАКО. Ф.32. Оп.4. Д.959. Л.47.

Л.В. Богомолова, С.Г. Воронкова, Х. Головтеева, А. Макеева, И.М. Шапошникова (Щербакова). Церковные службы старообрядцев охранялись местными властями: 15 апреля кварталным надзирателем Докуниным, а 16 апреля полицейским унтер-офицером Тупицыным [4, Л.1–10б.].

Ежегодно Калужскому губернатору подавались сведения, собранные из городских магистратов уездных судов губернии. Целые тома составляли так называемые дела о «преступлениях» старообрядцев против православной веры, которые включали в себя исполнения духовных треб и таинств старообрядческими священниками по старообрядческим канонам (крещение, брак, погребение), переход из официального православия в старообрядчество, за пропаганду старообрядческих взглядов и «совращение» в старообрядчество, содержание моленных и т.д.

Боровским магистратом в 1859 г. зафиксированы дела о «преступлениях» старообрядцев против православной веры: о

несогласии В.А. Баранова и Е. Бритаревой освятить свой брак в православной церкви; о «совращении» Н. Куркиным своих детей в старообрядчество и о похоронах своих детей по старому обряду мещанином Е.П. Титовым и крестьянином д. Федорино Т. Яковлевым [7, Л.30, 57–67]. Аналогичные дела повторялись из года в год, заставляя старообрядцев более критически относиться к государственному и церковному законодательству и их исполнителям.

Крещение. Легче всего было завести судебное дело на старообрядцев используя их нежелание крестить своих детей в синодальной церкви. Так, в 1858–1859 гг. были судимы за крещение своих детей боровские крестьяне д. Федорино Терентий Яковлев и Андрей Андреев; мещанин Григорий Федотов с женою, Герасим Матеевич Нечаев за крещение своих родившихся младенцев [6, Л.39, 40об., 41об.]. 20 ноября 1857 г. было вынесено более серьезное судебное постановление боровскому мещанину Григорию Федотовичу

Таблица 2. Соотношение численности населения Боровского уезда и старообрядцев в XIX—начале XX вв.

Год	Население Боровского уезда (чел.)			Старообрядцы Боровского уезда (чел.)			Отношение старообрядческого населения ко всему населению (%)			Источник
	Город	Уезд	Итого	Город	Уезд	Итого	Город	Уезд	Итого	
1857	9058	55555	64613	994	1372	2366	10,97	2,47	3,66	Попроцкий М. Ч.1. С.267–270, 278–281.
1868	8956	55831	64787	1535	1379	2914	17,1	2,5	4,5	КЕВ. 1968. № Ведомость 23; ПК на 1869 г. Калуга, 1869. Отд.2 «Б».
1869	9489	54815	64304	1608	1655	3263	16,9	3,0	5,1	ПК на 1870 г. Вып.2.С.8–15, 17–23.
1897	8414	44877	53291	3710	940	4650	44,1	2,1	8,7	Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Тетр. 1. Спб., 1901; Тетр.2. Спб., 1903.

Таблица 3. Расправа над старообрядцами в России за 1842–1952 гг.

	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852
Под судом	878	1989	3489	4505	4979	2906	5775	5930	3689	3412	4744
Отдано на военную службу и сослано в Сибирь, Закавказье	110	115	172	228	204	105	211	243	137	99	143
Залучено в тюрьму		302	641	402	647	197	600	691	149	47	2
Оставлено под надзором полиции		155	223	178	291	151	291	607	290	401	361
Отослано на увещание к духовным властям	768	766	1712	2381	2703	1736	3934	3538	2746	2512	3897
Заключено в монастырь					1			3	1		
Освобождено от суда				1316	1133	467	748	714	366	353	341

Шевелеву с женой за крещение своего ребёнка. Осуждённые отсылались на духовное увещание, а за то, что окрестили «новорождённого сына по раскольническому обряду на основании 198 стат. того же уложения, заключить их в тюрьму на один год» [5, Л.10]. Так же старообрядцам запрещалось усыновлять или быть опекунами детей, которые

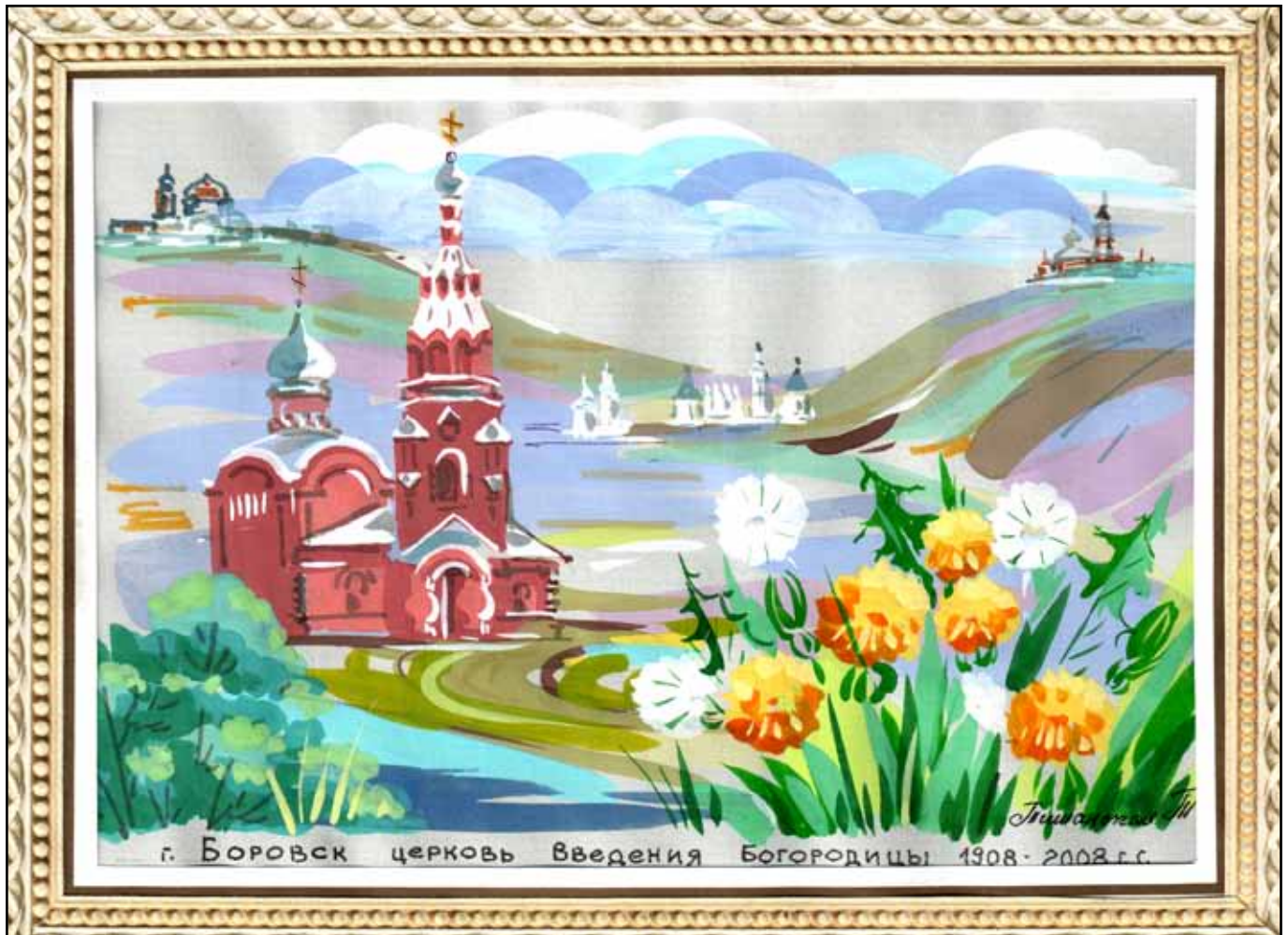
были крещены в синодальной церкви. 15 ноября 1843 г. из Калужского губернского правления был разослан секретный циркуляр №259 «О воспрещении раскольникам принимать к себе в семейство детей православных» [15, Л.26]. В указе основной упор делался на беспоповцев, которые не молятся за царя и не признают браков,

Боровск. Вид на Городище с северной стороны. Фото 1910-х гг.

Боровск. Женская гимназия на Городище.
Слева могила великомучениц боярыни Ф.П. Морозовой и княгини Е.П. Урусовой.
Фото 1910-х гг.

**Боровск. Старообрядческий храм Покрова Пресвятой Богородицы 1-й общины.
Освящен 18 декабря 1908 г.**

Автор Т. Тишанская. 2008 г. Бумага, акварель, 16,5 х 12,0. 2008 г.

но это касалось и старообрядцев приемлющих священство.

К старообрядцам применялись не только увещательные меры. Трагичной оказалась судьба семьи боровского мещанина Ирошникова и его жены Елены осуждённых в 1851 г. к ссылке в Закавказье за то, что они не захотели детей крестить в официальное православие [14].

Трофим Михайлович Ирошников (на 1851 г. ему 37 лет), мещанин, за его упорство суд приговаривает отдать его в солдаты на Кавказ, лишит звания и состояния. Но, если по здоровью не подойдёт, то сослать на поселение в Закавказский край. Жена Елена так же была осуждена за то, что не захотела, чтобы её дети принимали «православие». За это её лишили прав и сослали в Закавказский край на поселение. Перед ссылкой были составлены их словесные портреты. Трофим — рост 2 аршина 5 вершков, волосы на голове, брови, борода русая, усы рыжеватые, нос продолговатый, рот и подбородок умеренные, макушка выстрижена. Елена — 35 лет, рост 2 аршина 4 вершка, волосы на голове и на бровях русые; лицом бела, немного рябовата; нос, рот, подбородок умеренные [14, Л.50б.—8].

Пока решалась судьба семьи дети их Филипп, Афанасий и Пётр были «присланы под стражу в

тюремный замок», где и должны были оставаться до решения дела родителей [14, Л.34].

О пересмотре дел за Ирошниковых просила их родственница 3-й гильдии купчиха Фёкла Ирошникова, но письмом из МВД от 19 сентября 1851 г. калужскому губернатору, ей было отказано [14, Л.49—50]. После прибытия семейства Ирошниковых на поселения родители умирают, дети остаются сиротами. В ноябре 1852 г. Пётр Михайлович Ирошников, брат Трофима, просит калужского губернатора графа Егора Петровича Толстого вернуть из Кавказской ссылки своих племянников. На запрос калужского губернатора о судьбе детей 18 августа 1853 г. был дан ответ Шемахинского военного губернатора:

«Господину Калужскому Гражданскому Губернатору

По положению Комитета гг. Министров, в 1852 году боровский мещанин Трофим Ирошников с женою Еленою Крупениною, как оказавшиеся особенно вредными по упорству в поддержании и распространении своей старообрядческой лужковской ереси, присужден к ссылке Закавказье на поселение. С ними вместе отправлены дети их Филипп, Афанасий и Пётр, которые в том же году прибыли в Шемаху и водворены в селе Астраханке Ленкоранского уезда, где Ирошников и жена его вскоре умерли.

Между тем боровский купеческий сын Пётр Ирошников узнав о положении детей подал прошение Вашему Сиятельству, поясняя, что брат его Трофим Ирошников с женою умерли и дети 1-й 11-ти, 2-й 6-ти и 3-й 4-х лет остались без всякого призрения и как они высланы Закавказье не по положению комитета гг. Министров, а по желанию родителей просит возвратить их в г. Боровск на попечение его как родных племянников. Вследствие сего Калужское губернское правление от 31 декабря 1851 года за №20898 сообщая о вышепрописанном уведомляет, что в положении Комитета гг. Министров о детях не было упомянуто, но на вопрос о совместном отправлении их с родителями г. Управляющий Министерством Внутренних дел предложил г. Начальнику Губернии поступить на основании общих законов; поэтому они и выпущены Закавказье.

Шеманское Губернское Правление приступая к разрешению ходатайства брата покойного Ирошникова предлагало Ленкоранскому уездному начальнику спросить упомянутых детей не пожелают ли они принять православную веру для выпуска их на прежнее место жительства. На это от 20-го мая сего года №320 уездный начальник донес, что старший из них не согласен оставить старообрядческую секту, средний по малолетству не мог быть опрошен, а меньший умер.

Так как оставшиеся в живых сыновья умершего Ирошникова Филипп и Афанасий выпущены Закавказье не по суду, а согласно желания родителей и в здешнем крае близких родственников на попечение которых они могли бы находиться, не имеют, и родной дядя их боровский купеческий сын Петр Ирошников желает взять их для призрения и воспитания, находя с своей стороны, возможным удовлетворить просьбу Ирошникова испрашивал разрешения на это г. Наместника Кавказского. Вследствие сего Его Светлость 30-го июля за №225 разрешил мне дозволить упомянутым Ирошниковым возвратиться в г. Боровск Калужской губернии к означенному дяде их.

Об этом имею честь уведомить Ваше сиятельство, для надлежащего распоряжения. При этом присовокупляю, что вместе с сим я предписал Ленкоранскому уездному начальнику о выпуске сирот Ирошниковых в г. Боровск» [14, Л.29, 54, 70–71].

Из ссылки вместо полной семьи возвратились 2 брата: Филипп и Афанасий; их родители: мать, отец и младший брат были погребены в чужой земле.

Погребение. Большим вопросом для старообрядцев оставался вопрос об отпевании и погребении своих единоверцев. По закону 1771 г. отведением места под старообрядческие кладбища было возложено на обязанность гражданской власти. Законом 7 мая 1812 г. запрещалось при отводе земли под старообрядческие кладбища давать ещё и разрешение на устройство часовен. В Боровске старообрядческое кладбище упоминается в 1800 г., когда на нём был построен боровскими купцами

Г.П. Никишовым и И.Л. Шукиным каменный «голубец» на могиле своих родственников, что вызвало раздражение церковной власти и по требованию архиепископа Феофилакта через губернское правление приказом от 1 августа 1800 г. было дано указание его уничтожить [19, с.36].

На протяжении всего XIX в. старообрядцам чинились препятствия в захоронение своих единоверцев. Так в 1858–1859 гг. был судим боровский мещанин Ефим Петрович Титов за самовольное захоронение своей дочери по старому обряду [4, Л.38об.]. В ноябре 1883 г. священник с. Русиново не разрешал старообрядцу И.В. Александрову похоронить своего внука «на старом кладбище в ограде». Тот похоронил его самостоятельно. Возбуждено в Калужской духовной консистории [10].

28 марта 1900 г. епископ Калужский и Боровский обратился с письмом к Калужскому губернатору о том, что 17 июня 1899 г. в 10 часов вечера сыновьями Н.П. Жданова — Михаилом, Пафнутием, Василием, Петром и Николаем из их дома был вынесен гроб отца и перенесён в дом братьев Кожухиных на ул. Нижняя, где находилась старообрядческая молельная. Переносили с церковным пением, несением впереди иконы и зажженными свечами. Все это происходило при стечении народа до 30 человек. Далее следовала просьба указать полиции, чтобы такое больше не допускалось [11, Л.4–7].

Брак. Переход в старообрядчество (возвращение/«совращение») из синодальной церкви чаще всего зависел от того, что прихожане перед смертью хотели оставаться в вере отцов или считали старую веру за более правильную, или во время брака, когда одна из сторон была не старообрядцами, таких по их желанию перекрещивали.

В 1850 г. чиновнику особых поручений Чебышеву было дано задание разобраться, почему в Боровском уезде много верующих «отложилось» от православия. Им было проведено расследование и составлены списки перешедших в старообрядчество. Согласно спискам за 1848–1850 гг. в старообрядчество перешло 85 человек. Одной из причин перехода многих боровчан в старообрядчество, по мнению Чебышева, была в 1848 г. холера [8, Л.23–70].

Но переходы продолжались и после холеры. В 1858–1859 гг. был судим мещанин Иван Сапунов с семейством за «уклонение в раскол». К нему были приняты меры, и всё семейство было отправлено на духовное увещание [6, Л.42].

Если о переходе в старообрядчество узнавали приходские священники, то они жаловались в Духовную консисторию и требовали расследования. Так, 19 марта 1884 г. священник Пятницкой церкви о. Иоанн Жаров посетил больную прихожанку девицу Анастасию Николаеву. В доме у больной он обнаружил женщин-старообрядок. Дарья Никифорова Девятова сказала, что больная «переправлена в старообрядчество» и её перекрестил

старообрядческий священник И.П. Щедрин. Священник Жаров приводит полицию и с её помощью удаляет из дома женщин-старообрядок [9, Л.1].

Женитьба старообрядца на не старообрядке (или наоборот) тоже был хороший повод для заведения уголовного дела и начала преследования со стороны властей. Так, 8 ноября 1871 г. в моленной боровского мещанина Алексея Ларионовича Томилина старообрядческий священник Максим повенчал купеческого сына Михаила Андреевича Молчанова с дочерью купца Ивана Онисимовича Томилина Ольгою [12, Л.4–7].

По исповедальным спискам Молчанов и Томилины «раскольниками» не числились, значит они проходили в приходе к которому были приписаны официально как «православные», поэтому право венчаться у старообрядческого священника они не имели. Велено было указом Калужской духовной консистории от 14 декабря 1871 г. священнику Благовещенского собора Черткову сделать увещание и о результатах донести. Увещание протоиерея Черткова результатов не дало. От своих взглядов увещаемые не отказались.

16 января 1898 г. в Ждановской моленной священником Иоанном Щедриным был повенчан мещанин Василий Петрович Подшивалов с крестьянкой Варварой Стрельцовой. Полицейский надзиратель 2-й части сообщил об этом в Калужскую духовную консисторию, так как Подшивалов старообрядец, а Стрельцова нет. Венчание было открытым, и многие жители присутствовали на нём [13, Л.2–6]. Отец Варвары Василий Афанасьевич Стрельцов был сторожем в Троицкой церкви. Варваре было 21 год и, следовательно, получается, что её «совратили в раскол». Был составлен протокол. Через несколько дней, 23 января 1889 г., был составлен новый протокол на Варвару, где говорится, что её мать старообрядка, и она с матерью ходила молиться в старообрядческую моленную, поэтому её в «раскол» никто не совращал. «Я считала себя всегда старообрядкою и потому в январе 1898 г. повенчана была в Ждановской моленной со старообрядцем Василием Петровичем Подшиваловым» [13, Л.18]. Постановлением от 31 января 1899 г. дело было прекращено, так как жених и невеста были старообрядцами [13, Л.23].

Более комичный случай произошёл в 1912 г., когда на выездной сессии Калужского окружного суда в г. Боровске без участия присяжных заседателей, слушалось дело настоятеля Покровской старообрядческой общины А.Д. Ковшова. Сущность дела заключалась в следующем. 18-летний купеческий сын Капырин, предки которого издавна принадлежали к старообрядчеству, вступил в брак с 17-летней

девушкой, принадлежащей к господствующей церкви. Они повенчались в с. Красное, Через два после свадьбы молодая чета Капыриных, не желая «числиться за господствующей церковью», обратилась в установленном порядке с просьбой к губернатору о перечислении их в Покровскую старообрядческую общину. Священник о. Афанасий Ковшов присоединил жену Капырина к старообрядчеству. За это против Ковшова возбуждено было преследование за присоединение к старообрядчеству несовершеннолетней. На суде Капырин заявил, что он принадлежал и не переставал принадлежать к старообрядчеству, и только по необходимости повенчался у «православного» священника. Священник также не признал себя виноватым, ссылаясь на указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости. Но окружной суд признал о. Афанасия виновным и приговорил к 5-рублевому штрафу [20, с.1116].

Весь XIX в. боровские старообрядцы, не смотря на административно-религиозное преследования светскими и духовными властями сохраняли свою веру, традиции и обычаи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанов И.П. Об условиях местной жизни в городах. Боровск // Боровск: страницы истории. Вып.1. Боровск, 1999. С.47.
2. Благовещенский В., Пухов В. Боровск. Тула, 1973. С.76.
3. Варадинов Н. История министерства внутренних дел. Кн.8. Дополнительная. История распоряжений по расколу. СПб., 1863.
4. Государственный архив Калужской области (ГАКО). ГАКО. Ф.32. Оп.1. Т.1. Д.6.
5. ГАКО. Ф.32. Оп.1. Д.87.
6. ГАКО. Ф.32. Оп.1. Д.89.
7. ГАКО. Ф.32. Оп.1. Д.103.
8. ГАКО. Ф.32. Оп.5. Д.1125.
9. ГАКО. Ф.32. Оп.13. Д.4379.
10. ГАКО. Ф.32. Оп.13. Д.4380.
11. ГАКО. Ф.32. Оп.10. Т.1. Д.365.
12. ГАКО. Ф.32. Оп.15. Д.42.
13. ГАКО. Ф.56. Оп.2. Д.414.
14. ГАКО. Ф.62. Оп.1. Д.3921.
15. ГАКО. Ф. 124. Оп.3. Д.5.
16. Малинин Д. Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992.
17. Осипов В.И. К вопросу о численности старообрядцев Калужской губернии // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.8. М., 2000.
18. Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Калужская губерния. Ч.2. СПб., 1864.
19. Тихомиров И. Раскол в пределах Калужской епархии. Калуга, 1900.
20. Церковь. 1912. №46.

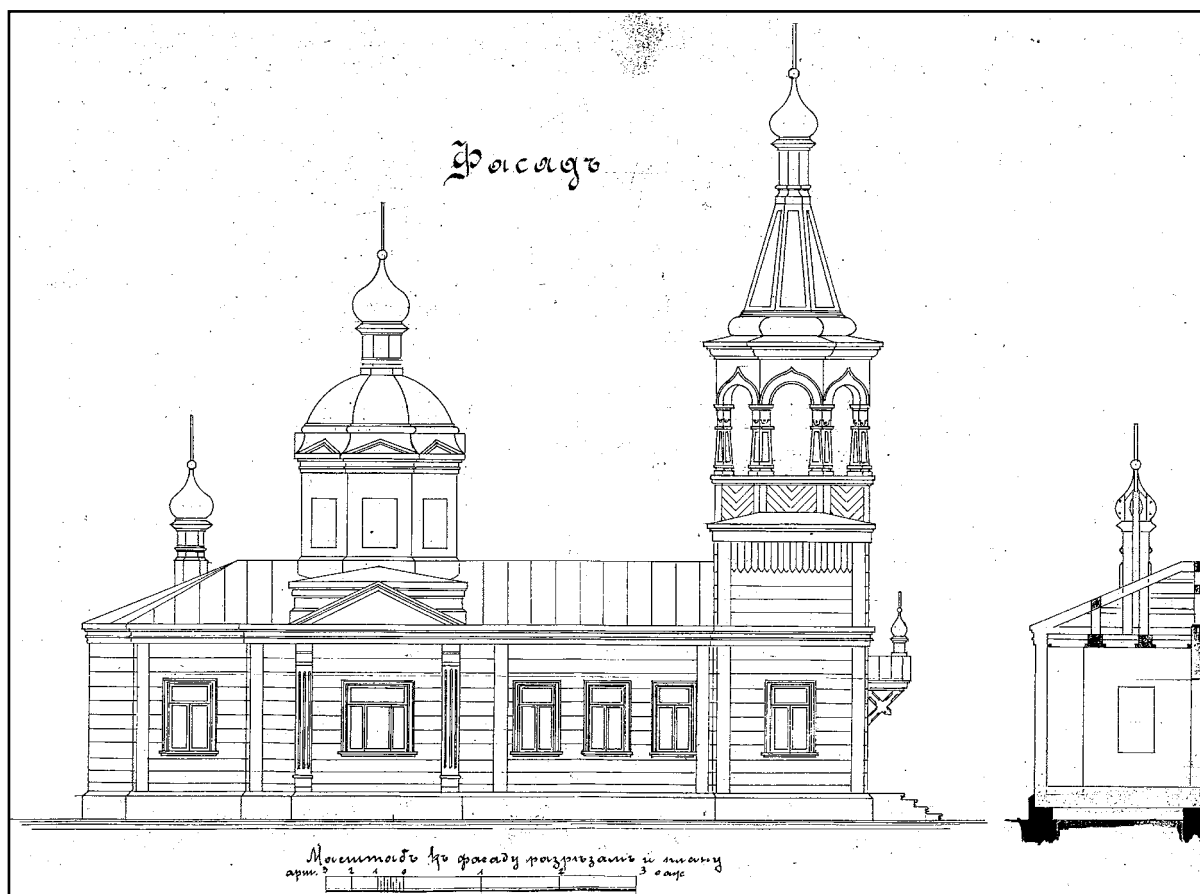
С.С. МИХАЙЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ХРАМА В СЕЛЕ ЛЮБЕРЦЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ

История старообрядчества ближайших окрестностей Москвы до настоящего момента остается почти неизученной. Тем не менее, Московский уезд в прошлом входил в четверку наиболее старообрядческих в своей губернии. Где размещалось здешнее старообрядческое население, мы хорошо видим по изданной в 1871 г. «Карте раскольничьих селений Московской губернии». Основной старообрядческий «угол» находился на юго-востоке этого административного образования, шел по Москве-реке от деревень Нагатино и Кожухово до границ соседнего Бронницкого уезда, плавно переходя в один их старообрядческих «углов» последнего (1). Здесь не было ни одного населенного пункта, где жили бы только старообрядцы, однако последние значительно преобладали в деревнях Новинки и Батюнино, составляли не менее половины всего населения в Нагатине, Коломенском, Дьякове, Сабурове, Борисове и ряде других. В настоящее время практически все эти селения оказались в составе Москвы. Селения же, находившиеся на границе этого уездного «угла»: с. Люберцы, деревни Панки и Токарёво ныне

расположены в Люберецком районе Подмосковья, причем два первые из них в составе районного центра.

В Люберцах и Панках старообрядцы составляли примерно четверть от общего числа жителей указанных селений. Согласно ведомости о «старообрядцах и раскольниках», хранящейся в фонде канцелярии московского гражданского губернатора, составленной в 1829 г., в с. Люберцы проживало 63 старообрядца (32 представителя мужского пола и 31 женского) (2). В аналогичном документе за 1832 г. — уже 91 человек (42 мужского пола и 49 женского). Также здесь показана и численность старообрядцев соседней деревни Панки, тесно связанной с Люберцами — 29 человек (14 мужского пола и 15 женского) (3). Здесь дело не в резком увеличении местного старообрядческого населения, а в том, как и кто добросовестно считал его. В клировых ведомостях церквей Московского уезда за 1843 г. в с. Люберцы показано старообрядцев 9 дворов (43 муж. и 45 жен.), а в Панках — 5 дворов (15 муж. 25 жен.) (4). В 1866 г. согласно донесению благочинного этой части Московского уезда,

Проект деревянного старообрядческого храма в Люберцах. 1913 год.
ЦИАМ. Ф.54. Оп.167. Д.304. Л.3. Не реализован.

священника с. Влахернское-Кузьминки Петра Смирнова, по клировым ведомостям в с. Люберцы значилось «раскольников» 9 дворов, с населением 39 душ мужского пола и 42 женского. Помимо этого, в приходской деревне Панки было еще 3 двора, где проживало 16 душ мужского пола и 18 женского (5). В книге И.Д. Благовещенского, в которой содержатся сведения о церквях Московской епархии, изданной в 1874 г., в с. Люберцы показано 12 дворов старообрядцев (88 мужчин и 82 женщины) (6).

С XIX в. в Люберцах известна старообрядческая общественная моленная, которая со временем стала центром небольшого белокрыницкого прихода. Исстари она посвящалась Преображению Господню. Такое же посвящение имел местный люберецкий храм господствующего исповедания. То, что и официальная православная церковь, и старообрядческая моленная имели идентичное посвящение, говорит нам о том, что представители обеих вер являлись здесь коренным населением. Старообрядцы как бы пытались оспорить у никониан право преемства от престола древней местной дониконовской церкви. История старообрядческой моленной в Люберцах до начала XX в. — тема отдельного исследования. Пока мы немного коснемся того, что происходило в местном старообрядческом обществе в поздний период его существования.

После объявления вероисповедных свобод в 1906 г., старообрядцы с. Люберцы и д. Панки не сразу пошли на регистрацию официальной общины. Это событие произошло только в 1912 г. 4 мая общество старообрядцев приемлющих священство Белокрыницкой иерархии, числом 52 человека, обратились в Московское губернское правление с просьбой об учреждении в с. Люберцы Выхинской волости Московского уезда, старообрядческой общины с наименованием: «Преображенская старообрядческая община при селе Люберцы», внести ее в реестр и выдать просителям засвидетельствованную копию. Община должна была распространять свою деятельность на само с. Люберцы, с. Красково а также деревни Панки, Кириловку, Токарево, Гремячево Выхинской волости, с. Жилино и д. Пехорка Быковской волости Московского уезда. 12 мая община была зарегистрирована (7). В некоторых других источниках община именуется просто как «Преображенская старообрядческая община», находившаяся в с. Люберцы Выхинской волости (8).

Немного по поводу географии зарегистрированного Люберецкого старообрядческого прихода. Главным образом его прихожане жили в Люберцах и Панках. В Токарево существовала моленная неокружников, и число адептов Рогожского кладбища там было ничтожным. Также немного старообрядцев проживало в других указанных населенных пунктах, да и не все из них признавали зарегистрированную общину.

После официальной регистрации люберецкие старообрядцы подошли к вопросу о сооружении вместо старой моленной нового деревянного храма.

Его планировалось построить на Коломенском шоссе, через речку Люберку от сельского храма официального исповедания. Здесь и возникли сложности. Причт и прихожане православной Преображенской церкви стали писать в Московское губернское правление протесты. Им не нравилось, что церковь старообрядцев будет стоять на одной линии с православной, звон ее колоколов будет мешать православному богослужению и т.п. (9). Казалось бы, после 1906 г., тем более рядом с Москвой, с построением старообрядческого храма не могло возникнуть проблем, но тем не менее до 1917 г. в с. Люберцы старообрядцы не смогли реализовать свои планы по сооружению полноценного храма.

Свои планы по сооружению храма люберецкие старообрядцы смогли осуществить только после 1917 г. Только был реализован не прежний проект деревянной церкви, а построен небольшой каменный храм. Построили его не на предполагаемом месте, через лошину с речкой Люберкой, а на той же стороне, что и православная церковь. Известно, что храм был освящен и начал функционировать в 1924 г. Никаких подробностей касательно даты освящения, кем оно было проведено и т.п. в архивах не обнаружено. Не знаем мы, и когда было начато строительство и кто разработал проект. Известно также, что пока храм строился, официально существовавшая люберецкая старообрядческая община молилась во временном молитвенном доме в поселке Ухтомский, который ныне является частью Люберец.

В Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) мы нашли дело о перерегистрации люберецкого старообрядческого общества в 1925 г. Здесь есть описание имущества, принадлежавшего обществу верующих, в котором было 70 наименований, включая кирпичный храм размерами 19³/₄ на 10 аршин плюс помещение алтаря 8 на 6 аршин. При храме упоминается каменная колокольня, на которой висело 9 колоколов. Под договором с властями на пользование верующими собственным храмом, составленном 15 августа того года, стоит 30 подписей прихожан, в подавляющем большинстве жителей Люберец и Панков и только одного человека из Томилино. В списке же членов старообрядческой общины фигурировало 63 человека, проживавших также в Люберцах, Панках, Ухтомке и «2-й версты Муромской линии». Муромская линия — это запущенная в эксплуатацию в 1912 г. линия Люберцы — Арзамас, более известная ныне как ветка на Куровскую, Шатуру, Черусти. Люберецкий старообрядческий приход окормлял священник Федор Степанович Пышкин, 62 лет от роду, проживавший в поселке Ухтомском (10).

Закрыли Спасо-Преображенский старообрядческий храм в Люберцах в 1931 г. Решение, полученное опросом членов Президиума Мособлисполкома от 19 декабря, гласило следующее: «Принимая во внимание, что старообрядческая церковь в г. Люберцах не функционирует больше года и в течение этого времени от общины верующих заявлений с просьбой об использовании указанной

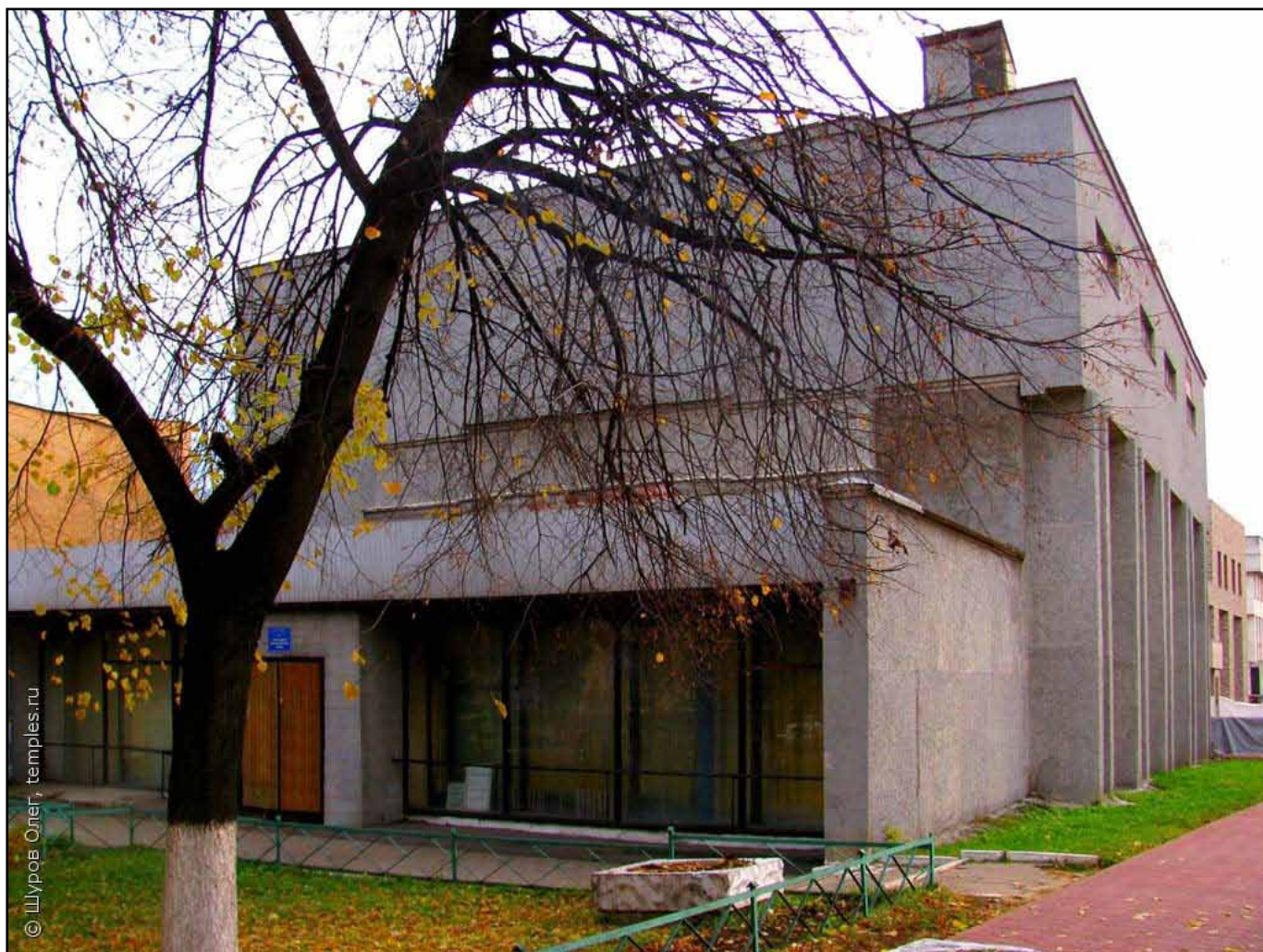
Общий вид церкви. Начало XX в. Рисунок М.П. Измestьева .1977 г.

Церковь до ремонта и реконструкции. Рисунок М.П. Измestьева . 1969 г.

Конец реконструкции церковного здания под музей. Рисунок М.П. Измestьева. 1972 г.

**Здание люберецкого музея, внутри которого сохраняются остатки
каменного старообрядческого храма.
Фото. О. Шуров. 2009 г.**

церкви не поступало, необходимость использовать ее для нужд районной типографии — руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8/IV—1929 г. „О религиозных объединениях“, указанную церковь закрыть, здание передать для просимых целей» (11).

К сожалению, мы не располагаем более подробными сведениями о ситуации в люберецком старообрядческом приходе на тот момент. Храм, если он и вправду перед официальным закрытием не функционировал целый год, мог остаться без священника и активных членов, кто мог бы руководить молением. Мы не смогли найти потомков коренных люберецких старообрядцев, кто смог бы пролить свет на происходившие события, равно как и назвать имена тех, кто составлял общество в последние годы его существования. Не знаем мы, и где молились последние активные старообрядцы после того, как остались без храма. Такие молитвенные собрания могли продолжаться, по аналогии с другими местами, не один год или даже десяток лет.

И еще о закрытом храме. В вышеприведенном документе говорится о закрытии церкви под районную типографию. Мы не знаем, сколько таковая размещалась в ее стенах. Сразу после войны здесь жили люди, которые, как рассказывали еще в середине 1990-х годов старожилы, были из домов, разрушенных во время бомбежек 1941–1942 гг. Уже к концу 1950-х храм стоял заброшенным и постепенно разрушался. Интересно, но в сведениях о недействующих молитвенных зданиях старообрядцев по Московской области, по состоянию на 1 июля 1945 г. хранящихся в фонде уполномоченного Совета по делам религиозных культов по г. Москве и Московской области, в Ухтомском районе, куда тогда входили Люберцы, интересующего нас храма нет (12).

К 1968 г. руины храма стояли в центре города и над ними постепенно нависала угроза сноса. В тоже самое время было решено создать в Люберцах краеведческий музей и был назначен его директор — участник Великой Отечественной войны полковник в отставке Михаил Петрович Измestьев. Районные

власти предложили ему самому выбрать здание для создаваемого очага культуры. Проходя по центру города, он увидел развалины, узнав подробности их истории, решил устроить музей именно здесь. Пообщавшись с некоторыми люберецкими старожилами, помнившими церковь целой, с их слов М.П. Измestьев, бывший при этом неплохим художником, реконструировал ее облик на бумаге. Благодаря новому директору все, что осталось от храма, было сохранено, законсервировано и встроено в новое здание. Есть надежда, что в будущем его можно будет освободить от бетонных достроек и восстановить в прежнем виде.

В настоящее время остатки стен Спасо-Преображенского старообрядческого храма в бывшем с. Люберцы сохраняются встроенными в бетонную коробку люберецкого музея. План небольшой кирпичной церкви хорошо читается на плане первого этажа музея. В 1990-х годах от некоторых жителей Люберец можно было услышать легенду, что музей когда-то был католической церковью. Откуда пошла такая легенда, никто сказать не мог.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карта раскольниковых селений Московской губернии. М., 1871.
2. Центральный Исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф.17. Оп.2. Д.526. Л.56.
3. Там же. Ф.17. Оп.2. Д.2055. Л.15-15об.
4. Там же. Ф.203. Оп.744. Д.1336. Л.470об.
5. Там же. Ф.203. Оп.321. Д.52. Л.1об.
6. Благовещенский И.Д. Краткие сведения о всех церквях Московской епархии. М., 1874. С.84.
7. ЦИАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2077. Л.46об.-48.
8. Список старообрядческих и сектантских общин, находящихся в г. Москве и Московской губернии // Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. М., 1914. С.481.
9. ЦИАМ. Ф.54. Оп.167. Д.304. Л.1-17; Ф.54. Оп.177. Д.3145. Л.1-3.
10. ЦГАМО. Ф.65. Оп.1. Д.195. Л.1-15.
11. ГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.6. Т.4. Л.87.
12. АГМ. Ф.3004. Оп.1. Д.4. Л.11.

А.Б. ОСТРОВСКИЙ

ЛЕСТОВКИ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ (ОБЗОР СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Лестовка в XIX—начале XXI вв. — неперенный атрибут молитвы старообрядца, индивидуальной или коллективной. Обладая общехристианским значением — служить четками при повторении молитв — лестовка значительно отличается своей структурой. Зафиксированная в «Сказании о лестовке» образующая ее композиция чисел выражает новый подход к религиозной коммуникации верующего с Богом и святыми — и по содержанию, и применению в различных молитвенных ситуациях.

Производимая с помощью лестовки религиозная коммуникация происходит не только благодаря психотехническому приему повторения, но и постепенному вхождению в сопереживание конкретного события священной истории — земной жизни Христа. Это возникает по мере достижения того или иного количества молитвенных повторений, совпадающего с числовым маркером этого события (33 повторения молитвы — 33 года земной жизни Спасителя). Основу молитвенного круга лестовки образуют 4 количества ступенек-бобочков (разделенных 3 крупными ступенями), а скрепляют его 4 лапостка, обычно треугольной формы и соединенные попарно, символизирующие 4 евангелистов. Наиболее характерный вариант числовой композиции, подразумевающей содержательную сторону религиозного переживания, изложен в «Сказании о лестовке» (1) и может быть представлен формулой: $3+12+38+33+17+3$. В этой формуле, объемлющей последовательность ступеней-бобочков (кроме 3 ступеней-разделителей), средняя часть, состоящая из суммы четырех количеств, восходит к раннехристианскому числу четок, равному 100. Однако четки, придуманные, согласно преданию, в IV веке св. Пахомием для использования их в монашеской среде, состояли из 10 следующих одно за другим одинаковых количеств, т.е. при движении, физическом и ментальном, по молитвенному кругу воспроизводилась формула 10×10 . Старообрядческая лестовка обладает оригинальной композицией и соответствующей ей религиозной семантикой.

В раннехристианских четках число 10, как можно предположить, восходит к сакральному числу Ветхого Завета — 10 заповедей. Десятикратное повторение этого числа — не столько мнемонический, сколько психотехнический прием, характерный для ментальности многих народов (3 раза по 3, 7 раз по 7, 9 раз по 9, 12 раз по 12 — последний пример встречается и в Ветхом, и Новом Завете). Согласно же «Сказанию о лестовке», все 4 количества, составляющие совокупно 100, восходят к рождению Богочеловека и событиям Его земной жизни: 12 апостолов, число недель несения Младенца Богородицею («38 недель

Христос во чреве пребывает» (2)), годы земной жизни Христа и количество пророчеств о Нем в произведениях Ветхого Завета. Итак, в отличие от раннехристианских четок, ментальный аспект движения по молитвенному кругу сосредотачивает верующего не на ветхозаветном сакральном событии, а на событиях, изложенных в Новом Завете, относящихся непосредственно к Христу и возникновению Апостольской церкви.

Психотехнический аспект, изначально заложенный в христианские четки, также не утрачен, но преобразован. Число 100, представавшее как 10×10 , теперь предстает как $50+50$ ($12+38$, а затем $33+17$ при совершении молитвы по всей лестовке). Отметим, что в числовой композиции лестовки сохранена временная логика земной жизни Христа благодаря соседству 2 констант — 38 и 33. В целом же, при мысленном продвижении от 12 — через 38 и 33 — к 17, в этом числовом коде заложено знание об основателе Апостольской церкви: распятый в 33 года и воскресший Христос — это Бог (17 пророчеств об этом).

Отметим, что если числа 12 и 33 непосредственно почерпнуты из текста Евангелия, то число 38, характеризующее природное событие (ношение в чреве), обладает, однако, конструированным характером. Во-первых, число 38, в сумме с которым образуется общее количество бобочков, равное 100, встречается не во всех дошедших до нас версиях «Сказания о лестовке». Так, в одном из его рукописных списков XIX в., хранящихся в Древлехранилище Пушкинского дома, указано число 38, а в другом — 40 недель (3); в тексте старообрядческого настенного листа того же времени — 39 недель и 2 дня (4).

В уже упомянутой статье о лестовках, помещенной в энциклопедическом словаре «Старообрядчество», названо количество бобочков 38. Однако оно сразу же увязано с числом 40, которое обладает, несомненно, сакральным обоснованием в текстах и Ветхого, и Нового Завета, но на лестовке образуется только путем прибавления к 38 малым ступеням 2 обрамляющих ступеней-разделителей (5). Итак, «укрепление» значимости количества в 38 бобочков путем возведения его к авторитету числа 40 представляется искусственным; кроме того, действительная необходимость выделить число 40 в богослужебных целях — для 40-кратного повторения молитвы — не отменяет допущения о каком-то скрытом смысле числа 38 как такового, поскольку оно все же названо в «Сказании».

Следует отметить, что число 38 — единственное из 4, образующих молитвенный круг из 100 бобочков, которое относится не только к Христу, но и к Богородице. Возможно, роль этого числа не сводится к дополнению до необходимого общего

Илл.1. Лестовка. Нижегородская губ. Начало XX в. РЭМ, колл. № 2441-25.

Илл.2. РЭМ, колл. № 13160-13.

Илл.3 Лестовка. Пермская обл. Начало XXI в. РЭМ, колл. №12198-22.

количества — 100 бобочков, и кроме природной константы времени, к тому же неточной, оно таит в себе еще какое-то свойство, относящееся к Богородице. В некоторых версиях текста «Сказания» наряду с упоминанием количества недель пребывания Младенца в утробе названо для этого же отрезка времени и число месяцев, а именно девять (6). Подразумеваемое числовое тождество этих двух описаний одного и того же отрезка времени указывает, вероятно, на величину, равную одному месяцу. Если девять месяцев равны 38 неделям, тогда величина месяца, исчисляемого в днях, составляет 29,(5)~29,56. Именно эта величина упоминается в русских христианских сочинениях уже в XV—первой половине XVI в. относительно продолжительности лунного месяца: «20 и 9 дней, и в полдня, в полчаса и в пятую часть часа» (7). С Луной же, начиная с древнерусского периода, соотносили Богородицу и Ее иконы (8); в средневековых сказаниях латинских и русских авторов о жизни Богородицы регулярно фигурирует число 15 (9) (потенциально маркирующее полнолуние).

Для выяснения того, в какой мере число 38, необходимое в композиции лестовки для образования общего количества, равного 100, является регулярно присутствующим, рассмотрим крупнейшее собрание лестовок русских старообрядцев, хранящееся в составе различных коллекций по разным регионам страны в Российском этнографическом музее (РЭМ). Всего в собрании имеется 165 лестовок (а также 20 заготовок), изготовленных на протяжении почти полутора столетий; значительная их часть была сделана в конце XIX—начале XX вв.; некоторые — во второй половине XX—начале XXI вв. Многие лестовки были собраны во время экспедиций сотрудников музея, происходивших в первое десятилетие XX в., а затем уже лишь в конце XX (начиная с 1994 г.) — начале XXI в. Кроме того, 40 предметов поступили в середине XX в. из Музея народов (г. Москва) в составе его коллекций, переданных в РЭМ после его расформирования; несколько предметов поступили от частных коллекционеров.

Территория бытования известна у всех лестовок, собранных во время экспедиций; из прочих — лишь у некоторых. Наиболее представительно собрание лестовок из Нижегородской губ.: всего 47 лестовок, из которых 44 были и изготовлены в конце XIX—начале XX вв. и 3 — на рубеже XX—XXI вв. Из прочих территорий выделяются Урал (совокупно Пермская губ. и обл., Свердловская и Оренбургская обл.) — всего 18 предметов, в том числе не позднее начала XX в. — только 2; а также Могилевская губ. — всего 8 предметов, все изготовлены и собраны в конце XIX—начале XX в. Заметно меньшим количеством, но все же представлены и другие территории проживания старообрядцев. Так, по одной либо несколько лестовок из ранних коллекций, собранных в европейской части страны, имеется из Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Владимирской, Костромской, Московской, а также Черниговской губ. и Области Войска Донского; благодаря экспедициям, происходившим в начале

Илл.5. Лестовка.
Нижегородская губ.
Начало XX в.
РЭМ, колл. № 2441-1.

XXI в., поступило несколько предметов из Республики Коми (с территории бывш. Архангельской губ.) и из Новгородской обл. На территории азиатской части страны ранние собрания лестовок имеются из Тобольской, Енисейской губ., Амурской обл.

Почти все лестовки устроены по модели, согласно которой молитвенный круг, ориентированный на стократное произнесение молитвы, разделен на 4 дополняющие друг друга количества, чаще всего с разделителями. У многих имеются по 4 лапостка, причем одна пара их вставлена в другую. У некоторых, изготовленных из кожи, от молитвенного круга в верхнюю пару лапостков входят 7 колечек-передвижек (символ 7 таинств церковных), используемых для счета кругов, пройденных с молитвой; по периметру лапостков помещен текст Иисусовой молитвы.

Небольшая доля лестовок устроена по модели 10 x 10 или 15 x 10 (15 раз по 10 бобочков — «богородичные лестовки»). Так, среди лестовок, бытовавших в начале XX в. на территории Нижегородской губ., только три сделаны по модели 10 x 10. Все эти лестовки — плетенные из кожи, лапостки у них из картона, также обтянуты кожей, на них имеется тисненая надпись. На 2 лестовках каждый лапосток содержит текст Иисусовой молитвы: «ГДИ ІСЕ ХРТЕ СНЕ БЖІИ ПОМИЛВИ МА ГРЕШНАГО» (Илл. 1).

Еще на одной из этих лестовок на ее лапостках — молитва, обращенная к св. Серафиму Саровскому: «ПРЕПО ѠЧЕ СЕРАФІМНЕ МОЛІН БГА О НАСЪ» (РЭМ, колл. №2441-27). Только на одной из этих лестовок между десятками бобочков имеются ступени-разделители (РЭМ, колл. №2441-26). Богородичных лестовок с этой территории в собрании РЭМ нет.

Молитвенный круг почти у всех остальных нижегородских лестовок состоит из четырех количеств (обычно: 12+38+33+17), с тремя разделителями, и он обрамлен бобочками по 3 с каждой стороны. Вместе с тем, у двух из них

отличается от канонического именно число, обозначающее количество недель: не 38, а 37 (у лестовки, изготовленной в начале XX в.) или 40 (изготовлена в начале XXI в.). Неожиданностью оказывается присутствие у одной из лестовок начала XX в. иной модели для числа бобочков: $3+12+1+17+1+17+1+12+3$. Здесь сохранена симметрия, но не благодаря формуле $50+50$, а тому, что повторены в обратном порядке те же два количества, а именно 12 и 17. Из информации, полученной от Н.В. Литвиной, изучавшей в начале XXI в. традиции старообрядчества в Пермском крае (и передавшей в дар РЭМ свое собрание предметов), известно, что лестовка с количествами бобочков 12 и 17 (Илл.2) применяется для поминальных трапез. По-видимому, такое же назначение было и у нижегородской лестовки, изготовленной столетием раньше.

Почти все лестовки, поступившие в РЭМ с территории, относящейся к Пермскому краю, изготовлены в середине XX в. либо в конце XX—начале XXI вв. Среди них встречаются и лестовки старообрядцев-часовенных, некоторые из них сделаны по модели 15×10 , со ступенями-разделителями (Илл.3).

Среди тех, что устроены по модели, состоящей из 4 количеств, наблюдаются отклонения, а именно вместо сочетания чисел (38 и 33) присутствуют такие пары чисел: 41 и 29; 41 и 33; 39 и 33; 40 и 33 (РЭМ, колл. №12198-25, 26, 27; 9892-208). Видно, что во всех этих случаях отклонение от канона затрагивает непременно количество 38, которое замещено на 40 или 41. Поскольку своеобразной чертой пермских лестовок является отсутствие у них в модели, образуемой 4 количествами, ступеней-разделителей, очевидно, что тяготение к числу 40 (вместо 38) обусловлено необходимостью богослужебного характера — иметь под рукой количество 40 для повторения молитвы. Кроме этого фактора, несомненно значимым является то, что каждый «лишний» бобочек требует дополнительного повторения молитвы. По словам наставника поморцев Л.Д. Габова, 1939 г.р., из Верещагинского района Пермской обл., «кто шьет лестовку, тот, бывает, на себя два-три [лишних] зубчика кладет, чтобы за него молились» (10).

Приведем суждения тех, кто в конце XX—начале XXI вв. шьет лестовки для себя, своей общины, полученные автором статьи во время музейных экспедиций. По словам И.И. Носовой, 1927 г.р., из с. Усть-Цильма Республики Коми, нашившей более 2000 лестовок для поморской общины, должно быть столько рубежей: $3+12+39$ (или 40)+ $33+17+3$ (11). Жительница д. Надеино Тарбагатайского района Бурятии, С. Зайцева, 1906 г.р., из беглопоповцев, рассказала о сшитой ею для себя лестовке: «...там 4 лапостка и 111 [а не 109] королечков. 4 лапостка сшиты — это церква <...> 12 королечков — это 12 апостолов» (12). М.И. Ломакина, 1929 г.р., спасовка, жительница с. Мокрый Майдан Сергачского района Нижегородской обл., мать которой шила лестовки, так пояснила: «И мать, и я молюсь по лестовке. Иисову молитву — 12

раз. Богородицыну — 40 раз (вместе с большими выступлениями). А 33 и 17 выступов на лестовке — по ним не молятся» (13). Холщовая лестовка поморки Л.И. Соловьевой, 1920 г.р., жительницы д. Артошичи Верещагинского района Пермской обл., состояла из следующей последовательности бобочков: $3+12+41+17$ (разделителей нет); вот ее объяснение: «3 раза — Аллилуйя, 12 — когда «Начал» кладешь, 17 — когда за здравие, за упокой молишься и когда провожаешь» (14).

Все лестовки, привезенные И.С. Абрамовым в 1907 г. из Могилевской губ., с. Ветка, сделаны в строгом соответствии с версией числовой композиции, изложенной в «Сказании». Отклонения от канонических количеств, т.е. от 38 и 33, встречаются и в других регионах, как среди предметов начала XX в., так и среди тех, что изготовлены столетием позднее. Так, среди более ранних, привезенных из Тобольской губ., встречается пара 40 и 30, из Вологодской губ. — 40 и 33 или 36 и 33, из Костромской — 40 и 30 (15).

Кроме уже рассмотренного фактора своеобразия лестовок, обусловленного типом используемой числовой композиции (структура из четырех количеств либо повторение по 10), важными признаками выступают наличие либо отсутствие ступеней-разделителей, материал и техника изготовления, форма лапостков, присутствие на последних изображений, надписей религиозного характера и декоративных элементов. Во многих регионах были распространены кожаные плетеные лестовки, а треугольные лапостки у них были вырезаны из картона и также обтянуты кожей или хлопчатобумажной, бархатной тканью. На каждом из кожаных лапостков по их периметру нередко была вытиснена Иисова молитва. Молитвенный круг и лапостки делались и целиком матерчатые, и бисерные, нашитые на ткань. В сельской местности Пермской губ. предпочитали лестовки из домотканины, без разделителей, лапостки к ним имели не треугольную форму, а были в виде торчащих «кончиков» (как на Илл. 2).

В Нижегородской и Могилевской губ. в среде старообрядцев-поповцев изготавливались бисерные лестовки с особой формой лапостков — треугольных по общему периметру, но с растроением выступающей наружу стороны, подобно трем округлым лепесткам. Известно, что такие лестовки, называемые подвенечными, предназначались для обряда венчания (Илл.4).

Наиболее крупная лестовка в могилевском собрании, 60 см длиной, принадлежала уставщику, на ее лапостках вышиты имена евангелистов: «А МАРКО // А ІΩАНЬ // А С ЛУКА // А С МАТ-ФЕИ».

В орнаментике лапостков праздничных нижегородских лестовок использовалась техника золотного шитья, помещались не только имена, но также изображения евангелистов (Илл.5).

В заключение вернемся к вопросу о структуре лестовки, определяющей ее своеобразие сравнительно с раннехристианскими четками. Структура лестовки задана ее числовой композицией

и четырьмя лапостками, завершающими молитвенный круг. Поскольку в совокупности чисел, рассматриваемых в различных версиях «Сказания», таится величина лунного месяца, возникновение лестовки произошло не ранее первой половины XVI в. Единообразие композиции, составленной из четырех количеств, наблюдаемое в разных конфессиональных группах старообрядцев, заставляет предположить, что ее замысел возник до раскола Русской церкви, т.е. не позднее первой половины XVII в. Следовательно, лестовка, какой она известна по предметам и описаниям XIX в., возникла в интервале первой половины XVI—середины XVII вв.

Композиция из 4 количеств — в содержательном плане — ориентирована на события земной жизни Христа, Сына Бога и полностью соответствует тексту обращенной к Нему Иисусовой молитвы, а 4 лапостка символизируют созидание Новой Церкви. Композиционный замысел находит свое продолжение в помещении на лапостках именно этой молитвы, имен евангелистов. Разнообразное использование молитвенного круга в богослужебной практике, а также определенное варьирование его числовой характеристики (тяготение 38 бобочков к

40 и др.) предрасполагают — в психотехническом плане — к отождествлению молящегося с Церковью Христовой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лестовка // Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы. М., 1996. С.158-159.
2. Древлехранилище Института русской литературы РАН. Латгальское собрание. Л.67об.
3. Там же. Собрание И.Н. Заволоко. №106.
4. Музей истории религии, колл. №Б-9719-IV.
5. Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы. С.158.
6. См., например: Панихидник. М., 1994. С.255.
7. Филофей. Послание о неблагоприятных днях и часах // Памятники культуры Древней Руси: XV—первая половина XVI в. М., 1984. С.45.
8. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI века). СПб., 2000. С.54-56.
9. Там же. С. 56-59.
10. Архив РЭМ. Д.152. Л.71.
11. Архив РЭМ. Д.132. Л.65об.
12. Архив РЭМ. Д.119. Л.38.
13. Архив РЭМ. Д.127. Л.37об.
14. Архив РЭМ. Д.153. Л.9.
15. Соответственно, РЭМ №1222-113, 114; 2243-10, 11; 236-40.

БИБЛИОГРАФИЯ

Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. -646 с.

В книге представлен взгляд на отечественную историю сквозь призму русского религиозного раскола. Потрясения, произошедшие в России и вызванные церковными реформами середины XVII века, имели большое влияние на развитие страны в последующие два столетия. Многосложные процессы, протекавшие тогда, наложили отпечаток на всю социальную ткань российского общества. Именно в конфессиональном своеобразии кроются истоки ключевых событий нашей истории, связанных с крушением в начале XX века Российской империи и ее никонианским обликом. Автор — доктор исторических наук, профессор РГГУ.

Содержание Предисловие

Глава первая. «Открытие» раскола и российское общество

1. Власть и религия народа
2. Мода на старую веру
3. Конфессиональные революционеры
4. Забытые надежды народничества

Глава вторая. Раскольничий узел отечественной истории

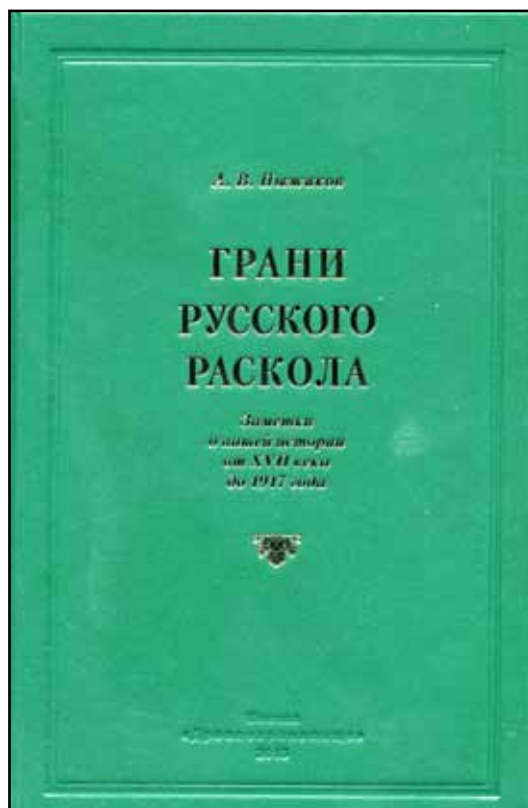
1. Истоки конфессионального своеобразия
2. Староверческая модель капитализма

Глава третья. Траектории пореформенного старообрядчества

1. Силовое переформатирование старообрядчества
2. Обретение политического пространства
3. Взаимоотношения с правительственной бюрократией
4. Капиталистические реалии и народные низы

Глава четвертая. Парадоксы общественного подъема в начале XX века

1. Причины кризиса купеческой буржуазии
2. Правительственный и общественный либерализм
3. Московское обострение

4. Крестьянский контрпроект

Глава пятая. Развязки последнего десятилетия

1. Конкурентная несостоятельность
2. Попытки утверждения парламентской модели
3. На пути к дворцовому перевороту
4. Российские политические элиты и народ

Заключение

А.А. ЧУВЬЮРОВ

**ПАМЯТНИКИ ДЕРЕВЯННОЙ РЕЗНОЙ ПЛАСТИКИ С ГОЛГОФСКИМ КРЕСТОМ
В КУЛЬТУРЕ КОМИ СТАРООБРЯДЦЕВ-БЕСПОПОВЦЕВ ПЕЧОРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ***

Деревянная резная пластика с изображением Голгофского креста в последние десятилетия вызывает значительный интерес среди исследователей (2). Распространение на Русском Севере — среди русских, карел и коми-зырян, памятников данного типа (3) связано со старообрядчеством.

Функциональное назначение и бытование резных досок и четырехконечных крестов с изображением Голгофского креста среди русских старообрядцев в различных регионах имело свои особенности (4). По мнению исследователей, основной функцией деревянной резной пластики данного типа является их мемориальное использование в надгробных памятниках на старообрядческих кладбищах Русского Севера (5). Однако, бытование этих памятников в старообрядческой культуре не сводилось только к мемориальным функциям: резные доски и кресты иногда укрепляли на воротах старообрядческих кладбищ, их располагали над входом в келью, над дверями домов, часовен, калиток, в некоторых местах они являлись частью иконостаса, то есть использовались как моленные образы (6). О многофункциональности предметов с изображением креста на Голгофе свидетельствует и тот факт, что на Русском Севере его вырезали даже на ловдусах — поплавках, служившим указательным знаком семужной ловушки (7).

Среди карел, также как и среди русского старообрядческого населения, использование памятников деревянной резной пластики с Голгофским крестом имело многофункциональный характер. Они вставлялись в надгробных памятниках на старообрядческих кладбищах. В архиве РЭМ имеется несколько фотографий, на которых запечатлены такие резные доски на кладбищах карел. В частности, на фотографии Н. Маковской, сделанной во время экспедиции 1938 г., запечатлено кладбище с резными столбиками-теремцами с двухскатной крышей. На одном из таких столбиков, как видно на фотографии, врезан резной четырехконечный крест с изображением Голгофского креста.

На другой экспедиционной фотографии Н. Маковской запечатлен придорожный крест возле колодца. Рядом столбик с резным четырехконечным крестом с изображением Голгофского креста. В этом случае резной крест используется уже не как мемориальный памятник, а бытует как один из элементов охранительного креста.

История бытования памятников деревянной резной пластики с Голгофским крестом в культуре коми старообрядцев до сих пор остается малоизученной. Историография по данной теме

ограничивается несколькими статьями В.Э. Шарапова, в которых была предпринята попытка картографирования резных досок и крестов среди коми старообрядцев, а также давалась характеристика функционального назначения в среде коми старообрядцев (8).

Нами в рамках изучения традиционной культуры коми старообрядцев на протяжении нескольких полевых сезонов (1993–2002, 2008 г.) проводилось этнографическое изучение этнолокальных групп коми старообрядцев в Печорского Приуралья (9) (в современном административном делении Печорский, Вуктыльский и Троицко-Печорский р-ны РК). Старообрядчество в данном регионе было представлено поморским и странническим согласием.

Собранные нами в ходе полевых исследований материалы позволяют внести некоторые дополнения к имеющимся в научной литературе сведениям по истории бытования памятников деревянной резной пластики с Голгофским крестом в культуре печорских коми старообрядцев.

Всего на настоящее время в музейных и частных владельческих собраниях выявлено четыре памятника с изображением Голгофского креста, которые в прошлом бытовали в среде печорских коми старообрядцев. Один из этих экспонатов — резная доска с изображением Голгофского креста хранится в фондах Российского этнографического музея. Эта резная доска была привезена в 1926 г. сотрудником ЭО РМ Л.Л. Капицей (10). В коллекционной описи собиратель указывает место бытования данного предмета: «Снято с могилы на старообрядческом кладбище в с. Усть-Шугор» (РЭМ, Колл. № 4466–44). Размер доски дл. 33 x 22 см., толщина — 3 см. Изображение на лицевой стороне заключено в профилированную рамку, с высоким плоским бортиком.

Иконографическая композиция резной доски представляет собой крест на свободном поле. В центре композиции рельефное изображение восьмиконечного креста на горе Голгофе в виде полукруглого намогильного холма. Внутри горы в сегменте пещеры глава Адама, развернутая под небольшим углом вправо, по сторонам от нее буквы «Г А» («Глава Адама»). На горе справа и слева от креста под небольшим углом — копьё и трость. Наконечник копья имеет форму граненого треугольника, навершие трости выгравировано в виде четырехконечного креста с выемками внутри лопастей. Вокруг креста в определенной последовательности расположены надписи.

По сторонам малой, верхней горизонтальной планки — «ЦРЬ СЛВЫ» («Царь Славы»), чуть ниже по сторонам большой горизонтальной

Резная доска «Голгофский крест».
НМРК (КП 1794). XIX в. Усть-Вымский р-н.

ФРЭМ (фототека РЭМ). Колл. № 5578-84.
Придорожный крест. Карелы.
Фото Н. Маковской. 1938 г.

ФРЭМ (фототека РЭМ). Колл. № 5578-82.
Кладбище в лесу. Карелы.
Фото Н. Маковской. 1938 г.

планки — «ІС ХС» («Исус Христос»), под нею по обе стороны вертикальной планки криптограмма текста кондака праздника Воздвижения Креста Господня «КТ ПВ ИВ ТС» («Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Воскресение Твое славим»). Между средокрестием и Голгофой, над косой горизонтальной планкой в одну линию «К НИ КА Т» («Копие, Победа, трость»). Примерно посередине между косой горизонтальной планкой и Голгофой «Г Г» («Гора Голгофа»). В нижней части иконографической композиции, слева и справа от орудий страстей, на уровне основания креста надписи «МЛ РБ» («Место Лобное Рай Бысть»). Буквы смещены к профилированной рамке-киоту. На бортиках рамки киота сохранились следы краски.

Еще две резные доски с Голгофским крестом были обнаружены нами во время работы (1995-1997 гг.) в составе этнографической экспедиции Печорского краеведческого музея (11). Одна из этих резных досок была выявлена в личном домовладении в дер. Даниловка (Печорский р-н Республики Коми) в ходе экспедиции 1995 г. Фотография этого памятника была опубликована В.Э. Шараповым в Атласе Республики Коми (12). Иконографическая композиция данной резной доски практически идентично экспонату, привезенному Л.Л. Капицей из д. Дутово. Изображение заключено в профилированную рамку, с высоким плоским бортиком. В центре композиции рельефное изображение восьмиконечного креста в свободном поле на горе Голгофе в виде полукруглого надгробного холма. Внутри горы глава Адама (13). На горе справа и слева от креста под небольшим углом — копье и трость. Наконечник копья имеет форму граненого треугольника, навершие трости выгравировано в виде четырехконечного креста с выемками внутри лопастей. Вокруг креста в определенной последовательности расположены надписи. Над малой, верхней горизонтальной планкой буквы — «ЦРЬ СЛВЫ», чуть ниже — по

Резная доска «Голгофский крест».

Снято с могилы на старообрядческом кладбище. Дер. Аранец (Печорский р-н, Республика

АО Коми, Усть-Куломский у., д. Дутово.

Собиратель — Л.Л. Капица. РЭМ Колл. № 4466-44

Резная доска «Голгофский крест».

Дер. Аранец (Печорский р-н, Республика Коми). Фото А.А. Чувьорова. 2008 г.

ФРЭМ (фототека РЭМ). Колл. 3469-5. Кресты кладбищенские, вырезанные на досках, находятся в гробницах. Олонецкая губ., Повенецкий у., дер. Тагозеро. Великороссы.

Фото Ф.А. Каликина. 1914 г.

обе стороны малой планки надпись — «ІСХС». Под большой горизонтальной планкой по обе стороны от вертикальной планки криптограмма — «КТ ПВ ИВ ТС». Между средокрестием и Голгофой, над косою горизонтальной планкой в одну линию «К НИ КА Т». В нижней части иконографической композиции, слева и справа от орудий страстей, на уровне основания креста надписи «МЛ РБ».

Другая резная доска, также хранящаяся в личном домовладении, была выявлена нами во время экспедиции 1996 г. в д. Аранец (Печорский р-н Республики Коми).

Иконографическая композиции данной резной доски во многих деталях повторяет два вышеописанных памятника. Изображение заключено в профилированную рамку. Боковые грани рамки в верхней части доски, от большой горизонтальной планки и выше, не обозначены. В верхней части доски с тыльной стороны приделана металлическая петелька для закрепления резной доски на стене.

В центре композиции рельефное изображение восьмиконечного креста в свободном поле на горе Голгофе. Гора Голгофа показана в виде прямоугольника. Крест погружен внутрь горы и непосредственно упирается в адамову голову, по сторонам от которой буквы «Г А». От головы Адама к большой горизонтальной планке под небольшим углом поднимаются орудия страстей — копье и трость. Наконечник копья имеет форму треугольника, навершие трости имеет форму круга. Вокруг креста в определенной последовательности расположены надписи.

По сторонам малой, верхней горизонтальной планки надпись — «ЦРЬ СЛЫ». Очертания букв передано угловато, нет четкой прорисовки их контуров. Чуть ниже по сторонам большой горизонтальной планки — «ІС ХС», под нею также по обе стороны надпись — СНЪ Б[ЖІЙ]. Последние три буквы полустерты. Между средокрестием и Голгофой буквы в одну линию — «К НИ КА Т». В нижней части иконографической композиции чуть выше стилизованной верхней части Голгофы, слева и справа от вертикальной планки, «МЛ РБ». Внутри горы Голгофа, чуть выше головы Адама и надписи «Г А» текст кондака праздника Воздвижения Креста Господня, в четыре строки по обе стороны от нижней косою вертикальной планки: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко и Воскресение твое святое славим». Последнее слово «славим» написано ниже основного текста — пятой строкой. Очертания букв молитвы переданы угловато, нет четкой прорисовки их контуров. Доска покрыта краской красного цвета.

Еще одна резная, из ныне несуществующей дер. Сарьюдин на реке Илыч (Троицко-Печорский район), известна по единственной публикации Г.Я. Уляшовой (14). К сожалению, опубликованная в данной работе фотография этого памятника не очень отчетлива, что затрудняет проработку иконографического описания этой резной доски. В отличие от вышеописанных резных досок данный памятник, судя по фотографии, явно сделан

местным мастером, на что указывает упрощенное, грубоватое изображение рельефной композиции. Иконографическая композиция резной доски из дер. Сарьюдин, как и в трех вышеописанных, представляет собой крест на свободном поле. В центре композиции рельефное изображение восьмиконечного креста на стилизованном изображении головы Адама в форме круга, по сторонам от которой буквы «Г А». От головы Адама к большой горизонтальной планке параллельно к вертикальной планке поднимаются орудия страстей — копье и трость. Наконечник копья имеет форму треугольника, навершие трости имеет форму круга. Вокруг креста в определенной последовательности расположены надписи.

В навершие креста имеются неясные очертания каких-то букв. Возможно, в этом месте в две строки имела надпись «ЦРЬ СЛЫ». Чуть ниже, по сторонам малой, вертикальной горизонтальной планки — «ІС ХС». Под большой вертикальной планкой надпись — СНЪ БЖІЙ. Последние три буквы полустерты. Между средокрестием и Голгофой буквы в одну линию — «НИ КА», чуть ниже «К Т». В нижней части иконографической композиции чуть выше стилизованного изображения головы Адама по обе стороны от вертикальной планки в две строки буквы «М Л», «Р Б».

Известно еще о двух резных досках в районах проживания коми старообрядцев. Одна из них хранится в школьном музее с. Важгорт (Удорский р-н). Фотография этого памятника и некоторые особенности функционирования резных досок с Голгофским крестом среди удорских коми старообрядцев приводится в публикациях В.Э. Ша-рапова (15).

Иконографическая композиция резной доски из Важгортского музея отличается от ныне известных памятников данного типа, бытующих в среде печорских коми старообрядцев. Изображение Голгофского креста помещено в орнаментированную резную полукруглую арку, опирающуюся на витые столбики с фигурными завершениями в форме четырех завитков.

В центре композиции рельефное изображение восьмиконечного креста на горе Голгофе в виде полукруглого намогильного холма, обложенного камнями. Внутри горы голова Адама. От горы, справа и слева от вертикальной планки, под небольшим углом к большой горизонтальной планке поднимаются орудия страстей — копье и трость. Наконечник копья имеет форму граненого треугольника, навершие трости выгравировано в виде четырехконечного креста с выемками внутри лопастей. Вокруг креста в определенной последовательности расположены надписи.

В навершие креста, над малой, верхней горизонтальной планкой, буквы «ЦРЬ СЛЫ», чуть ниже, над большой горизонтальной планки — «ІС ХС», под нею по обе стороны вертикальной планки «КТ ПВ ИВ ТС». Между средокрестием и Голгофой, над косою горизонтальной планкой в одну линию «К НИ КА Т». Под косою горизонтальной

планкой по обе стороны от креста надпись — «Г Г». В нижней части иконографической композиции, слева и справа от орудий страстей, на уровне основания креста надписи «МЛ РБ». Изображение заключено в профилированную рамку. Доска покрыта краской красного цвета. В статье В.Э. Шарапова упоминается еще об одной резной доске, которая бытовала в верхневычегодском селе Керчомья (16), где в прошлом также было распространено старообрядчество («глухая нетовщина» спасского толка) (17)), однако, каких-либо сведений, кроме указания, что это «незаконченная икона», в статье не приводится.

Еще одна резная доска, бытующая среди коми-зырян, в настоящее время хранится в НМРК (КП 1794). Данная резная доска интересна тем, что она поступила из Усть-Вымского р-на, где в прошлом не были отмечены какие-либо группы старообрядцев. Данный факт (отсутствие сведений о старообрядцах в Усть-Вымском р-не) может служить косвенным свидетельством того, что бытование резных крестов не было ограничено кругом старообрядцев.

Резная доска в фонды НМРК поступила в 1920-е гг. Размер доски 12,5х15 см, толщина — 3 см. Нет данных об источнике поступления и каких-либо подробных сведений о ее бытовании. В учетной карточке предмета указано приблизительное время изготовления — XIX в.

Судя по обработке материала, — упрощенное, грубоватое изображение рельефной композиции, доска изготовлена местным кустарем. Резная доска, по всей видимости, висела на стене, в пользу этого говорит металлическая петля в верхней ее части.

Иконографическая композиция этой резной доски представляет собой крест на свободном поле. В центре композиции рельефное изображение восьмиконечного креста на горе Голгофе в виде холма, составленного из четырехконечных валунов неправильной формы, внутрь которой помещено стилизованное изображение головы Адама в форме круга, по сторонам от которой буквы «Г А».

От Голгофского холма под небольшим углом к большой горизонтальной планке поднимаются орудия страстей — копье и трость. Наконечник копья имеет заостренную форму конца, навершие трости имеет форму круга. Вокруг креста в определенной последовательности расположены надписи.

В навершие креста надпись — «ЦРЬСЛВ[Ы]». Последняя буква полустерта. Чуть ниже, по сторонам малой, вертикальной горизонтальной планки — «ИС ХС». Под большой вертикальной планкой надпись — «НИ КА». Между средокрестием и Голгофой буквы в два ряда «М Л», «[Р] Б». Четко видно только очертание буквы «Б», буквы «М Л» полустерты, буква «Р» (Рай бысть) стерта. По бокам орудия страстей в одну линию буквы — «К Т». По обе стороны от головы Адама буквы — «Г А». Изображение заключено в профилированную рамку, которое вырезано грубовато-упрощенно, без четких соблюдения ширины и высоты бортиков рамки.

Бытование среди печорских коми старообрядцев резных досок с изображением Голгофского креста исследователи связывают с деятельностью Великопоженского скита (18). О тесных контактах печорских коми старообрядцев с русскими старообрядцами низовьев Печоры свидетельствуют дореволюционные источники. Именно насельники Великопоженского скита на реке Пижме сыграли важную роль в утверждении староверия среди коми населения Печорского Приуралья. Так, в доношении архиепископа Варсонофия от 18 марта 1747 г. сообщается, что «лет 20 назад (около 1727 г. — А.Ч.) в Мылдинскую (современный пос. Троицко-Печорск. — А.Ч.) для пропаганды раскола с Великопоженского скита приезжали даниловцы Никита Евтихий и некто Иван. Позднее, Ильей Федоровым и Тарасом Яковлевым, также приезжавшими из Великопоженского скита, в «раскол» был обращен один из местных крестьян Ефрем Логинов, который продал свой двор, вместе со своей семьей уехал из Мылдинской и поселился в скитах» (19).

Духовная жизнь печорских коми старообрядцев, как отмечают епархиальные миссионеры, регулировалась приезжавшими из соседней Архангельской губернии (из Усть-Цильмы и Пижмы) старообрядческими законоучителями, в числе которых в миссионерских отчетах конца XIX-начала XX вв. указаны следующие наставники: Ефим Чупров, Тарас и Ефим Тимофеевич Поздеевы из с. Замежное (Пижма), Т. Семенов (20). В миссионерских отчетах упоминается также некий слепой старик из Олонецкой губернии, который ежегодно навещал Печорский край, собирая пожертвования для старообрядческого монастыря (себя и свою монастырскую братию называл потомками страдальцев за веру). Среди местных коми старообрядцев, отмечают епархиальные миссионеры, он пользовался большим авторитетом и уважением (21).

Пижемский наставник Ефим Тимофеевич Поздеев (22) и его брат Тарас незадолго до первой мировой войны переселились на постоянное жительство на Верхнюю Печору, в дер. Вятский Норыс, которая расположена чуть выше дер. Дутово, откуда в 1926 г. Л.Л. Капицей была привезена резная доска со старообрядческого кладбища. После гражданской войны Е.Т. Поздеев переселился в дер. Медвежская (ныне Печорский р-н Республики Коми). Дер. Аранец и Даниловка, в которых нами в ходе экспедиций были выявлены резные доски, находятся в относительной близости от Медвежской — первая в двадцати пяти километрах выше по Печоре, вторая — в тридцати пяти. Таким образом, вполне можно допустить, что бытование этих памятников в этом районе связано с деятельностью Е.Т. Поздеева. Владельцы резных досок из дер. Аранец и Даниловка, ссылаясь на семейное предание, говорят о том, что они были изготовлены вычегодскими мастера-резчиками. О вычегодских мастерах-резчиках, работающих на Печоре, известно по дореволюционным источникам. Так, в начале XX в. в Усть-

Сысольском уезде Вологодской губернии — в сс. Покча и Подчерье было начато строительство православных (новообрядческих) храмов. Так как местные жители отказались принимать участие в строительстве этих храмов, мотивируя свой отказ тем, что участие в строительстве «никонианского» храма является «осквернением и большим грехом», то для проведения работ были приглашены мастера из вычегодских деревень (23). Артели вычегодских мастеров-резчиков продолжали ездить по печорским деревням вплоть до 20-х годов XX в. (24). Важно также отметить, что вычегодские мастера славилась своими росписями прялок, в то время как на Средней Печоре прялки были без росписи. Так что вполне можно допустить, что резные доски из дер. Аранец и Даниловка были изготовлены вычегодскими мастерами по образцу аналогичных пижемских памятников. Известно о местных мастерах на Печоре, которые занимались изготовлением деревянных резных нательных крестов. В частности, одним из таких мастеров был наставник из дер. Лемты (Вуктыльский р-н) Николай Григорьевич Мартюшев (25), но сведений, что он также занимался изготовлением резных досок, нам в ходе экспедиций не встретилось.

Среди коми старообрядцев бытование резных досок и крестов с изображением Голгофского креста, также как и у русских и карел, имело многофункциональный характер. Они использовались в качестве мемориального культового предмета, — их устанавливали в надгробных памятниках (26). В частности, привезенная Капицей в 1926 г. резная доска из дер. Дутово, как мы уже отмечали, была взята со старообрядческого кладбища. Однако, как и в случае с русскими старообрядцами, это было только одной из функций бытования данных памятников в среде коми старообрядцев. Резные доски из дер. Аранец и Даниловка находились в доме, в божнице, и являлись частью иконостаса, использовались, наряду с меднолитыми иконами, в качестве моленных образов. На Верхней Печоре, среди коми старообрядцев бегунского согласия, нам встречались резные кресты с изображением Голгофского креста в домашних божницах. В частности, такие домашние иконостасы меднолитых икон и резных крестов мы видели в домах странников в дер. Скаляп (Троицко-Печорский р-н Республики Коми). К сожалению, в силу специфики работы среди представителей данного согласия, нам не удалось сфотографировать эти домашние божницы.

У удорских коми старообрядцев резные доски с изображением Голгофского креста ставили в домашних божницах лишь в случае утраты писаных или литых образов, мотивируя это тем, что «нельзя, чтобы место Бога было пусто». В среде современных удорских старообрядцев бытует предание о том, что резные «иконы» присылал на Вашку протопоп Аввакум. В связи с этим и резные доски с Голгофским крестом на Удоре называли «аввакумовский». По рассказам удорских староверов, резные доски делали и

местные мастера (приверженцы страннического согласия), которые ездили в Пустозерск учиться различным ремёслам (27).

Среди староверов-промысловиков на р. Илыч (бегунское согласие) такие резные доски с изображением Голгофского креста хранились в лесных избушках. Здесь они выполняли охранительную функцию: по мнению местных староверов «лучшей защитой в лесной избушке от пожара, стихийных бедствий являются не «домашние (темперные. — **А.Ч.**) иконы» или меднолитые образки, а резные деревянные иконы (резные доски с Голгофским крестом)» (28). Традиция ставить в качестве оберега в охотничьей избушке резную деревянную икону с изображением креста была известна в прошлом у удорских и вычегодских коми. Резные доски с Голгофским крестом сохранялись в избах вычегодских охотников-промысловиков вплоть до конца XX в. (29). Г.А. Старцев отмечает, что в среде удорских коми промысловиков, в верховьях рек Вашки и Мезени, лучшей защитой от пожара, молнии и других стихийных бедствий в лесной охотничьей избушке считалась икона, изготовленная левой рукой (30). Вероятно, речь идет не о темперной иконе, а о резной доске с изображением Голгофского креста.

Приведенный материал показывает, что бытование резных досок и крестов с изображением Голгофского креста в среде коми старообрядцев, также как и у русских и карел, имело многофункциональный характер. Они использовались в качестве мемориального культового предмета, — их устанавливали в надгробных памятниках, а также они выполняли охранительную функцию: коми охотники-промысловики в качестве оберега от пожара, молнии и других стихийных бедствий в охотничьей избушке ставили резные деревянные доски с изображением Голгофского креста. Кроме того, такие резные доски использовались в качестве моленных образов в домашних божницах.

Использование резных досок в качестве моленных образов, как нам представляется, является поздней традицией и в определенной мере связано с угасанием старообрядческой традиции. В частности, подобное явление отмечалось на Выгу, после закрытия Выгорецкого общежитства. Так, на одной из фотографий Ф.А. Каликина (ФРЭМ, Колл. 3469-5), сделанного им в 1914 г. в дер. Тагозеро, видно, что резные доски с упавших столбиков собраны внутри одной из гробниц.

Подобные собрания резных досок и крестов имелись также в часовне на старообрядческом кладбище д. Данилово. Так, в письме от 2. V. 1961 г. к И.Н. Заволоко Калинин, описывая свое обследование старообрядческого кладбища в с. Данилово, пишет, что внутри часовни на полке, напротив входа, «на высоте груди среднего человека» он обнаружил около 15-20 намогильных досок разных форм и размеров. Даниловский «большак» Николай Николаевич Лубаков ему сообщил, что в каждую субботу, летом и зимой, он приходит в эту часовню и «поет заупокойную

литою с кадилом». На одной из таких служб присутствовал и сам Каликин, во время которой Н.Н. Лубаковым был прочитан краткий келейный синодик с именами представившихся настоятелей и старшей братии (31).

Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что бытование резных досок и крестов с изображением Голгофского креста в среде коми старообрядцев Печорского Приуралья связано с деятельностью пижемских (нижнепечорских) наставников в этом регионе. Полагаем, что резные доски, как и медное литье, и старопечатные книги, могли привозиться пижемскими наставниками в коми старообрядческие селения, но наряду с этим, о чем свидетельствуют рассказы информантов, такие памятники изготавливались вычегодскими и местными мастерами. Нижняя Печора (Усть-Цильма, Пижма), наверное, были не единственными центрами поступления таких памятников. Верхнепечорские коми старообрядцы страннического согласия, среди которых в ходе экспедиций нами также выявлено бытование резных крестов, поддерживали контакты не с усть-цилемскими и пижемскими старообрядцами, а со старообрядческими центрами странников Чердынского уезда Пермской губернии. Верхневыхегодские коми старообрядцы, среди которых также известно о бытовании резных досок, также поддерживали контакты со староверческими центрами Пермской губернии — из Соликамского и Чердынского уездов. Безусловно, требуются дополнительные архивные и полевые изыскания, чтобы осветить все возникшие в ходе исследования вопросы.

Сокращения

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом).

НМРК — Национальный музей Республики Коми.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

РЭМ — Российский этнографический Музей

ФРЭМ — фототека Российского этнографического музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

*1. Автор выражает сердечную признательность за консультативную помощь в написании статьи зам. директора по научной работе НМРК С.В. Бандуре и ведущему научному сотруднику отдела этнографии КНЦ УРО РАН В.Э. Шарапову.

2. Жижина С.Г., Попова З.П. Резьба и роспись по дереву // Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. Каталог выставки. М., 1994, С.75-86; Лучшева З.А., Ченская Г.А. Голгофский крест в памятниках мелкой пластики из дерева. Каталог. СПб., 2009; Миядзаки И. Резные иконы из Выговской старообрядческой пустыни: сравнительный анализ // Женщина в старообрядчестве. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск, 2006, С.202-208; Пивоварова Н.В. О коллекции старообрядческих резных «намогильных досок» из фонда Отдела древнерусского искусства Русского музея //

Страницы истории отечественного искусства XVI-XX века. Вып.12. СПб., 2005, С.21-31; Пивоварова Н.В. Старообрядческие резные иконы «Голгофский крест» из фондов Государственного Русского музея // Проблемы изучения, сохранения и использования наследия христианской деревянной скульптуры. Материалы межрегионального симпозиума. Пермь, 2007, С.125-134; Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: Каталог выставки. М., 1995. С. 175-184; Уханова И.Н. Резные деревянные иконы Русского Севера // Народное искусство: Исследования и материалы. СПб., 1995, С. 54-66; Капуста Л.И. Культовая деревянная пластика в собрании КГКМ // Вестник Карельского краеведческого музея: сборник научных трудов. Вып.5. Петрозаводск, 2006, С.119-131.

3. В научной литературе пока что не сложилось устоявшего термина в отношении памятников данного круга. Наиболее аргументированным нам представляется точка зрения авторов каталога памятников деревянной пластики из собрания ГМИР, которые предлагают памятники данного круга называть «резная доска «Голгофский крест»» — см. Лучшева З.А., Ченская Г.А. Голгофский крест. С.7-8.

4. Лучшева З.А., Ченская Г.А. Голгофский крест. С.7-8.

5. Там же. С.7.

6. Лучшева З.А., Ченская Г.А. Голгофский крест в памятниках мелкой пластики из дерева. Каталог. СПб., 2009, С.7, 69, 75; Островский А.Б., Чувьуров А.А. Памятники старообрядческой культуры, собранные Ф.А. Каликиным, в фондах РЭМ // Рябининские чтения. Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007.

7. Лучшева З.А., Ченская Г.А. Голгофский крест С.7.

8. Шарапов В.Э. Намогильные резные иконы и деревянные кресты у коми старообрядцев-беспоповцев // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.9. М., 2002, С.25-29; Шарапов В.Э. Резные иконы // Атлас Республики Коми. М., 2001, С.207.

9. Бассейн реки верхней и средней Печоры, прилегающий к Северному и Приполярному Уралу.

10. Об экспедиции Л.Л. Капицы в Усть-Сысольский у. Коми Автономной области в 1926 г. см. статью Н.И. Ивановской и А.А. Чувьурова — Ивановская Н.И., Чувьуров А.А. // Этнографическая экспедиция Л.Л. Капицы в Коми Автономную область (1926 г.) / Арт. 2017. №3. С.123-134.

11. Этнографические исследования 1995-1997 гг. финансировались отделом культуры Печорского горисполкома. Состав экспедиции 1995 г. — Т.Г. Афанасьева (рук. экспедиции), В.Э. Шарапов — науч. сотрудник отдела этнографии КНЦ УРО РАН, А.А. Чувьуров — аспирант н.и.и. МАЭ (Кунсткамера), Б.Б. Иванов — художник-реставратор Печорского краеведческого музея; 1996 г. — Т.Г. Афанасьева (рук. экспедиции), А.А. Чувьуров — аспирант н.и.и. МАЭ (Кунсткамера), Б.Б. Иванов — художник-реставратор Печорского краеведческого музея. Материалы данных этнографических исследований хранятся в научном архиве Печорского краеведческого музея: ф.20, оп.6, д.1. Шарапов В.Э., Чувьуров А.А. Научный отчет этнографической экспедиции Печорского краеведческого музея. Материалы по истории заселения бассейна реки Средняя Печора и традиционной духовной культуре коми старообрядческого населения в данном регионе. Сыктывкар, 1995; фонд 25 (фонд религия и атеизм) — КП 2941/1, КП 2941/2, КП 2984/1, КП 29842, КП 2984/3.

12. Шарапов В.Э. Резные иконы. С.207.

13. По фотографии сложно определить, имеются ли внутри изображения горы Голгофы буквы «Г А» (Глава Адама).
14. Уляшова Г.А. Там, где течет Илыч. Традиционная культура народа коми в бассейне реки Илыч. Пос. Приуральский, 2008. С.16.
15. Шарапов В.Э. Намогильные резные иконы. С.25-27; Шарапов В.Э. Резные иконы. С.207.
16. Шарапов В.Э. Намогильные резные иконы. С.25; Шарапов В.Э. Резные иконы. С.207.
17. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978, С.105.
18. Плаксина Н.Е. Памятники деревянной резной пластики в сакральном пространстве Нижней Печоры // Кенозерские чтения — 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Архангельск, 2015. С.213.
19. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф.796, оп.28, д.79/211, л.46.
20. ВУФ ГАВО (Велико-Устюжский филиал Государственного архив Вологодской области), ф.265, оп.1, д.324, л.19 (об.); ф.265, оп.1 д.272, л.2 (об.); ЦГА РК. Ф.230, оп.1, д.195, л.8 об., л.14об.
21. ВУФ ГАВО, ф.265, оп.1, д.324, л.19об.; ф.265, оп.1 д.272, л.2об.; ЦГА РК. Ф.230, оп.1, д.195, л.8об., л.14об.
22. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. Сыктывкар, 1960. С.22.
23. НАРК, ф.230, оп.1, д.4, Л. 13об.
24. Шарапов В.Э. Намогильные резные иконы. С.25; Шарапов В.Э. Резные иконы. С.207.
25. Шарапов В.Э. Намогильные резные иконы. С.27.
26. Там же. С.25-29.
27. Там же. С.25.
28. Уляшова Г.А. Там, где течет Илыч. С.16.
29. Шарапов В.Э. Намогильные резные иконы. С.25.
30. Старцев Г. Остяки. Социально-этнографический очерк. Л., 1928, С.121 (примечание).
31. ИРЛИ. Колл. И.Н. Заволоко, №226. Письмо Ф.А. Каликина к И.Н. Заволоко (от 2. V/ 1961 г.). Л.5.

А.В. АФАНАСЬЕВ, Ю.И. АФАНАСЬЕВ

МЕДНОЛИТАЯ ПЛАСТИКА УСТЬ-ЦИЛЬМЫ

Всякий, кто попадает в Усть-Цилемский район, удивляется обилию медных, точнее, латунных литых икон в домах устьцилемов. Не во всяком доме есть деревянные иконы, но литые — почти в каждом. Другое дело, что среди литых все больше становится новоделов. Старинные иконы постепенно покидают родные стены. Их увозят дети владельцев, покупают собиратели

В начале 90-х, когда массовый вывоз икон еще не сильно опустошил отеческие божницы, историк и бытописатель Севера, знаток Усть-Цильмы журналист М. Сизов пришел к убеждению, что устьцилемский старообрядческий очаг был центром производства великолепного литья — настолько естественным казалось ему такое предположение. Он писал об этом в своей книге «Земля Стефана Пермского». Гипотеза о местном литье подкреплялась фактом наличия на Цильме старинных медных рудников, которые давно не имели промышленного значения, но все же могли служить источником медного сырья для локальных нужд. Правда, для латунных изделий, какими, если быть точным, являются «меднолитые» иконы, требовался еще и цинк

В ходе наших путешествий по Печоре и ее притокам нас тоже интересовал вопрос: а нет ли среди разнообразия литых изделий в домах устьцилемов таких, которые сделаны на месте? Наши взгляды обращались прежде всего к Великопоженскому скиту. Априори нам представлялось, что этот достойный собрат Выгорецкии должен был бы стремиться иметь наряду со скрипторием и иконописной мастерской также и литейный промысел. С другой стороны, очаги качественного литья в большой степени тяготеют к промышленным центрам, а Усть-Цильма, Великопожня отстоят от промышленных регионов на очень далекое расстояние. Здесь и поблизости, кажется, не лили ни колоколов, ни пушек. Кузнечное дело, в котором есть место и литью, не выходило за рамки простых бытовых потребностей.

В марте 2015 г. мы присоединились к фольклорной экспедиции Сыктывкарского государственного Университета под руководством доцента Т.С. Каневой. Вместе нам удобнее было передвигаться по району. Давнее знакомство сыктывкарских ученых со многими местными жителями — носителями традиций — облегчало нам общение с людьми, в целом совершенно оправданно настороженными в отношении чужаков, интересующихся иконами. Доверие, оказанное нам в ряде мест, простиралось до того, что не склонные к откровенности в наши предыдущие визиты люди в этот раз показывали и разрешали фотографи-

ровать свои небольшие семейные реликвии. Мы, конечно, не фиксировали современное новодельное литье, которого уже немало накопилось на божницах. Мы фотографировали старинные иконки в трех проекциях: с лицевой, оборотной сторон и сбоку, как посоветовал нам знаток и собиратель литья С.А. Афонин. Из опыта Т.С. Каневой мы позаимствовали съемку предметов на линованом в клетку тетрадном листе, что существенно экономило время фиксации памятников и не мешало общению с хозяевами, как мешали бы обмеры и записи. Мы старались узнавать историю каждой вещи, время ее бытования в доме. Наша фотоаппаратура позволяла снимать при слабом освещении и обеспечивала хорошую картинку при увеличении фотографии: детали литья были различимы как под лупой.

Нами было отснято более сотни предметов старинного медного литья в основном у частных владельцев, а также в моленных в районном центре и в деревнях, в Музее Журавского в Усть-Цильме — всего 27 адресов бытования. Десятка два памятников нами было сфотографировано ранее и после данной экспедиции. Все вместе зафиксированные предметы представляют собой срез бытующей в регионе пластики, анализ которого позволяет сделать некоторые выводы. Разобраться в происхождении и датировках произведений нам помогли наши московские знакомые собиратели и знатоки меднолитой пластики, прежде всего С.А. Афонин. Его экспертная оценка взята нами за основу атрибуций.

В ходе экспедиции нами был обнаружен только один предмет выгорецкого происхождения — створка складня со святыми Зосимой и Савватием и Ангелом-Хранителем начала XVIII в. Еще 3 выгорецких иконы экспонированы в Музее Журавского. Основной массив старинного литья, примерно 60-70 процентов от общего числа, представляют собой произведения Москвы, Преображенской мастерской. Они, в свою очередь, в большинстве своем относятся к последней четверти XIX—началу XX вв. Остальные памятники — предположительно поморского, уральского литья, заметно уступающие по качеству литью московскому. Легко узнаваемы несколько предметов гуслицкого литья. Есть несколько очевидных поздних переливок, кустарных копий — как изделий Москвы, так и поморского типа икон из иных мест. Точную локализацию происхождения этих переливок, а также оригиналов определить едва ли возможно. Не исключено, что какие-то из переливок были выполнены на Печоре местными кузнецами. Однако, если таковое литье и было, оно относилось к позднему времени, не ранее второй

1. Божница в доме устьицема. Наряду с «древенными» иконами великопоженского письма — четырехстворчатый складень московского преображенского литья, образ Св. Георгия со створками подмосковной гуслицкой работы, несколько современных литых иконок.

Явленная икона Богоматери Смоленской. Почитаема как чудотворная в деревне Нонбург на реке Цильме.

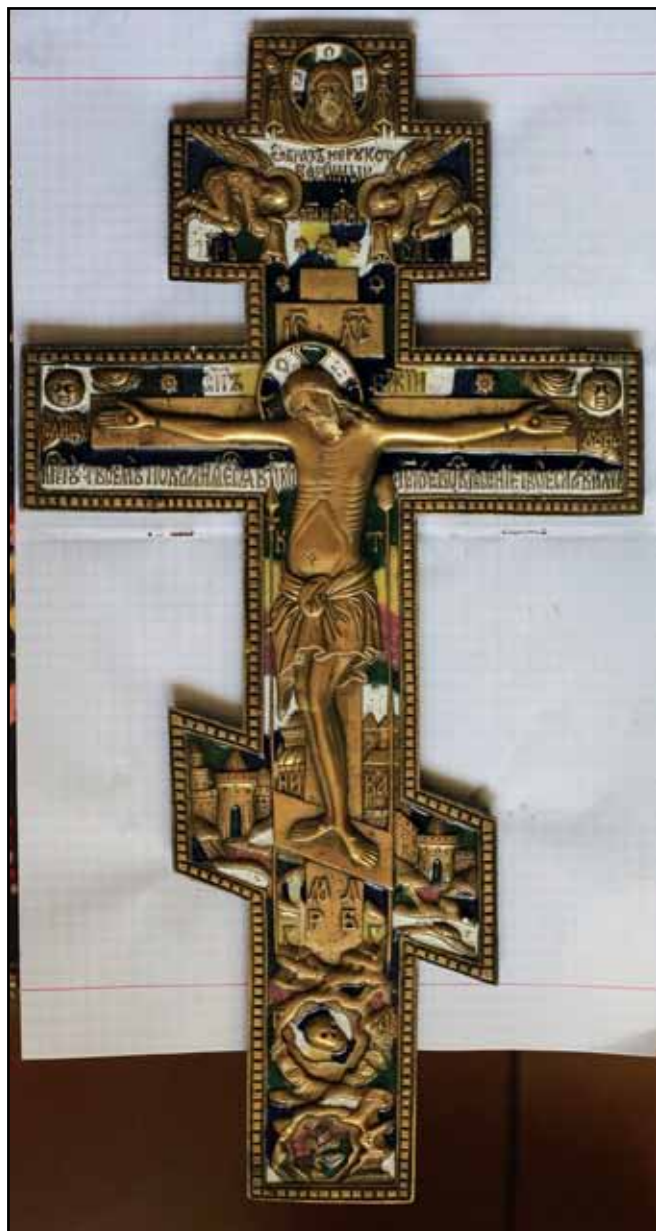
Св. Троица с Деисусом и Апостолами. Москва, конец XIX-начало XX вв.

Распятие поморского типа могло быть отлито в Усть-Цильме в XIX-начале XX вв.

Нательный крестик,
20 x 12 мм, алюминий,
Усть-Цильма,
третья четверть XX в.

Большое (36, 5 см высотой) распятие московской работы конца XIX-начала XX вв.

Нательный крестик, 30 x 15 мм, олово, д. Черногорская, третья четверть XX в.

Подобные крестики отливали в советское время и в других деревнях. Во всех известных нам случаях этим занимались женщины. В Трусово эти крестики называли «своеделки», их отливали в три формы: мужскую, женскую и детскую.

половины XIX в., а скорее — к началу XX в. Нам известны записанные Т. Вокуевой воспоминания устьцилемки о том, что до революции «возили иконы в Москву через Архангельск золотить». Но мы не знаем, были ли эти иконы своего литья, или в Москву возили золотить иконы иного происхождения, используя, например, свое, добытое на месте золото. Технологии ртутного золочения у устьцилемов, очевидно, не было.

М. Сизов ссылается на давние уже воспоминания пожилой устьцилемки о том, что она видела в родительском доме инструменты для литья икон. Наконец, найденная в Коровьем Ручье часть модели для отливки Распятия свидетельствует о наличии иконного литья. Нам в ходе экспедиции удалось найти и сфотографировать две очень простых переливки нательных крестиков — из алюминия и олова. Алюминиевый крестик был отлит в середине XX в. Владелица оловянного крестика в деревне Черногорской рассказала нам, что такие отливки еще в 1970-е годы делала пожилая женщина, чтобы крестить младенцев.

По совокупности имеющихся данных, мы можем прийти к выводу, что в какой-то форме литье икон в регионе имело место. Но оно в любом случае относится, очевидно, к позднему периоду массового распространения здесь привозного литья, имеет фрагментарный характер и не представляет собой столь же интересного художественного явления, как великопожнская иконопись.

При сравнении деревянной иконы и литой иконы на Печоре обращает на себя внимание разная временная динамика их бытования. Среди ранних писаных икон Усть-Цильмы (конец XVIII—начало XIX вв.) безусловно преобладают произведения Великопожни. Литья этого времени встречается крайне мало, выгоревших литых икон почти нет. Это значит, что в период расцвета Великопожни мастерская скита покрывала основные потребности населения в моленных образах, каковыми «древенные» иконы и являлись. Были и литые образа, но, очевидно, не в таком количестве, чтобы сохраниться до наших дней, как сохранились

деревянные.

С угасанием традиционной местной иконописи со второй половины XIX в. усиливается приток в регион не только сторонних деревянных икон и технологий их изготовления, но и литых икон. Литые иконы с этого времени завоевывают все большую популярность у населения. Они словно освящены огнем, стойки к внешним воздействиям, их удобно брать в дорогу и на работы, сюжетный набор миниатюр складней покрывает основные потребности годового молитвенного цикла. Обладание четырехстворчатыми складнями становится на рубеже XIX–XX вв. фактором престижа и источником гордости. Особо ценятся «цветные створы» — золоченые, украшенные эмалями. Створы и по сей день имеются во многих домах. Стойкая приверженность к литым иконам объясняет и наличие все большего числа латунных новоделов на домашних божницах и в моленных устьцилемов.

Разумеется, наши выводы мы должны делать с оглядкой на более чем столетний процесс изъятия древностей из региона. Вывоз в широчайших масштабах начался задолго до революции. Время коллективизации и войны было временем не столько вывоза, сколько массовой гибели памятников на месте, за ненужностью и небрежением. В последние десятилетия из региона исчезло почти все наследие устьцилемов. За исключением довольно значительного количества книг, которые вывезли и сохранили научные экспедиции, это наследие в лучшем случае осело в частных коллекциях, а в худшем — попало в небрежные руки профанов, не имеющих о старинных артефактах никакого понятия...

Тем более актуальной является задача зафиксировать еще остающиеся здесь памятники и продолжить изучение многогранной культуры русского старообрядческого очага на Печоре.

Авторы благодарят Музей Журавского в Усть-Цильме, владельцев икон и коллекционеров за предоставленные материалы.

М.М. КРАСИЛИН

УБРАНСТВО СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ

Внешнее убранство старообрядческих напрестольных евангелий пока не привлекало внимания специалистов. Основной, наиболее вероятно причиной может быть общая неосведомленность в изучении меднолитой пластики. Естественно, те шаги, которые были сделаны за последние годы, пожалуй, можно рассматривать как некоторое приближение к столь волнующей музейщиков теме

Вполне вероятно, что первоочередной интерес сосредоточился на наиболее распространенных предметах, имеющих в своем большинстве самостоятельное значение. Это кресты, складни, многочисленные и разнообразные иконки. На их фоне несколько вариантов меднолитых накладок с Распятием и четырьмя евангелистами представляются в этой культуре явлением стереотипным и побочным, находящимся в прямой зависимости от книги (1). Кроме того, скромные медные пластины XVIII–XIX вв. неизменно заслонялись хрестоматийными окладами Евангелия Успенского собора начала XV в., Евангелия Симона Гордого 1344 г., Евангелия Федора Кошки 1392 г., Мстиславова Евангелия XVI в. и др. А рядом с такими пышными барочными окладами с эмалями, подобными окладу Евангелия 1754 г. из Сергиева Посада и живописно трактованной громадной поверхностью оклада Дмитриевского Евангелия 1811 г. из московской церкви Рождества Христова на Пресне, непритязательные изделия старообрядческих мастеров не выдерживают никакого сравнения (2). И все же эта разновидность меднолитой пластики как некая маргинальная часть старообрядческой культуры имеет право на свою, пусть небольшую, нишу в истории национальной культуры.

Скрупулезное сравнение различных евангельских комплектов выявляет некоторую разницу между ними, свидетельствующую о многообразии приемов различных мастерских, не всегда идущих по пути массового тиражирования. Хотя композиционные элементы всегда оставались неизменными, их художественное воплощение отличалось вполне конкретной вариативностью. Автор имел счастливую возможность наблюдать этот материал в различных действующих старообрядческих общинах. Естественно, что первый опыт обобщения не может претендовать на полноту и окончательность выводов (3).

Поскольку предметом нашего внимания является обиходное убранство старообрядческих евангелий и у нас нет конкретных строго датированных памятников, мы с некоторой долей условности рассматриваем их в рамках XVIII–XIX вв. (4). В большинстве случаев не следует искать

временной взаимосвязи между датой издания книжного блока и временем изготовления убранства книги. Трудности в определении дат также можно объяснить и использованием более ранних форм в позднее время, нередко отредактированных в соответствии с требованиями новой эпохи.

Типовая схема оклада старообрядческого напрестольного евангелия представляет собой доску переплета, обтянутую кожей или плюшевой тканью. В центре – фигурная пластина со сценой Распятия, по углам – накладки с изображениями евангелистов.

Центральная пластина. Средник имеет, как правило, фигурную форму ромба-квадрифолий, с литым прочеканенным Распятием в центре. Она восходит к древним образцам: применительно к книжному оформлению наиболее ярким примером может быть серебряный средник московской работы на Евангелии начала XV в. из Троице-Сергиевой лавры (РГБ, фонд 304). Эту форму старообрядческие мастера сохранили в своей практике и в интересующее нас время. При этом в различных экземплярах можно заметить постоянное стремление к усовершенствованию выразительности иконографической схемы. В результате, по нашему мнению, в XIX в. был создан наиболее отработанный в деталях средник.

Пример 1. Волютообразные линии с крупными квадратами между витыми жгутами образуют фигурный ромб, в который вписано Распятие. Все его элементы почти дословно повторяют кресты-

распятия с предстоящими. Распятому Христу предостоят две Марии с одной стороны и Иоанн Богослов и сотник Лонгин с другой. Так же, как и на крестах, по двум сторонам больших крыльев креста – персонификации солнца и луны. Вверху размещен Убрус и два коленопреклоненных ангела. В центре за крестом на горе, совпадающей с осью креста – образ Иерусалима. Стены его храмов и башенок, выделены объемами, дополнены окошками, воротами. Скалы Голгофы тщательно проработаны волнистыми линиями, точечным орнаментом. Обрамляя пещеру, они выделяют в самом низу череп Адама. Все традиционные надписи на кресте delicatно прорезаны на фоне, не мешая восприятию сцены в целом.

Пример 2. На другом среднике, близком по времени создания (вторая половина XIX в.) и рисунку, мы замечаем ряд существенных изменений. Надписи в этом экземпляре выполнены в рельефе и они крупнее. Таким образом, наряду со смысловым значением им отведена декоративная роль. Они уплотняют сцену, делают ее более насыщенной. Орнаментальная полоса по краю выделяется более крупными квадратами. Вообще роль рельефа здесь имеет, несомненно, ведущее значение. В местах соединения сторон появляется ступенька, использование которой связано с древними (XVI – XVII вв.) формами мелкой пластики. Вертикали креста, трости, копия и копья Лонгина в этой композиции усиливают общую вертикаль всей сцены, ее уже ранее

отмечавшуюся близость к «крестам-распятиям с предстоящими». «Град Иерусалим» здесь распластался по горизонтали, его постройки как бы выходят за пределы пространства, образованного предстоящими фигурами. Скалы на Голгофе стали тоньше и резче, графичнее.

Пример 3. В голгофской сцене отсутствуют Убрус в возглавии и коленопреклоненные ангелы. На их месте изображены солнце и луна. Они подняты

над крестом и обрамлены с внешних сторон клубами облаков. Элементы каймы ромба сделаны изящнее и приближаются по форме к «жемчужнику». В трактовке деталей чеканки заметна близость к более ранним образцам.

Пример 4. Одним из таких прототипов мог быть ансамбль убранства Евангелия, выявленного нами в Латвии в 1980 г. (5). Это один из немногих уникальных памятников старообрядческой культуры, выполненный в серебре в 1795 г. Кроме даты в клеймах, хорошо читаются герб Москвы и до сих пор не расшифрованные монограммы мастера «АТ» и алдермана «АОП» в сердечке. Все композиционные элементы однозначно совпадают с предыдущим памятником. Существенное отличие между ними лишь в том, что в пластине 1795 г. вместо ленты с «жемчужником» — едва заметный бортик и более «живая» пластика чеканки.

Пример 5. Последний типологический экземпляр «Распятия» похож самый древний из перечисленных (начало XVIII в.). По размеру он значительно меньше предыдущих и архаичнее по форме. Он близок двум последним редакциям, но отличается от них тем, что перед Распятием лишь фигуры Марии и Иоанна Богослова. Силуэт персонажей ломаный, дробный. Хрупкость фигурок особенно ощутима на гладком пространстве фона. Во всех элементах осязаема живая и непосредственная связь с предыдущей эпохой.

Предложенные для рассмотрения пять вариантов центральных пластин, конечно, не замыкают собой этот ряд. Сейчас мы можем назвать и шестой, в котором в центре вместо голгофской пластины помещен крест-распятие. Но все же его надо принимать как замену ранее утраченного средника.

Сложившаяся старообрядческая традиция оформления Евангелий в XVIII–XIX вв. включает в себя и четыре угольные накладки с изображениями евангелистов. При их сравнении также выявляется немало интересных различий. При последовательном рассмотрении литых угольников мы сохраним введенную выше единичную нумерацию ассамблей.

Самый древний комплект пластин поражает своей подчеркнутой графичностью. Фигуры евангелистов скорее напоминают знаки-символы, нежели определенные реалии. Иоанн с Прохором словно заключены в двойную рамку бортика и края

пещеры. Эта сцена приблизительно близка иконе XVII века с аналогичным сюжетом из ГТГ. Одна из самых интересных композиций — евангелист Матфей с ангелом. За круглым вогнутым столом восседает апостол. На краю стола небольшая открытая книга. С другой стороны столешницы изображен сидящий ангел со скрещенными руками и широко разведенными крыльями. Своеобразная сцена домашнего собеседования! Другие пластины, сохраняя единство художественного решения, соответствуют более традиционным образцам. Все евангелисты изображены со своими символами.

Комплект, датированный 1795 г., вызывает особый интерес тем, что в угольниках вместо привычных фигур евангелистов изображены их символы. На гладких пластинах прочеканены рельефные изображения ангела, орла, крылатых льва и тельца. Сохранение в практике символической иконографии тем более интересно, что в 1722 г. православная церковь запретила изображения евангелистов в образе животных (6). Эти композиции в отличие от средника обрамлены лентой «жемчужника».

Наиболее распространенными во временном и количественном отношении являются комплекты накладных угольников, которые воспроизводят наиболее характерные иконографические элементы рисованной и печатной книжной графики и

иконописи.

По традиции из четырех композиций выделено изображение Иоанна Богослова с Прохором на Патмосе. Едва ли не все пространство фона заполняет горка с выпуклыми «всплеснутыми» лещадками. Монументальная фигура апостола приподнята вверх и в сложном повороте обращена к благословляющей руке с двухперстным сложением. Композиция близка иконе XVI в. из Новодевичьего монастыря.

Отметим иконографически близких между собой евангелистов Матфея и Марка. Они изображены в привлекающих своей бытовой обжитостью интерьерах. Все окружающие их предметы и особенно развернутые свитки напоминают о более древних образцах. Несмотря на общность иконографической схемы пластина с Лукой занимает обособленное место в этом ряду. Евангелисту присущи элементы индивидуального. Он что-то записывает в кодекс, держа его на весу. Сидя в кресле, Лука опирается ногами на подиум, стоящий на шахматном полу. На столе с одной фигурной ножкой стоят подсвечники, чернильница. За столом — прямоугольный сундук с книгой на его крышке. Сложная архитектурная декорация столь же насыщена. Подобранная штора, висящая на штанге с кольцами отделяет часть внутреннего пространства. За ней — кирпичная

стена с решетчатыми окошками и висящим на ней блюдом. Во внешнем пространстве — угол дома с высокой крышей и длинной каминной (!) трубой. Поодаль — ступенчатый фасад с арочным проемом. Использование перечисленных элементов достаточно необычно, чтобы не видеть определенного «диалога», по терминологии Ю. Лотмана (7), с культурой Северной Европы. Во

всех деталях изображения так много конкретного, что вероятность выявления графического архетипа вполне допустима. Во всяком случае, аналогичное изображение, гравированное с чернением по серебру, имеется на накладном медальоне оклада Евангелия из Новоспасского монастыря 1679 г. (вклад царевны Татьяны Михайловны. Оружейная палата, КН — 130).

В еще большей степени элементы европеизации ощутимы в классическом комплекте (8). При всей консервативности мышления, обусловленными конфессиональными установками, новая европейская культура все же оставила свой след в творчестве старообрядческих мастеров. Их можно встретить в довольно распространенном комплекте угольных накладок, иконография которых, несомненно, была разработана в начале XIX и, может быть, после 1812 г., когда старообрядцам были дарованы послабления в связи с их участием в Отечественной войне (пример № 5). В фигурные рамки угольников с поразительной свободой неизвестный мастер вписал непринужденно сидящих «античных» мыслителей. Фоном (или интерьером?) им служат легкие ампирные колоннады, увенчанные клубами облаков с символами евангелистов. Под их ногами — широкие полосы плиточного «шахматного» пола. Обращает на себя внимание сбалансированная соотношенность пропорций фигур, архитектурных декораций и облачных визионов.

В известных древних окладах евангельских книг нет раз и навсегда установленной схемы изобразительного решения. В средниках встречаются следующие изводы: Деисус,

Сошествие во ад, Эммануил. В старообрядческом литье XVIII–XIX вв., напротив, присутствует строгая каноничность в однажды избранном направлении. Но нас привлекает не жесткость конфессиональных требований, а те небольшие отклонения от предписанной нормы, которые превращают массовые изделия ремесленника в произведения искусства.

Сложившаяся схема оформления напрестольного старообрядческого Евангелия заставляет поставить вопрос о смысле данной традиции. Невольно напрашивается сравнение со значением царских врат. Через них в православном богослужении невидимо проходит Христос в Святых дарах ((9). И изображенные в угольниках евангелисты на крышке старообрядческого Евангелия свидетельствуют об этом. Они обращены к молящимся, подобно царским вратам иконостаса. Возможно, что существует определенная связь со словами Максима Исповедника, почитаемого старообрядцами: «Закрытие врат Святой Церкви Божией после священного чтения Святого Евангелия и удаления оглашенных показывает переходящесть перстных и вступление достойных в духовный мир, то есть в брачный чертог Христов, которое произойдет после того страшного отлучения и еще более Страшного Суда» (10).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Единственный в своем роде сводный корпус медного литья, изданный в Германии, не включает «евангельских пластин»: Jeckel S. Metall-Ikonen. Form-

sand gegossener Glaube. — Bramsche, 1981

2. Загорский музей-заповедник. Путеводитель. Сост. Манушина Т.Н. М., 1990. С.196; Шитова Л.А. Живописные эмали в собрании Загорского музея-заповедника. М., 1988. Кат.267; Красилин М.М. Памятники искусства XVI–начала XX в. в немусейных собраниях. Москва, церковь Иоанна Предтечи. 1989. Вып 12. Кат.51. Илл.44.

3. Автор выражает признательность А.В. Рындиной и С.В. Гнутовой за ряд замечаний по докладу, которые были использованы при подготовке текста к печати.

4. Принцева М.И. К вопросу об изучении старообрядческого медного литья в музейных собраниях // Научно-атеистические исследования в музеях. ГМИРА. Сб. научных трудов. Л., 1986. С.53.

5. Вторично Евангелие обследовалось во время экспедиции по Даугавпилсскому району Латвии летом 1991 г. Осенью того же года во время попытки взлома старообрядческий сгорел. Вполне вероятно, что этот памятник так же погиб в огне пожара.

6. Цит. по: Принцева М.Н. Указ. соч. С.62.

7. Лотман Ю.М. Проблемы византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византизм и Русь. М., 1989. С.228.

8. В данном комплекте, выполненном во второй половине XIX в., несомненно, использована форма первой половины XIX века.

9. Закон Божий. Джорданвилль, 1987. С.616 (репринт М., 1990)

10. Максим Исповедник. Тайноводство. Цит. по журнальной публикации «Московский журнал». 1991. №9. С.58.

Публикация: Русское медное литье. Выпуск2. М., 1993.

М. МЕЙКИН

ОСОБЕННЫЕ ЛЮДИ – КЛЮЕВЕДЫ

ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ АМЕРИКАНСКОГО СЛАВИСТА

Одним из наиболее дорогих мне изданий на полках домашней библиотеки является книга Майкла Мейкина «Николай Клюев: время и текст, место и поэт», изданная в 2010 г. Северо-Западным университетом иллинойского городка Эванстон (1). Любезны моему сердцу и небезосновательно

позиционировавший себя старообрядцем герой книги, изучением вятских связей которого я занимаюсь на протяжении многих лет (2), и автор (3), сделавший на титульном листе объёмистого тома добрую дарственную надпись.

Познакомились мы летом 2000 г., когда американский славист специально приехал на Вятку, чтобы своими глазами увидеть места, восхищавшие знаменитого поэта (4). С этого времени вятские имена и названия стали фигурировать в мейкинских докладах на конференциях (5), а также в статьях, опубликованных в США и России (6). Немало места отведено им и в книге о Н.А. Клюеве (7).

В предисловии к обстоятельному труду, в частности, идёт речь о том, как он создавался, и помогавших автору клюеведах, которых Майкл Мейкин называет «особенными людьми».

По моей просьбе эти страницы любезно переложила с английского на русский старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Кировского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета Ирина Шилева. Майкл Мейкин одобрил перевод, внося в него некоторые коррективы.

Думается, фрагмент предисловия будет интересен тем, кто неравнодушен к жизни и творчеству славного выходца из старообрядческой среды, удачно названного хорошим поэтом Николаем Тряпкиным «Аввакумом двадцатого столетия».

Коментарий и приложение В.К. Семибратов.

Я попытался написать книгу, в которой прежде всего описывается и анализируется поэзия Клюева, культурный феномен поэта как такового.

Мой собственный интерес, российский грант на изучение творчества Клюева, а в последние годы информация из Рунета неоднократно приводили меня (виртуально, конечно) в самые отдалённые уголки России. Но, благодаря Клюеву, я со временем действительно стал оказываться в различных уголках России. Мои поездки, связанные с изучением наследия Клюева, начались в 1994 г., когда я пробыл в России шесть недель, и мне посчастливилось познакомиться с несколькими ведущими исследователями его творчества, каждый из которых был рад уделить мне время и помочь советом: Сергей Субботин из Института мировой литературы, Людмила Киселёва из Киевского университета, Константин Азадовский и покойный Александр Михайлов из Пушкинского дома, Елена Маркова из Петрозаводского научного центра, а также Виталий Шенталинский, который обнаружил (в архивах КГБ) и опубликовал «Песнь о Великой Матери», написанную Клюевым и считавшуюся безвозвратно утерянной. Более того, мне выпала честь быть приглашённым на

ежегодные Клюевские чтения в Вытегре, город, который является центром района, где родился Клюев. Этот факт и мои последующие поездки в Вытегру сформировали моё видение поэта и его места в русской культуре. Также мои постоянные поездки в Москву и Санкт-Петербург, мои визиты в Каргополь (Архангельская область), город Киров (Вятка), Советск (бывшая Кукарка, Кировская область) и Томск оказались особенно полезными, хотя ещё остаётся много других топов в списке мест, которые мне бы ещё хотелось посетить.

Возможно, эта книга не была бы написана без помощи исследователей, которые упомянуты выше. Каждый из них был готов помочь и поддержать, но особо мне бы хотелось поблагодарить Сергея Субботина, который благосклонно уделял мне время и терпеливо выслушивал мои невежественные вопросы. Другие исследователи, кто очень помог мне: Людмила Яцкевич и её команда из Вологодского университета (особенно Сергей Смольников и Светлана Головкина); Владимир Семибратов из Кирова-Вятки; Алексей Казаков из Челябинска; Василий Фирсов из Петрозаводска, Валерий Доманский из Томского университета, Борис Соколовский, директор аудиоархива в Государственном литературном

музее, Москва; Гордон Маквей из Бристольского университета. Лев Пичурин был моим гидом в Томске. Я выражаю особую благодарность Тамаре Макаровой, директору музея в Вытегре, которая неоднократно принимала меня в своём родном городе и, оставив все свои дела, помогала в моих иногда необычных изысканиях. Во многом благодаря тому, чего она, несмотря на трудности, добилась за многие годы, для меня, как и для многих других клюеведов, путешествие в Вытегру было полезным и волнующим, а Вытегра стала моей второй родиной. Клюеведы — особенные люди, и я горжусь тем, что являюсь участником текущего процесса исследования творчества Клюева, находясь среди выдающихся и радушных коллег.

Кроме названных выше, мне предоставили полезные, а порой и бесценные материалы Виктор и Тамара Захаровы, Михаил Айзенберг, Елена Краснощёкова, Евгения Гори и Вадим Беспрозванный.

Неоценимую помощь оказали сотрудники Российской государственной библиотеки и Российского государственного архива литературы и искусства в Москве, и я особенно благодарен директору последнего Татьяне Горяевой за её поддержку в моей работе со сборником стихов Клюева «Львиный хлеб» в 2003 г.

Моё исследование поддерживали Центр русских и восточноевропейских исследований и Отдел славянских языков и литературы Мичиганского университета, а также давший мне краткосрочную стипендию Международный совет по исследованиям и обмену. Профессора моего отделения позволили мне оставить студентов на 10 дней в октябре с тем, чтобы я принял участие в Клюевских чтениях. Профессор Дэвид Поттер, некогда директор программы Alice Lloyd Hall Scholars при Мичиганском университете, предоставил взамен на преподавание щедрое финансирование исследования, его помощь также позволила мне побывать на ежегодных Клюевских чтениях. Конференции и семинары при Мичиганском университете оказались важной площадкой, где я попытался представить мои идеи о Клюеве, а также мне посчастливилось представить некоторые документы о нём на очень значимых конференциях в университетах штата Огайо и города Эксетер, на Клюевских чтениях в Вытегре. Отзывы и поддержка, которые я получил на этих мероприятиях, представляют большую важность для моих попыток найти отгадку творчества Клюева.

Вряд ли мне удастся выразить благодарность всем людям, помогавшим мне в радостном и одновременно тяжёлом труде по исследованию темы и написанию книги. Всем тем хорошим, что есть в моей книге, я прежде всего обязан их поддержке; все недостатки останутся полностью на моей совести.

В бытовом отношении я также не могу не поблагодарить моих тещу и свёкра Олега и Нину Рябковых: они принимали меня у себя дома,

помогали организовать путешествие, уверяли, что поездка в Москву, какой бы короткой ни была, того стоит. Виктория Васильевна Рябкова, мать моего свёкра, также внесла большой вклад, не только стоя у плиты — я благодарю её за уделённое время, усилия и компанию. Золовка и шурин Виктория и Сергей Неводничие также оказали содействие, предоставляя транспорт, квартиру, организуя моё путешествие. Покойная Марина Григорьева и её муж Антон Штоляков много раз принимали меня в Немчиновке, помогая советом и транспортом. Я много раз гостил в Санкт-Петербурге (и в Ленобласти) у Василия Морозова, чья дружба, доброта и практическая помощь сделали моё пребывание в северной столице одним из наиболее приятных среди всех визитов в Россию. Василий всегда готов оставить свою работу, чтобы помочь мне. Свободные часы, что мы проводили вместе в городе и за городом, были самыми приятными моментами моих путешествий. Его готовность сопровождать меня из Санкт-Петербурга в Вытегру позволила мне обрести не только приятного попутчика, о котором можно только мечтать, но и возможность комфортно путешествовать на личном автомобиле Василия. Мои добрые друзья Герман Красильщиков и Светлана Никитина приложили много усилий, чтобы мои поездки в Санкт-Петербург не были скучными. Герман также сопровождал меня в одной из поездок в Вытегру. Владимир и Нина Семибратовы были радушными хозяевами, а Владимир оказался ещё одним приятным компаньоном в нашем путешествии по реке Вятка, где Клюев «зорил» лето. В Вологде меня несколько раз радушно и тепло принимала профессор Яцкевич, её семья и коллеги из областной вологодской библиотеки. В Бристоле профессор Нили Мэгги Корнуэлл открыли для меня двери своего дома на время моего непродолжительного визита, за что я им также благодарен. Фёдор и Татьяна Костицыны были прекрасными хозяевами во время моего полезного пребывания в Коштугах, а наш водитель Валентина Сычёва оказалась терпеливым гидом, готовым всегда помочь (ей благодарен за то, что впервые увидел медведя в дикой природе, став, поистине «послом от медведя»). Вениамин Тампио был неутомимым гидом и добрым другом в течение моих недавних поездок в Вытегру.

Небольшие отрывки из моих комментариев относительно Клюева и его предсказаний впервые появились в моей статье «Николай Клюев — пророк потери» в *Slavic and East European Journal*, том 49, номер 4 (2005). Часть дискуссионных мыслей по поводу личности Клюева нашла отражение в статье «Чей Клюев, кто такой Клюев? Polemika о личности Клюева и его поэзии», впервые опубликованной в *Slavonic and East European Review*, том 85, номер 2 (апрель 2007 г.). Выражаю благодарность редакциям этих журналов за возможность опубликовать отрывки из этой книги.

Я в неоплатном долгу перед человеком, без которого не смог бы ни осуществить это исследование, ни написать эту книгу. Имею

в виду мою жену Алину, которая: постоянно поддерживала меня, верила в проект и его автора, когда некоторые, возможно, и сомневались; была бесценным помощником в ряде моих начинаний; неоднократно выполняла повседневную рутинную работу (преподавание), в то время как я уезжал в Олонию, вычитывала и комментировала мои работы, помогала мне с русским языком и текстами Ключева на русском, редактировала мою работу, опубликованную на русском, и, в конце концов, заботилась о наших троих сыновьях: Гордоне, Ниле и Найдзеле (третий появился, когда я работал над этой книгой), когда их отец оставил их ради Ключева, посвятив себя этой книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Makin M. Nikolai Klyuev: time and text, place and poet. Evanston, Northwestern University Press, 2010. 393 p.
2. См., напр.: Семибратов В.К. Вятский край в жизни и творчестве поэта-старообрядца Н.А. Ключева // Старообрядчество: История, культура, современность: материалы / ред.-сост. В.И. Осипов, Е.И. Соколова. М., 2000. С.317-322.
3. На сайте Британской некоммерческой организации «Евразийская Творческая Гильдия» (Лондон) говорится: «Майкл Мейкин — профессор русской словесности Мичиганского университета. Англичанин в долгосрочной ссылке на американском Среднем Западе, он является автором книг статей о поэтах Марине Цветаевой [Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения / пер. с англ. С. Зенкевича. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. 312 с. — В. С.] и Николае Ключеве. Большинство его переводов делаются ради собственного удовольствия или же для предоставления его студентам доступа к задаваемым на его курсах англоязычным версиям оригиналов на русском языке (он преподаёт обзорные курсы по русской литературе XIX-ого, XX-ого и XXI-ого вв., курс по допетровской восточно-славянской культуре, более специализированные курсы по Достоевскому и Чехову, а также курсы по “Россия сегодня”, по провинциальной теме в русской культуре и по спорту в русском обществе). Когда он не работает славистом, он очень любит поддерживать своих сыновей — крикетистов, рэгбистов и пловцов или разделять страсть его жены Алины к хорошей еде». URL: <http://www.17osabookforum.com/michael-makin/> (дата обращения: 21.06.2018).
4. Об этой поездке см.: Семибратов В. По следам

Николая Ключева // Вести трёхречья. Советск, 2000. 2 сент. (№ 106). С.2.

5. См., напр.: Семибратов В. Говорили в Вытегре о Вятке // Кировская правда. 2000. 9 дек. (№ 181). С.4; Мокина Г. «Когда осыпаются липы в раскосый и рыжий закат» // Красное знамя. Вытегра, 2001. 30 окт. (№127). С.1, 3.
6. См.: Приложение.
7. См., напр.: Makin M.Nikolai Klyuev. P.144-146.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Публикации М. Мейкина о Н.А. Ключеве в российской печати: избранная библиография.

1. Николай Ключев в англоязычном мире // Петряевские чтения 2001: тезисы докладов / КОУНБ им. А.И. Герцена. Киров-на-Вятке, 2001. С.72-80.
2. Видения будущего в русской культуре // Красное знамя. Вытегра, 2001. 26 июня (№ 73). С.3.
3. Британский первооткрыватель Николая Ключева // Красное знамя. Вытегра, 2001. 18 окт. (№ 122). С.3.
4. Русская культура и западная русистика: грани проблем // Сквозь границы: культурологический альманах. Киров: Изд-во ВятГПУ, 2002. Вып.1. С.74-75. Послесловие В.К. Семибратова (с.75-76).
5. Из Сибири в куши рая: последнее стихотворение Николая Ключева // Николай Ключев: образ мира и судьба: сб. статей / ред.-сост. А.Н. Казаркин, В.А. Доманский. Томск: Сибирика, 2005. Вып.2. С.46-62.
6. «Вытегорский» сборник Николая Ключева «Львиный хлеб» // Вытегра: краеведческий альманах. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2005. Вып.3. С.171-184.
7. Николай Ключев и Нил Сорский // XXI век на пути к Ключеву: материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Ключева и проблемы этнопоэтики», посвящённой 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Ключева. 21-25 сентября 2004 г. / сост. и науч. ред. Е.И. Маркова. Петрозаводск, 2006. С.87-96.
8. Парадоксы «Кремля» // Нарымская поэма Н. Ключева «Кремль»: интерпретации и контекст: сб. статей / ред.-сост. В.А. Доманский. Томск: Томский гос. ун-т, 2008. С.147-180.
9. Вятский край в поэтической географии Н.А. Ключева // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов XVI межрегиональной научно-практической конференции 26 февраля 2016 г. Киров: Изд-во ООО «Веси», 2016. С.160-164.
10. Мифы и культурные мотивы петербургского текста Н. Ключева // Николай Ключев и концептосфера русской культуры: научный сб. / сост. В.А. Доманский, Е.В. Самойлова. СПб., 2016. С.33-41.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Музей истории и культуры старообрядчества (г. Боровск) поздравляет Вас с юбилеем. Нас с вами связывает многолетняя дружба. С первых лет существования Музея старообрядчества Вы с нами.

Вы — постоянные участники международных конференций «Старообрядчество: история, культура, современность», которые проводит музей, печатаетесь в сборниках материалов конференции.

Желаем Вам, чтобы вдохновение и успех были верными спутниками во всех Ваших трудах, а здоровье и благополучие — в ежедневной жизни. Пусть каждое мгновение жизни дарит Вам радость, улыбайтесь и неизменно верьте в себя!

Суважением, члены общественного совета музея и редколлегия сборника.

(Материал и фотографии из архива сайта «*Музей истории и культуры старообрядчества*» — [http:// oldbelievers.com](http://oldbelievers.com) за 2014-2018 гг. Данные справки могут служить словником для составления справочника исследователей старообрядчества).

30 ЛЕТ:

2015 г. *Аторин Роман Юрьевич*. 26 мая 1985 г.

35 ЛЕТ:

2018 г. *Осипова Анна Викторовна*. 26 июня 1983 г.

40 ЛЕТ:

2017 г. *Мутина Анна Савельевна*. 12 января 1977 г.

45 ЛЕТ:

2016 г. *Пригарин Александр Анатольевич*. 26 сентября 1971 г.

2018 г. *Лунева Ольга Константиновна*. 24 сентября 1973 г.

50 ЛЕТ:

2018 г. *Ружинская Ирина Николаевна*. 6 января 1968 г.

Дутчак Елена Ерофеевна. 17 марта 1968 г.

Боченков Виктор Вячеславович. 22 июня 1968 г.

55 ЛЕТ:

2015 г. *Ровнова Ольга Геннадьевна*. 23 ноября 1960 г.

2016 г. *Чернов Михаил Алексеевич*. 21 сентября 1961 г.

2018 г. *Керов Валерий Вселодович*. 27 июня 1963 г.

60 ЛЕТ:

2016 г. *Осипов Виктор Иванович*. 27 февраля 1956 г.

2017 г. *Соколова Елена Игоревна*. 6 сентября 1957 г.

70 ЛЕТ:

2017 г. *Перекрестов Ромуальд Игоревич*. 8 марта 1947 г.

Волкова Татьяна Федоровна. 27 февраля 1947 г.

2018 г. *Доулинг Констанс*. 8 июля 1948 г.

Дроздов Михаил Сергеевич. 4 декабря 1948 г.

75 ЛЕТ:

2015 г. *Александров Евгений Васильевич*. 26 мая 1940 г.

80 ЛЕТ:

2017 г. *Бубнов Николай Юрьевич*. 25 мая 1937 г.

Сморгунова Елена Михайловна. 23 апреля 1937 г.

Ершов Виктор Петрович. 12 апреля 1937 г.

СПРАВКА: Аторин Роман Юрьевич, родился 26 мая 1985 г. в с. Саморядово, Большесолдатского района, Курской области в семье учителей.

В 2002 г. Окончил Коровяковскую среднюю школу, Глушковского района, Курской области.

2002—2007 г.г. - студент Белгородского университета потребительской кооперации: специальность - «Товароведение и экспертиза товаров. (Диплом с отличием).

В 2004-2007 гг. обучался в Белгородском государственном университете на Социально-теологическом факультете по специальности «Теология».

С сентября 2007 г. - аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета (специальность 09. 00. 13. «Религиоведение, философская антропология, философия культуры»).

25 декабря 2009 г. на кафедре философии Социально-теологического факультета Белгородского государственного университета защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата философских наук на тему: «Религиозное мировоззрение протопопа Аввакума в контексте экклесиологии старообрядчества».

Отмечен сертификатом участника Всероссийской научной школы «Русская философия: истоки и современность», проходившей 1-6 ноября 2009 г. (г. Белгород).

С 2011 г. - доцент кафедры Истории (основное место работы) и доцент кафедры Философии (по совместительству) Московского Государственного Университета Природо-обустройства.

С 4 апреля 2014 г. - доцент кафедры Философии ФГБОУ ВПО «Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А. Тимирязева».

Круг научных интересов: Русская религиозная философия; Мировоззренческие аспекты эпохи Древней и Средневековой Руси; Философия, история и культура старообрядчества; Русская литература и драматургия.

Автор четырех монографий, а так же ряда статей в области старообрядческой философии и культуры.

Постоянный участник Международной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность» (2005, 2007, 2009, 2011, 2012, 2014 гг.).

СПРАВКА: Александров Евгений Васильевич, родился 26 мая 1940 г. в Москве. В 1963 г. закончил МГУ. Научные интересы в области старообрядчества - видеодокументирование, создание фильмов и формирование видеофонда (2000 часов).

Активно принимает участие в работе конференций «Старообрядчество: история, культура, современность».

Александров Е.В.

Выступление на конференции 12 ноября 2014 г.

СПРАВКА: Боченков Виктор Вячеславович родился 22 июня 1968 г. в г. Калуге. В 2000 г. закончил Литературный институт им. М. Горького. В 2005 г. защитил диссертацию на кандидата филологических наук «Творчество П.И. Мельникова-Печерского и изображение старообрядчества в русской литературе XIX века».

В настоящее время работает заведующим архива Московской старообрядческой православной Митрополии.

Научные интересы в области старообрядчества связаны с историей старообрядчества, краеведение, старообрядческие начетчики, старообрядчество в русской литературе.

Неоднократно участвовал в работе научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность», печатался в сборниках и материалах конференции.

Им подготовлены и изданы многие сборники документов по истории и культуре старообрядчества.

В 2008 г. вместе с ржевским археографом В.В. Волковым основал книжную серию «Наследие старообрядческих апологетов, начетчиков, писателей».

Написал и опубликовал более 200 работ по истории и культуре старообрядчества.

Выступление В.В. Боченкова на конференции 12 ноября 2014 г.

СПРАВКА: Николай Юрьевич Бубнов - (род. 25.05.1937), историк, археограф, источниковед, исследователь книжной культуры старообрядчества. Окончил исторический факультет РГПИ им. А.И. Герцена. С 1963 года работает в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию «Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества», в 1990 г. - докторскую диссертацию «Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: источники, типы, эволюция».

Н.Ю. Бубнов является автором более 150 публикаций.

Некоторые из них: Отчет об археографической экспедиции библиотеки АН СССР 1965 г. (Онежский и Каргопольский р-ны) // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. - М.; Л., 1966. - С.199;

Старообрядческая книга в России во второй половине XVII века. Источники, типы и эволюция. - СПб., 1995;

**Агеева Е.А. (слева), Бубнов Н.Ю., Волкова Т.Ф.
В перерыве между работы секций. 12 ноября 2014 г.**

Пергаменные рукописи библиотеки Академии Наук СССР: Описание рус. и славян. рукоп. XI-XVI веков / Сост.: Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. - 235 с. - Из содерж.: Евангелие апостолов полное ("Сийское").- С. 78-82.;

Описание Рукописного отдела БАН СССР / Сост. А.А. Амосов, Л.Б. Белова, М.В. Кукушкина. - Л., 1989. Т. 3, вып. 3:

Исторические сборники XVIII-XIX в.; Сочинения писателей-старообрядцев XVII в. Описание Рукописного отдела БАН СССР. - Л., 1984. Т.7, вып.1;

Сочинения писателей-старообрядцев второй половины XVIII в. Описание Рукописного Библиотеки Российской Академии наук / Сост. Н.Ю. Бубнов. - СПб., 2001. Т.7, вып.2.;

Бубнов Н.Ю., Подковырова В.Г. Лицевые рукописи старообрядческой традиции в фондах Библиотеки АН // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы XXIII годичной конференции СПб. отд-ния Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (26-28 ноября 2002г.) Вып.18. - СПб., 2002. - С.57-59.

Николай Юрьевич друг музея. Принимал участие в конференциях «Старообрядчество: история, культура, современность» в 2007 и 2014 гг.

Желаем от всего сердца крепкого здоровья, бодрости духа и творческих успехов.

На имя нашего друга Н.Ю. Бубнова пришло поздравление с Украины (г. Одессы).

Дорогой Николай Юрьевич!

Одесса, а также все окружающие старообрядческие веси спешат поздравить Вас, Человечище и Археографище, с Вашим 80-летним юбилеем! Рады и горды, что за эту насыщенную событиями и открытиями жизнь Вы наполнили научную копилку (прежде всего - БАН) множеством артефактов, описали их и ввели в оборот не только академического, но и широкого сообщества! При этом, помним, что Вам принадлежит честь быть первооткрывателем множества региональных собраний, в т.ч. - и нашего, «Белокриницкого архива»! Искренне служа ее величеству Науке, Вы самозабвенно, не замечая тягот экспедиционного быта и трудностей хронологических и географических расстояний, умудрились стать олицетворением этой самой Науки.

Обладая тонким интеллектом, потрясающей эрудицией и уникальной интуицией Вас радовала Жизнь, обнимающая Вас далеко не всегда своими мягкими сторонами. В этой взаимной радости рождались, реализовывались и задумывались мечты, проекты, книги!!!

Приятнейшее общение с Вами всегда выходило за пределы как Вашей жизни, так и Ваших профессиональных интересов! Эти беседы всегда полны остроумия, мудрости и ненавязчивых уроков! Здорово, что дожив до седых волос, Вы во многом сохранили молодую чуткую душу и, вместе с тем, пылкий и наблюдательный разум!

Наивно представлять Вас этаким почивающим на лаврах старцем (хотя как никому есть на чем!)... Имея такой серьезный и разноплановый опыт в прошлом, обладая разнообразным настоящим Настоящим, Вы остаетесь надеждой на Будущее!

Многая поля! Многая книга! Многая мысль!

Многая лета, дорогой Николай Юрьевич!!!

Т.Ф. Волкова со своими учениками. 2007 г.

СПРАВКА: Волкова Татьяна Федоровна

родилась 27 февраля 1947 г. в г. Костроме. В 1971 г. закончила Ленинградский государственный университет, а 1982 г. защитила кандидатскую по теме «Казанская история и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI в.» (к.филологических н.). В 2012 г. защитила докторскую по теме: «Литературное творчество усть-цилемских крестьян в контексте печорской рукописно-книжной традиции».

В 1988 г. при ее участие была создана лаборатория «Проблемная научно-исследовательская лаборатория фольклорно-археографических исследований по духовной культуре Севера», которая просуществовала до 2000 г.

Ее трудами создан фонд данных о печорской книжности - о создателях и хранителях печорской рукописной традиции, писцах, владельцах книжных собраний, читателях из числа печорских крестьян, о составе печорских рукописных сборников, о записях читателей и владельцев на рукописных и старопечатных книгах. Список трудов насчитывает более 150 названий.

В настоящее время она профессор кафедры Русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

СПРАВКА: *Дроздов Михаил Сергеевич*, родился 4 декабря 1948 г. в г. Старая Русса Новгородской обл. В 1982 г. закончил Московский физико-технический институт в 1972 г. В 1980 г. защитил кандидатскую (к. физико-математических н.).

Научные интересы в области истории промышленности и торговли, московские купцы-старообрядцы, благотворительность, Рогожское кладбище, Богородский уезд, Гуслица, новгородские старообрядцы.

Статьи о Морозовых, Д.П. Рябушинском, фонде Рогожского кладбища в Отделе рукописей ГБЛ, Родословие Морозовых, Уездный город Богородск, телевизионные фильмы о Рябушинских.

Активный участник конференций «Старообрядчество: история, культура, современность».

СПРАВКА: *Констанс Доулинг* родилась 8 июля 1948 г. в США.

Окончила BAUniversity of Pennsylvania, 1970 (Университет Пенсильвании, США); PhD University of Dublin, Trinity College, 1999 (Университет Дублина, Тринити Колледж, Ирландия).

Работает в г. Дублин, Ирландия.

PhDDissertation (УниверситетДублина, Тринити Колледж) потеме: The Fabric of Old Belief. Staroobriadtsy Traditions of Clothmaking, Dress and Ritual from the 17th to the 20th Century.

Научные интересы: этнография; купечество Москвы.

Активно принимала участие в работе наших конференций в 2005, 2011, 2014, 2018 годах.

Основные работы по теме «Старообрядчество»:

- 'In a Strange Land': Old Believers in 'Belovod'e', Irish Slavonic Studies, No. 21, Dublin, 2000.

- Повседневная жизнь женщин в старообрядческих селах Алтая на пороге перемен // Женщина в старообрядчестве: Материалы. Петрозаводск, 2006.

Купцы-старообрядцы Бутиковы // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. Т. 1, М., 2005.

- Ткацкая традиция в старообрядческих деревнях Алтая. // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 1998.

- Жизнь одной московской староверки и её окружение в послереволюционной Москве. // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. Т. 1. М., 2011. Т.1.

- Переписка Евдокии Савватьевны Зиминой с дочерью Любовью Ивановной: Рассказ о трёх свадьбах в семействе Зиминых (1908-1910 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 2014.

- Судьба детей Александры Ивановны и Павла Павловича Рябушинских в послереволюционный период: по материалам архива Михаила Павловича Рябушинского в публичной библиотеке Нью-Йорка и других архивов. // Старообрядчество. История, культура, современность. Вып. 16. М., 2018.

ДОРОГАЯ КОНСТАНС ДОУЛИНГ !!!

Музей истории и культуры старообрядчества (г. Боровск) поздравляет Вас с юбилеем. Нас с вами связывает многолетняя дружба. Вы - постоянный участник международных конференций «Старообрядчество: история, культура, современность», которые проводит музей, печтаетесь в музейных сборниках и материалах конференции.

Ваши выступления на наших конференциях и публикации в наших сборниках всегда радость для нас. Ваши статьи читаются с большим интересом и отличаются точнейшей архивной документированностью.

Вы выбрали своей темой образ женщины из русской старообрядческой среды и в поисках материала по этой теме проехали с экспедициями и конференциями от Москвы до Петрозаводска, от Алтая до Боровска, работали в известных архивах Москвы, Петербурга, Европы и Америки.

Мы желаем Вам и всем близким Вам людям счастья, радости, здоровья и, конечно же, новых научных открытий! Надеемся на продолжение нашего сотрудничества, которое так для нас важно.

Боровск 8 июля 2018 г.

**Констанс Доулинг (справа) с Екатериной Михалиной.
В перерыве между работы секций. 12 ноября 2014 г.**

СПРАВКА: *Виктор Петрович Ершов* родился 12 апреля 1937 г. в городе Ардатове Мордовской республики. В 1960 г. закончил Казанский педагогический университет; работал в школе-интернате №4 г. Медвежьегорска (республика Карелия).

В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию (к. педагог. н.); преподавал в Педагогическом университете Карельской республики (г. Петрозаводск).

С юных лет он был влюблен в красоту Карельского края. Посетив ее студентом, выпускником Казанского университета добились распределения в край «непуганых птиц».

Как человек многогранных талантов, вы щедро делились ими с учениками, коллегами и друзьями.

Необычайно велик объем работы по краеведческой деятельности. На протяжении многих десятилетий он изучал Карелию со школьниками и студентами. Это были экспедиции по сбору уникальных памятников староверческого прошлого северного края. Собранные им материалы избежали гибели и разграбления, стали основой разного уровня музеев: школьного, краеведческого и образовательного.

Теоретическая значимость собранных вами коллекций стала базой интереснейших научных исследований: «Мои краснушки: крестьянские иконы XVI–XX вв.: каталог частной коллекции В.П. Ершова». (Петрозаводск, 2010), «Старообрядческая икона-примитив XVIII века „Архангел Михаил – воевода“». (Петрозаводск, 2008).

Виктор Петрович – доцент кафедры философии Карельской государственной педагогической академии, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры Карелии, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, автор 7 книг и более 120 статей. Каталог «Мои краснушки» представляет читателю частную коллекцию икон. Частные коллекции чаще всего не попадают в поле зрения ученых и любознательного читателя. Публикуемая книга восполняет этот пробел. В ней представлены как крестьянские иконы (краснушки), так и образцы профессиональной иконописи. Иконы, как и люди, имеют свои биографии. Читателю будет небезынтересно узнать, как складывалась судьба каждой иконы. Книга предназначена для искусствоведов, музейных работников, преподавателей школ и ВУЗов, а также для тех, кто интересуется проблемами культуры и искусства Севера.

Виктор Петрович постоянный участник конференций «Старообрядчество: история и культура».

На фотографии справа В.П. Ершов, рядом (слева) его друг и коллега В.Н. Водолазко.

СПРАВКА: *Ромульд Игоревич Перекрестов* родился 8 марта 1947 г. в г. Харькове. В 1969 г. закончил Харьковский мединститут. Работает в 150-м Центральном Военном Госпитале Космических Войск города Краснознаменск. Занимается краеведением города Клинцы Брянской области и старообрядчеством Стародубья XVIII–XIX столетий.

Автор краеведческого сборника «Клинцовский летописец» (Клинцы, 2004. 28,8 печатных листов), в котором представлено историческое исследование «Структура переселенческих потоков из России и Польши

в старообрядческие слободы Малороссии в конце XVII – начале XVIII столетия по материалам переписи обывателей государевых описных раскольниковых слобод 1729 года». Подготовил и издал в 2007 году к печати монографию «Ксенос (Иларион Георгиевич Кабанов), жизнь и подвиг» (более 30 печатных листов).

Автор статей в научных сборниках и в клинцовой газете «Труд».

Статьи в сборнике «Старообрядчество: история, культура, современность»:

- 4-я конференция, май 1998 г., «Семья клинцовских просветителей», с.229–231.

- 5-я конференция, ноябрь 2000 г., «Роль литовских шляхтичей Халецких в истории Ветки», с.87–94, «Заметки о попечителях клинцовских храмов и монастырей», с.192–198.

- 6-я конференция, ноябрь 2002, «Источники накопления капиталов старообрядцами Стародубья в начале XVI–II в.», с.78–83., «Плач по Иргизу», с.322–325.

- 7-я конференция, февраль 2005, т.I, «Клинцовская живопись», с.377–390.

В других сборниках:

«Биографические заметки о личности клинцовского книгоиздателя Дмитрия Рукавишникова» // Древнерусская книжная традиция и современная литература.

Тезисы докладов Международной научно-

практической конференции 14 – 16 октября 1998 г. Нижний Новгород. 1998, С.37–40.

Друг музея. Принимал практически во всех конференциях «Старообрядчество: история, культура, современность».

СПРАВКА: *Ружинская Ирина Николаевна* родилась 16 января 1968 г. в г. Петрозаводске. В 1990 г. закончила исторический факультет Петрозаводского государственного университета. Область научных интересов в старообрядчестве: краеведение, демография, историческая география, историческая информатика.

В 2002 г. защитила диссертацию «Старообрядчество Олонецкой губернии в конце XVIII-сердине XIX вв.: численность, расселение, состав».

Ирина Николаевна работает старшим преподавателем кафедры истории дореволюционной России в Петрозаводском государственном университете.

Дорогая Ирина Николаевна!

Будучи ещё аспиранткой, вы успешно выступили на 2-й конференции. В последующие годы вы, уже состоявшийся учёный, принимали участие в конференциях, привозя интересные доклады, причем при встрече сразу спрашивали: «Чем помочь?» И — помогали, выполняя любую необходимую работу, иной раз весьма далёкую от научных трудов.

Мы благодарны Вам за всё: за Ваши прекрасные исторические исследования, читать которые и публиковать в наших сборниках — одно удовольствие; за Вашу милую улыбку, наполняющую радостью всех нас; за ту уверенность в нужности нашей работы, которую Вы всегда в нас вселяли. Будьте же счастливы, наша славная Ирочка — Ирина Николаевна! Радости Вам, здоровья, новых научных открытий! Радости и здоровья всем близким Вашему сердцу людям!

Мы надеемся на продолжение сотрудничества и ждём Ваших новых работ по старообрядчеству. Ваша дружба для нас — большая радость и большая поддержка.

СПРАВКА: *Сморгунова Елена Михайловна*, к.филологических н., родилась в Москве 23. апреля 1937 г. 30 июня 1959 г. окончила филологический факультет Московского государственного Университета им. М.В.Ломоносова. В 1967 г. защитилась по теме «Графика Смоленской скорописи XVII века»

Научные интересы - лингвистика, история старообрядчества и книжная культура староверов.

В 2004 г. работала в Свято-Филаретовском Институте, г. Москва.

Елена Михайловна в перерыве между работы секций. 12 ноября 2014 г.

М.С. ДРОЗДОВ

**ВОСПОМИНАНИЯ О «НУЛЕВОЙ» КОНФЕРЕНЦИИ ПО СТАРООБРЯДЧЕСТВУ
(К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СТАРООБРЯДЧЕСТВО:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА». БОРОВСК. 6-8 ДЕКАБРЯ 1990 Г.)**

Сейчас не так легко восстановить события почти 30-летней давности. В памяти у меня только отдельные куски воспоминаний о тогдашних трех днях в декабре, но мне кажется важным уже просто напомнить об этой конференции, с которой, по моему глубокому убеждению, началось систематическое и многообразное (не только археография и этнография), интенсивное изучение важнейшего русского исторического и культурного явления — старообрядчества.

Как я, краевед, занимавшийся уже довольно много лет Морозовыми и Рябушинскими, узнал об этом начинании Виктора Осипова и его друзей? Скорее всего, от самого Виктора. А откуда я его знал, как мы познакомились и в какой степени были тогда мы знакомы? Не могу припомнить. Могу только сказать что в июне того, 1990-го, года я уже возил к нему в Боровск Ирину Саввишну Морозову, правнучку С.Т. Морозова, и он тогда показал нам свой замечательный город.

Староверы мне знакомы с детства, в родной моей Старой Руссе была одна из самых больших в России общин беспоповцев. Мать моя, очень богомольная, твердая «никонианка», уважительно, однако, относилась к староверам за их непоколебимую веру и трудолюбие, особенно к семье Соловьевых, наших соседей и дальних свойственников. Ну а в 1990 г. я был погружен в массу дел и занятий: ВООПИК, Московское купеческое общество, скауты-разведчики (ОРЮР), наш храм в Макарове, храм в Стромыни, исторический кружок в школе, лекции мои о купцах-меценатах и пр. А еще семья, и на работе в институте еще занимались экспериментами, хоть все и разваливалось, трещало по швам. Но Витя позвал, и я с радостью поехал.

Витя, Виктор, Виктор Иванович Осипов, родившийся и выросший в Боровске, после окончания института в Калуге и работы учителем истории, в 1987 г. возглавил организованный в Боровске краеведческий музей. На момент созыва конференции (думаю, что это была его идея — ну, и его ближайших единомышленников) он уже 3 года директорствовал в музее. В его активе уже было около десятка публикаций в музейных сборниках и несколько десятков статей в местных газетах. Уже были «Боровские чтения» и альманах «Боровский краевед», явно не обошедшиеся без Вити, а скорее всего им и созданные. Старообрядческая тематика уже стала главной в его деятельности.

Скучные мои записи в ежедневнике той поры помогают памяти: 1 ноября: «Написать в Боровск» 2 ноября: «Список для Осипова и Золотарева». Золотарев — мой друг, коллекционер, деятель ВООПИК, краевед тоже, а вот о каком списке

**Участники конференции
Н.В. Поньрко и М.С. Дроздов**

речь — не вспомню, конечно 15 ноября: «Письмо от Вити Осипова». Подозреваю, что в этом письме и было приглашение, но, наверное, без каких-то подробностей, ибо запись от 28 ноября вопрошала: «Как ехать в Боровск (Попов?)». По-видимому, была мысль ехать вместе с С. Поповым, режиссером по образованию, странным редактором странной газеты «Ведомости. Издание Госснаба СССР», где я в марте 1990 г. опубликовал свою статью «Старообрядчество и русская промышленность». 6 декабря у меня написано: «Рано утром ехать в Боровск. Перенести беседу /об искусстве / у Мани / дочери / в классе и занятие исторического кружка»

Занятия я перенес и 6 декабря утром поехал из Черноголовки на Киевский вокзал. Оттуда на электричке до Балабанова, а там, по-моему, был прислан автобус из Боровска. Добрались до музея в центре города, на площади Ленина.

**ИЗ АРХИВА КОНФЕРЕНЦИИ «Старообрядчество: история и культура».
6-8 декабря 1990 г. г. Боровск. Фото А.С. Полякова.**

Выступает Е.А. Агеева. Ведущие: И.К. Русакомский, И.В. Поздеева, В.И. Осипов

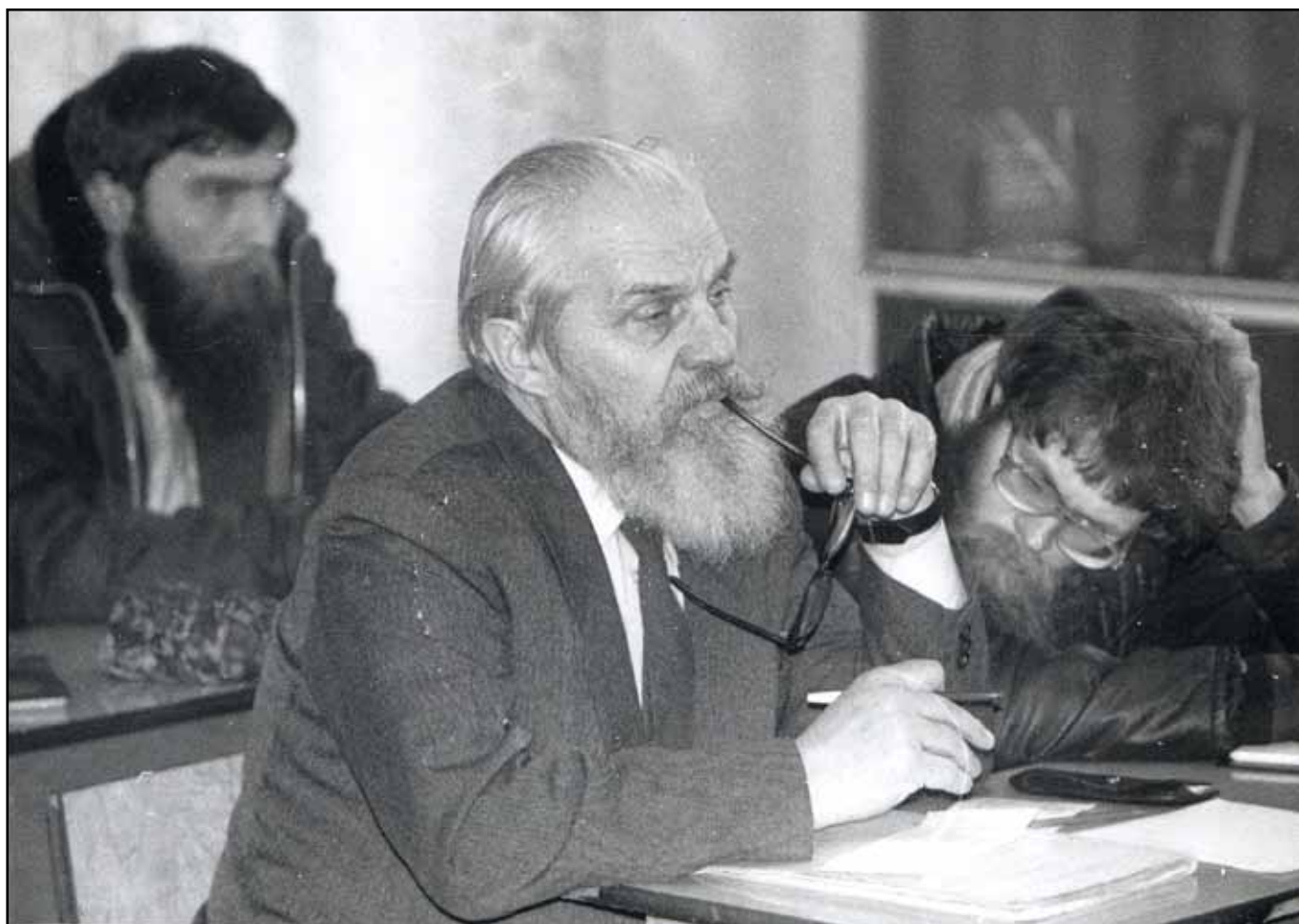
Выступает Т.Ф. Волкова. Ведущие: И.В. Поздеева, В.И. Осипов

Выступает А.С. Лебедев

Выступает В.Н. Милованов

Председатель поморской общины П.Н. Хвальковский

Зарегистрировались. И в студенческом общежитии, вроде, обосновались сразу же. И уж точно — в тот же день устроители порадовали нас экскурсией в Пафнутьев монастырь (отчасти и по городу). Вел ее В.И. Осипов, и вел опять прекрасно, показал все связанное с Аввакумом и боярыней Морозовой, показал староверские лубки и многие вещи староверские. В монастыре, не отданном еще РПЦ и принадлежащем Боровскому музею, была соответствующая экспозиция, и весьма неплохая. У меня до сих пор в памяти Витин вдохновенный образ, когда он рассказывал о святых героях старообрядчества. И даже многоопытная, самая авторитетная И.В. Поздеева вся была во внимании, слушая Витю

7 и 8 декабря были доклады. Научный «собор» заседал в трапезной Пафнутьева монастыря, в помещении 1511 г.! Началось, как положено, с пленарной сессии. Председательствовали И.В. Поздеева и В.И. Осипов. По сохранившейся программе протекало все так: 7-го были представлены доклады Н.Ф. Филатова, С.В. Позднякова, О.П. Ершовой, Т.В. Берестецкой, М.В. Пулькиной, А.М. Пашкова, Т.Ф. Волковой. Потом был перерыв на обед, а после обеда выступали представители Рогожской общины А.С. Лебедев и В.Н. Милованов, потом Е.А. Агеева, А.И. Осипова, М.С. Дроздов, И.К. Русакомский. Ужин довольно поздний, а после ужина еще лекция руководителя археографической группы МГУ проф. Ирины Васильевны Поздеевой. В субботу 8 декабря конференция продолжалась там же. Мы слушали сообщения Е.Б. Смилянской, И.В. Поздеевой, Е.М. Сморгуновой, А.С. Фролова, М.В. Богомоловой, Л.А. Игошева.

Еще среди участников были не попавшие в программу Е.М. Юхименко, Н.В. Поньрко, Н.Г. Денисов, представители общин старообрядцев Рогожского и Преображенского кладбищ.

Обстановка на конференции была очень хорошая, почти домашняя. Особенно, и как всегда, — в кулуарах: обсуждались важные вопросы, происходили знакомства и обмены адресами, обсуждения тем исследования, планов и пр. В аудитории не было еще компьютерных проекторов, а был волшебный фонарь — эпидиаскоп. Не было телефонов и смартфонов, гаджетов разных. Но связь тем не менее как-то работала, а когда собирались, то все общались непосредственно, а не посредством электроники. Был голодноватый уже и не сулящий ничего хорошего в будущем 1990 г. Но в Боровске нам всем, я думаю, было хорошо, комфортно.

Около 2 часов дня 8 декабря 1990 г. состоялось закрытие конференции, а после прощального обеда нас повезли на станцию Балабаново, откуда мы вернулись в Москву. Как помню, народ был в приподнятом настроении. Конференция явно удалась, задуманное было выполнено. Всю обратную дорогу перезнакомившиеся участники оживленно проговорили друг с другом.

Всего было заявлено на конференцию 19 докладов (а реально как бы ни 20) из семи городов, больше всего, конечно, из Москвы — 12 или 13. А

еще были представлены Петрозаводск, Сыктывкар, Нижний Новгород, Малоярославец, Боровск, Ногинск (так был помечен мой доклад, более верно — Ногинский научный центр, Черноголовка). Кроме докладчиков было немало слушателей, в основном из Калужской области, но и не только: в зале сидело не меньше 40 человек, очень неплохо для начала!

Темы выступлений касались довольно широкого круга вопросов. Речь шла о древних книгах и современном состоянии старообрядчества, об охране художественно-исторических ценностей и об Аввакуме на Нижегородской земле, об историографии раскола и об исследователях старообрядчества, о старообрядческом некрополе и о древних распевах и певческих рукописях, о Выговской общине и о Рогожской, о Печоре и Гуслице и пр.

Мне лично запомнились следующее: Е.А. Агеева сделала отличный доклад о старообрядческом Подмоскovie, В.К. Русакомский о Преображенском центре старообрядческой культуры, И.В. Поздеева — о традиционной книжности крестьян-старообрядцев в верховьях Камы. Мой доклад назывался длинно «Старообрядческая династия Рябушинских — семейство промышленников, банкиров, политиков, меценатов, ученых». Но мне больше, и это естественно, наверное, запомнился мой неформальный, вне официальных рамок конференции, «слайд-рассказ» о фабрикантах-староверах (в основном, скорее всего, о Морозовых и Рябушинских) уже вечером в общежитии, в комнате, набитой народом до предела. По-моему, он произвел впечатление (думаю самокритично, что скорее большим количеством картинок, чем качеством сопроводительного текста). Во всяком случае, одна из основных участниц тогдашних вспоминала его и через много лет после 1990 г.

Так прошла эта конференция высокого научного класса и широкого тематического охвата, организованная не академическим институтом, не вузом, а небольшой группой энтузиастов (важно еще добавить — с неформальным лидером В.И. Осиповым). В «шапке» приглашения стояло: Боровский районный отдел культуры, Боровский филиал Калужского областного краеведческого музея. Вот так! В программе к этому еще все же добавилась «Международная научная ассоциация исследователей старообрядчества».

В следующем 1991 г. В.И. и А.И. Осиповы выпустили сборник «Старообрядчество. История и культура» (так они обозвали выпуск третий альманаха «Боровский краевед») — 64 страницы, тираж 2000 (!) экземпляров. В нем, к сожалению, было опубликовано только 6 докладов (О.П. Ершовой, Т.В. Берестецкой, М.В. Пулькиной, А.С. Фролова, Т.Ф. Волковой, А.И. Осиповой) с прошедшей конференции, но это был уже прообраз будущих сборников «Старообрядчество: история, культура, современность».

Для меня научное собрание в Боровске имело значение довольно важное: я познакомился с рядом высоких профессионалов. До этого из

✠

Приглашаем Вас
принять участие в на-
чале конференции
"Старообрядчество-
история и культура?"
которая состоится
6-8 декабря 1990 г.

• Боровский районный
отдел культуры
• Боровский филиал
Калужского областного
краеведческого музея

Регистрация
проходит по адресу:
г. Боровск, пл. Ленина, 7

✠

Тропед:
от Киевского вокзала
г. Москвы до ст. Балабаново,
далее автобусом "Балабаново-
Боровск"

✠

научная конференция

**СТАРОБЫДЧЕСТВО:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

участников конференции я знал очень немногих. Знал, например, очень активного, деятельного хранителя русского наследия Игоря Климентьевича Русакомского, бывал у него в Институте искусствознания, мы с ним, помню, даже ходили в театр «Ленком» агитировать, грубо говоря, за староверов. А когда в 1988 г. хоронили Михаила Ивановича Чуванова, он сменил меня при выносе гроба из храма в Преображенском монастыре в Боровске круг знакомств значительно расширился.

Но самое большое значение конференции состояло, конечно, в том, что она не стала «первой и последней», а породила последующие семинары и конференции. Стал ясен большой интерес исследователей к старообрядческой тематике, стало ясно, что конференции, подобные боровской, нужны, возникла необходимость в постоянно действующем оргкомитете. Правда, следующая (формально первая) конференция под

слегка измененным названием «Старообрядчество: история, культура, современность» была создана только через 4 с лишним года, но уже формально вторая — всего через год после первой. В новом тысячелетии они проходили с периодичностью 2-3 года. XI-я была в 2014 г., XII-я — заочно — в 2018 г. В этих конференциях принимает участие теперь много десятков докладчиков, география их гораздо шире той, давней, боровской. Я и мой ногинский (богородский) коллега Е.Н. Маслов тоже участвовали в нескольких из них. А теперь подошло время и для воспоминаний

Многие из участников этой первой, ставшей в нынешней системе отсчета, получается, «нулевой», конференции цикла «Старообрядчество: история, культура, современность» до сих пор активно участвуют в современных исследованиях, в конференциях по старообрядчеству. Начало им положено в Боровске 28 лет назад.

Приложение. Программа конференции.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СТАРООБРЯДЧЕСТВА
БОРОВСКИЙ ФИЛИАЛ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
БОРОВСКИЙ РАЙОННЫЙ ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ**

ПРОГРАММА

Старообрядчество: история и культура

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Боровск 6—8 декабря 1990 г.

6 декабря (четверг)

10.00—17.00 Заезд участников конференции. Регистрация по адресу: Боровск, пл. Ленина, 7. Музей. Размещение в гостинице.

14.00—18.00 Знакомство участников конференции с историко-архитектурными памятниками г. Боровска и Пафнутьев-Боровского монастыря, выставкой «История старообрядчества Боровского края».

18.00—19.00 Ужин.

Заседание координационного совета.

7 декабря (пятница)

10.00—13.00 Пленарное заседание. (Трапезная Пафнутьева монастыря).

Филатов Н.Ф. (Н. Новгород)

Новые материалы жизни и становления «неистового» Аввакума на Нижегородской земле.

Поздняков С.В. (Малоярославец)

Аввакум как первый историограф старообрядчества.

Ершова О.П. (Москва)

К вопросу об историографии раскола второй половины XIX в.

В. С. Соловьев о проблеме старообрядчества.

Берестецкая Т.В. (Москва)

В.Г. Дружинин как исследователь старообрядческой культуры.

Пулькин М.В. (Петрозаводск)

Эволюция идейно-религиозных представлений обитателей Выговского старообрядческого монастыря в XVIII в.

Пашков А.М. (Петрозаводск)

Культура Выговского раскола во второй половине XVIII-первой половине XIX вв.

Волкова Т.Ф. (Сыктывкар)

Современные хранители древнерусской книжности на Средней и Нижней Печоре (по материалам археографических экспедиций Сыктывкарского университета 1977-1990 гг.).

13.15—14.15 Обед.

14.30—18.00 Продолжение конференции.

Лебедев А.С. (Москва)

Современное состояние старообрядчества.

Милованов В.Н. (Москва)

Охрана художественно-исторических ценностей Церкви.

Агеева Е.А. (Москва)

Старообрядческое Подмосковье: источники, традиции, современность.

Осипова А.И. (Боровск)

Миссионерская деятельность среди старообрядцев братства прп. Пафнутия.

Дроздов М.С. (Ногинск)

Старообрядческая династия Рябушинских — семейство промышленников, банкиров, политиков, меценатов, ученых.

Русакомский И.К. (Москва)

Опыт организации научного центра старообрядческой культуры.

18.00—19.00 Ужин.

19.00 — 21.00 Лекция (Боровск, пл. Ленина, 7)

Поздеева И.В. Традиционная культура русского старообрядчества.

8 декабря (суббота)

10.00—14.00 Продолжение работы конференции. (Трапезная Пафнутьев- Боровского монастыря).

Смилянская Е.В. (Москва)

Вопросник комплексной археографической экспедиции и его роль в изучении культуры русского старообрядчества.

Поздеева И.В. (Москва)

Традиционная книжность крестьян-старообрядцев в верховьях Камы XVIII-XX вв.

Сморгунова Е.М. (Москва)

Ответ староверов на вызов нового времени (по рукописи XX века).

Фролов А.С. (Москва)

Археологическое изучение старообрядческого кладбища XVIII века в Калужском бору.

Богомолова М.В. (Москва)

Путевой и демественный распевы в старообрядческой традиции (по материалам Ветковско-Стародубского собрания МГУ).

Игошев Л.А. (Москва)

Вариантность в певчих рукописях (Вопросы и выводы).

Заккрытие конференции 14.30—15.30 Обед.

Отъезд участников конференции на автобусах до ж-д. ст. Балабаново.

Илл.4. Лестовки подвенечные.
Нижегородская (справа) и Могилевская губ.
Начало XX в. РЭМ, колл. № 2441-32, 1201-42.

